

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№12(107)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ

nauchforum.ru

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

*Сборник статей по материалам CVII международной
научно-практической конференции*

№ 12 (107)
Декабрь 2025 г.

Издаётся с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

Н34

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

Н34 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам CVII междунар. науч.-практ. конф. – № 12 (107). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 204 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Статьи на русском языке	8
Раздел 1. Политология	8
1.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	8
АРКТИКА КАК АРЕНА ГЛОБАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА: РЕСУРСЫ, КЛИМАТ И БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ Шодмонова Мафтуна Тохирджоновна	8
Раздел 2. Философия	25
2.1. Онтология и теория познания	25
ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ФИЛОСОФСТВУЕТ? ПРИРОДА ФИЛОСОФСКИХ ВОПРОСОВ И ИХ ВЕЧНЫЙ ХАРАКТЕР Агамедов Богдан Советович Соколкин Евгений Михайлович	25
2.2. Социальная философия	32
ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ПОКОЛЕНИЕ Z: РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕОСмыСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ? Буркутбеков Мадияр Бейбитович Какимжанова Маргарита Кабдулаевна	32
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА МОЛОДЁЖЬ: ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА, ЦЕННОСТЕЙ И ОРИЕНТИРОВ Шокеев Даурен Сайдынуржанулы	36
2.3. Философия науки и техники	41
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАНЯТОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ТРУДУ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ Кервенов Нұрел Айдосұлы Какимжанова Маргарита Кабдуллақызы	41

Раздел 3. Юриспруденция	45
3.1. Административное право; административный процесс	45
ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ОБРАЩЕНИЮ В СУД С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ИСКОВЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ, ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ Черных Анастасия Сергеевна Завьялов Артем Сергеевич	45
3.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	52
РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМОВ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ Алешков Павел Владимирович	52
ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО ПОВОДУ ЧЕСТИ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН Галишников Олег Александрович Левушкин Анатолий Николаевич	57
САМОЗАЩИТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ Заусов Кирилл Алексеевич	62
ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ Золотарева Татьяна Владимировна	67
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В РОССИИ Игнатьев Андрей Андреевич	73

ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ Корнеев Павел Сергеевич	78
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ Крылов Андрей Владимирович	81
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Кузнецов Виктор Александрович Левушкин Анатолий Николаевич	87
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ Малкова Екатерина Вячеславовна	93
КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ Селютина Аида Исмаиловна	99
МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Фахрутдинов Айдар Альбертович	105
ОРЭМ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА Хаблак Евгений Владимирович	109
3.3. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	115
ДЕПРИВАТИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КС РФ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 2024 ГОДА Дегтерев Михаил Сергеевич	115
ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ЭПОХУ ИИ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ Есиков Александр Александрович	119

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Яцко Мария Вячеславовна Кулешова Наталья Викторовна	127
3.4. Криминалистика; судебноэкспертная деятельность; оперативнорозыскная деятельность	140
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА, СОВЕРШАЕМОГО В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ Суховеев Евгений Михайлович Воронина Анастасия Антоновна	140
3.5. Международное право	149
АВТОНОМИЯ ВОЛИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВА, ПРИМЕНИМОГО К ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА Басырова Нелли Азатовна Дёрина Диана Максимовна	149
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ Корнеев Павел Сергеевич	153
ОТ ПРОЦЕДУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ К ГУМАНИТАРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: МРІА КАК ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПРАВ МАЛЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ Чжао Жуньфэн	157
3.6. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность	161
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ Олифиренко Екатерина Павловна	161

ЭКСТРЕМИЗМ: ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ И СУЩНОСТЬ	165
Рубцов Артем Антонович	
3.7. Трудовое право; право социального обеспечения	169
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ	169
Тюрина Марта Викторовна	
3.8. Уголовный процесс	173
ВЫЯВЛЕНИЕ, СБОР И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	173
Нгуен Чыонг Занг	
3.9. Финансовое право; налоговое право; бюджетное право	179
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ИХ АДАПТАЦИЯ К ЭМИССИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ	179
Гончаренко Андрей Сергеевич	
Articles in English	185
Section 1. History and archaeology	185
1.1. History of international relations and foreign policy	185
STRATEGIC IMPORTANCE OF TÜRKİYE IN THE EXPORT ROUTES OF AZERBAIJANI ENERGY RESOURCES TO GLOBAL MARKET	185
Azer Ismayilzada	

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

АРКТИКА КАК АРЕНА ГЛОБАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА: РЕСУРСЫ, КЛИМАТ И БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Шодмонова Мафтуна Тохирджоновна

*магистрант кафедры социологии
Института международных
отношений и социально-политических наук,
Московский государственный
лингвистический университет,
РФ, г. Москва*

THE ARCTIC AS AN ARENA OF GLOBAL COMPETITION: RESOURCES, CLIMATE, AND SECURITY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

Shodmonova Maftuna Tokhirjonovna

*Master's student
of the Department of Sociology
at the Institute of International
Relations and Social and Political Sciences
of the Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

Аннотация. Арктический регион превратился в зону интенсивного геополитического соперничества между ведущими мировыми державами. Таяние льдов вследствие климатических изменений открывает доступ к богатейшим природным ресурсам и новым транспортным маршрутам, что радикально меняет стратегическую значимость региона. В данном исследовании анализируются ключевые факторы, определяющие современную геополитическую динамику в Арктике, включая борьбу за углеводородные и минеральные ресурсы, влияние климатических трансформаций на региональную безопасность, а также эволюцию стратегических интересов арктических и неарктических государств. Особое внимание уделяется роли международного права, военному присутствию в регионе и формированию новых альянсов. Исследование демонстрирует, что Арктика становится критически важной ареной соперничества, где экономические интересы переплетаются с вопросами национальной безопасности и экологической устойчивости.

Abstract. The Arctic region has become a zone of intense geopolitical competition among leading world powers. Ice melting due to climate change opens access to abundant natural resources and new transport routes, radically transforming the region's strategic significance. This study analyzes key factors determining contemporary geopolitical dynamics in the Arctic, including competition for hydrocarbon and mineral resources, the impact of climate transformations on regional security, and the evolution of strategic interests of Arctic and non-Arctic states. Special attention is given to the role of international law, military presence in the region, and the formation of new alliances. The research demonstrates that the Arctic is becoming a critically important arena of competition where economic interests intertwine with national security concerns and environmental sustainability.

Ключевые слова: Арктика, геополитика, климатические изменения, природные ресурсы, региональная безопасность, Северный морской путь, арктические государства, международное право

Keywords: Arctic, geopolitics, climate change, natural resources, regional security, Northern Sea Route, Arctic states, international law

Введение

Арктика представляет собой уникальный регион планеты, где сходятся интересы восьми арктических государств и множества неарктических держав. В последние два десятилетия этот регион переживает беспрецедентные трансформации, вызванные климатическими изменениями, которые делают ранее недоступные территории потенциально

пригодными для освоения [8]. Согласно данным научных исследований, скорость таяния арктических льдов превышает прогнозы, что создает новые возможности и вызовы для международного сообщества.

Геополитическое значение Арктики определяется несколькими факторами. Во-первых, регион содержит колоссальные запасы углеводородных ресурсов, оцениваемые в 13% неразведанных мировых запасов нефти и 30% природного газа [6].

Во-вторых, открытие новых судоходных маршрутов через Северный Ледовитый океан создает альтернативы традиционным торговым путям, сокращая расстояния между Азией и Европой на тысячи километров. В-третьих, Арктика приобретает возрастающее военно-стратегическое значение в контексте изменяющегося баланса сил в международных отношениях.

Целью данного исследования является комплексный анализ геополитического соперничества в Арктическом регионе с учетом трех взаимосвязанных измерений: ресурсного потенциала, климатических изменений и трансформации региональной безопасности.

Ресурсный потенциал Арктики как фактор геополитического соперничества

Арктический шельф содержит огромные запасы энергетических ресурсов. Согласно исследованиям Геологической службы США, в регионе сосредоточено приблизительно 90 миллиардов баррелей нефти и 1669 триллионов кубических футов природного газа, что составляет около 13 процентов неразведанных мировых запасов нефти и 30 процентов природного газа [6].

Большинство этих ресурсов расположено на континентальном шельфе, подпадающем под юрисдикцию прибрежных государств согласно Конвенции ООН по морскому праву.

Россия обладает наиболее протяженной арктической береговой линией и контролирует значительную часть предполагаемых углеводородных запасов. Крупнейшие месторождения, такие как Штокмановское газоконденсатное месторождение в Баренцевом море, представляют стратегическую ценность для национальной экономики [17].

Норвегия активно развивает добычу в районе Баренцева моря, США сосредоточены на ресурсах у побережья Аляски, а Канада претендует на значительные территории в районе Канадского арктического архипелага.

Помимо углеводородов, Арктика обладает значительными запасами минеральных ресурсов, критически важных для современных технологий. Гренландия содержит крупные месторождения редкоземельных

элементов, необходимых для производства электроники и возобновляемых источников энергии [14]. Интерес США к приобретению Гренландии в 2019 году, хотя и отвергнутый Данией, продемонстрировал стратегическую значимость этих ресурсов в контексте глобальной конкуренции.

Россия эксплуатирует крупнейшие в мире месторождения никеля и палладия на Кольском полуострове и в Норильске, а Канада развивает добычу алмазов и золота в своих северных территориях.

Арктические воды также являются одними из наиболее продуктивных рыболовных зон мира. Климатические изменения приводят к миграции промысловых видов рыб в более северные широты, создавая новые возможности для рыболовства, но одновременно порождая споры о правах на вылов и управлении рыбными запасами [9].

Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в центральной части Северного Ледовитого океана, подписанное в 2018 году, стало важным шагом в международном сотрудничестве, однако остаются нерешенные вопросы относительно справедливого распределения биоресурсов.

Климатические изменения как катализатор геополитической динамики

Арктика нагревается в два раза быстрее, чем остальная часть планеты, явление, известное как арктическая амплификация [15]. Спутниковые наблюдения показывают драматическое сокращение площади морского льда, особенно в летний период.

По прогнозам ученых, к середине XXI века Северный Ледовитый океан может стать практически свободным ото льда в летние месяцы, что создает беспрецедентные возможности для экономического освоения региона.

Районы, ранее недоступные для судоходства и разведки ресурсов, становятся доступными в течение более продолжительных периодов года. Однако таяние льдов несет серьезные риски: повышение уровня моря, изменение океанических течений и угроза экосистемам.

Таяние вечной мерзлоты угрожает инфраструктуре, высвобождает парниковые газы и изменяет ландшафты, что особенно критично для коренных народов Арктики, сталкивающихся с изменениями в традиционных способах жизни, включая охоту и оленеводство [5].

Открытие новых судоходных маршрутов революционизирует глобальную логистику.

Северный морской путь вдоль российского побережья и Северо-Западный проход через Канадский арктический архипелаг предлагают значительное сокращение расстояний между Азией и Европой по

сравнению с маршрутами через Суэцкий или Панамский каналы [10]. Россия рассматривает Северный морской путь как национальную транспортную артерию и активно развивает инфраструктуру вдоль маршрута, включая ледокольный флот и порты. К 2024 году Россия ввела в эксплуатацию несколько новых атомных ледоколов проекта "Арктика", укрепляя свои позиции в регионе. Канада отстаивает суверенитет над Северо-Западным проходом, в то время как США и другие государства считают эти воды международным проливом, что порождает юридические и политические споры.

Трансформация региональной безопасности и милитаризация

В последние годы наблюдается значительное увеличение военного присутствия в Арктическом регионе. Россия существенно расширила свою военную инфраструктуру, включая реконструкцию советских военных баз, размещение новых воинских подразделений и развертывание современных систем вооружений [13].

Создание Объединенного стратегического командования "Север" в 2014 году продемонстрировало приоритетность арктического направления в российской военной стратегии.

НАТО также усилило свое присутствие в регионе через учения и развитие военной инфраструктуры в странах-членах. Норвегия модернизирует свои военные объекты в арктической зоне, США развиваются военную инфраструктуру на Аляске, а Дания инвестирует в оборонные возможности Гренландии. Эта милитаризация отражает возрастающую стратегическую значимость региона и опасения относительно возможных конфликтов.

Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 года является основным правовым инструментом для разрешения споров о континентальном шельфе. Арктические государства подают заявки на расширение своих континентальных шельфов в Комиссию по границам континентального шельфа, что порождает пересекающиеся претензии [3].

Хребет Ломоносова в центральной части Северного Ледовитого океана является предметом спора между Россией, Данией и Канадой. Каждая из стран представила научные доказательства, подтверждающие геологическую связь хребта с их континентальными шельфами.

Разрешение этих споров потребует годы переговоров и научных исследований, что создает потенциал для эскалации напряженности.

Роль неарктических государств в geopolитике Арктики

Растущее вовлечение неарктических государств в арктическую политику представляет собой одно из наиболее значительных изменений в региональной динамике последних лет.

Если исторически Арктика рассматривалась как исключительно региональный вопрос, касающийся восьми арктических государств, то в настоящее время она становится ареной глобального соперничества, в которой участвуют крупные неарктические державы.

Китай и концепция "Полярного шелкового пути"

Китай является наиболее активным неарктическим государством в регионе. Хотя Китай не имеет территориальных претензий в Арктике, он позиционирует себя как "близкое к Арктике государство" и активно продвигает концепцию "Полярного шелкового пути" [12].

Эта концепция рассматривает Арктику как часть более широкой инициативы "Один пояс, один путь", направленной на создание новых торговых маршрутов и инвестиционных возможностей.

Китайские инвестиции в арктическую инфраструктуру значительны и разнообразны. Китайские компании инвестировали в портовые сооружения в Норвегии, Гренландии и других арктических регионах. Китай также активно участвует в научных исследованиях в Арктике, отправляя ледоколы и исследовательские экспедиции в регион. В 2018 году Китай опубликовал официальную политику в отношении Арктики, в которой подчеркивается его интерес к экономическому развитию региона и участию в его управлении [18].

Интерес Китая к Арктике обусловлен несколькими факторами. Во-первых, новые морские маршруты через Арктику сокращают расстояния между Китаем и европейскими рынками, что снижает транспортные расходы и времена доставки. Северный морской путь может сократить расстояние между Шанхаем и Роттердамом примерно на 40 процентов по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал [10].

Это имеет огромное значение для китайской экономики, которая зависит от морской торговли.

Во-вторых, Китай заинтересован в доступе к арктическим ресурсам, включая нефть, газ и минеральные ресурсы. Растущий спрос на энергию и сырье в Китае делает арктические ресурсы стратегически важными для национальной экономики. Китайские компании активно участвуют в проектах добычи углеводородов в Арктике, включая инвестиции в российские проекты, такие как "Ямал СПГ".

В-третьих, Китай рассматривает Арктику как часть глобальной системы управления, в которой он должен иметь голос. Получение статуса

наблюдателя в Арктическом совете в 2013 году было важным шагом в этом направлении. Однако Китай стремится к более активной роли в принятии решений, касающихся развития региона.

Однако растущее присутствие Китая в Арктике вызывает обеспокоенность у некоторых арктических государств, особенно у США и Канады. Опасения касаются того, что китайские инвестиции могут привести к чрезмерной зависимости арктических государств от Китая и подорвать их суверенитет. Кроме того, некоторые аналитики выражают озабоченность по поводу того, что Китай может использовать свое экономическое влияние для продвижения своих geopolитических интересов в регионе [12].

Индия и растущий интерес к Арктике

Индия, как и Китай, не является арктическим государством, но проявляет растущий интерес к развитию региона. Индия получила статус наблюдателя в Арктическом совете в 2013 году и активно участвует в научных исследованиях в Арктике. Индийские ученые проводят исследования климатических изменений и их влияния на муссонные системы, которые критически важны для индийской экономики и сельского хозяйства.

Интерес Индии к Арктике обусловлен несколькими факторами. Во-первых, климатические изменения в Арктике влияют на глобальные климатические системы, включая муссоны, которые определяют характер осадков в Индии. Понимание арктических процессов необходимо для прогнозирования климатических изменений в Индии и разработки адаптационных стратегий [19].

Во-вторых, Индия заинтересована в доступе к новым морским маршрутам через Арктику.

Северный морской путь может сократить расстояния между индийскими портами и европейскими рынками, что имеет значение для индийской торговли. Кроме того, Индия заинтересована в доступе к арктическим ресурсам, включая нефть и газ.

В-третьих, Индия рассматривает участие в арктической политике как часть своей стратегии глобального влияния. По мере того, как Индия становится более влиятельной державой в международных отношениях, она стремится участвовать в решении глобальных вопросов, включая управление Арктикой.

Однако участие Индии в арктической политике остается более скромным по сравнению с Китаем.

Индия не имеет значительных инвестиций в арктическую инфраструктуру и не проводит активную дипломатическую кампанию по

расширению своего влияния в регионе. Тем не менее, растущий интерес Индии к Арктике отражает более широкую тенденцию глобализации арктической политики.

Япония и Южная Корея

Япония и Южная Корея также получили статус наблюдателей в Арктическом совете и проявляют интерес к развитию региона. Оба государства заинтересованы в доступе к новым морским маршрутам и арктическим ресурсам. Япония, как островное государство, зависит от морской торговли и заинтересована в сокращении расстояний между своими портами и европейскими рынками. Северный морской путь может обеспечить альтернативный маршрут, который снижает зависимость от традиционных путей через Суэцкий канал.

Япония также активно участвует в научных исследованиях в Арктике. Японские ученые проводят исследования климатических изменений и их влияния на морские экосистемы, которые важны для японского рыболовства. Кроме того, Япония заинтересована в доступе к арктическим минеральным ресурсам, включая редкоземельные элементы, необходимые для производства электроники и других высокотехнологичных товаров [14].

Южная Корея, подобно Японии, заинтересована в доступе к новым морским маршрутам и ресурсам.

Южная Корея также активно инвестирует в развитие ледокольного флота и портовой инфраструктуры, необходимых для участия в арктической торговле. Южнокорейские компании участвуют в проектах добычи ресурсов в Арктике и инвестируют в портовые сооружения в регионе.

Однако участие Японии и Южной Кореи в арктической политике остается менее активным по сравнению с Китаем. Оба государства сосредоточены в основном на экономических интересах и научных исследованиях, а не на активной дипломатической кампании по расширению своего влияния в регионе. Тем не менее, их растущий интерес отражает глобальное значение Арктики.

Стратегии арктических государств

Российская Федерация рассматривает Арктику как стратегический приоритет национального развития. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации определяет регион как ресурсную базу для экономического роста и зону стратегических интересов [16]. Развитие Северного морского пути, добыча природных ресурсов и обеспечение военной безопасности являются ключевыми направлениями политики.

Экономические проекты, такие как "Ямал СПГ" и "Арктик СПГ-2", демонстрируют стремление России стать ведущим поставщиком сжиженного природного газа на мировой рынок. Однако западные санкции, введенные после 2014 года, осложнили доступ к технологиям и финансированию для арктических проектов, что замедлило реализацию амбициозных планов.

Соединенные Штаты исторически уделяли меньше внимания Арктике по сравнению с другими арктическими государствами, но в последние годы усилили свое присутствие. Национальная стратегия США в отношении Арктического региона подчеркивает три приоритета: безопасность, процветание и охрана окружающей среды [4]. США обеспокоены растущей военной активностью России и экономическим присутствием Китая в регионе. Модернизация военной инфраструктуры на Аляске и увеличение ресурсов береговой охраны для арктических операций являются частью ответа на эти вызовы.

Однако ограниченный ледокольный флот остается слабым местом американских арктических возможностей, что затрудняет полноценное участие США в региональной конкуренции.

Канада рассматривает Арктику как интегральную часть своей национальной идентичности и суверенитета. Арктическая и северная политика Канады фокусируется на правах коренных народов, экологической защите и утверждении суверенитета [7].

Споры с США о статусе Северо-Западного прохода и с Данией о принадлежности острова Ханс демонстрируют чувствительность вопросов суверенитета. Канада инвестирует в патрульные суда для арктических вод и развивает инфраструктуру в северных территориях. Вовлечение коренных народов в процесс принятия решений является отличительной чертой канадского подхода, что отражает признание исторических прав и интересов коренного населения.

Скандинавские страны имеют различные интересы и подходы к арктической политике. Норвегия является крупным производителем нефти и газа и заинтересована в расширении добычи в арктических водах. Дания сталкивается с напряженностью между метрополией и Гренландией относительно освоения ресурсов и внешних связей. Исландия, Швеция и Финляндия традиционно поддерживают мирное сотрудничество в регионе и подчеркивают важность многосторонних институтов, таких как Арктический совет.

Международные институты и механизмы сотрудничества

Арктический совет, созданный в 1996 году, является главным форумом для сотрудничества между арктическими государствами

и представителями коренных народов. Совет фокусируется на экологических и социальных вопросах, исключая из мандата вопросы военной безопасности [1]. Несмотря на геополитические напряженности, Совет продолжал функционировать как платформа для диалога и координации действий по защите окружающей среды. Однако после 2022 года и обострения международной ситуации работа Совета столкнулась с серьезными вызовами, когда семь членов приостановили участие в деятельности под председательством России, что поставило под вопрос будущее этого важного института и его способность решать региональные проблемы.

Помимо Арктического совета, в регионе действует ряд двусторонних и многосторонних соглашений. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике (2011) и Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (2013) демонстрируют возможности конструктивного сотрудничества даже в условиях геополитической напряженности [1].

Однако отсутствие всеобъемлющего арктического договора, аналогичного Договору об Антарктике, означает, что регион остается зоной конкурирующих национальных интересов, где правовые механизмы недостаточны для полного разрешения споров.

Сценарии развития: от сотрудничества к конфронтации

Развитие ситуации в Арктике может следовать различным траекториям. Оптимистический сценарий предполагает, что арктические государства смогут найти баланс между национальными интересами и общим благом. Укрепление международных институтов, соблюдение международного права и совместные проекты в области экологического мониторинга и поисково-спасательных операций способны способствовать стабильности.

Экономическая взаимозависимость, особенно в энергетическом секторе, создает стимулы для сотрудничества. Совместные научные исследования и обмен данными о климатических изменениях объединяют международное сообщество и демонстрируют возможность преодоления политических разногласий ради общих целей.

Пессимистический сценарий предусматривает эскалацию напряженности и возможность конфликтов из-за ресурсов и территориальных споров. Милитаризация региона, провал дипломатических переговоров и геополитическое соперничество между великими державами могут превратить Арктику в зону противостояния [11]. Неразрешенные

территориальные споры, особенно касающиеся континентального шельфа, могут привести к инцидентам и эскалации.

Вовлечение неарктических держав, особенно в контексте глобальной конкуренции между США и Китаем, добавляет сложности региональной динамике и увеличивает риск непредсказуемых конфликтов.

Экологические риски и устойчивое развитие.

Независимо от геополитического сценария, экологические вызовы остаются критическими. Увеличение экономической активности в Арктике несет риски разливов нефти, нарушения экосистем и ускорения климатических изменений. Баланс между развитием и сохранением окружающей среды требует международной координации и строгих экологических стандартов [2]. Коренные народы Арктики, чьи традиционные способы жизни зависят от состояния окружающей среды, должны быть активными участниками процесса принятия решений, касающихся развития региона.

Международное сообщество признает необходимость баланса между экономическим развитием и экологической защитой. Однако реализация этого баланса осложняется конкурирующими интересами государств и корпораций, стремящихся максимизировать экономическую выгоду от арктических ресурсов. Необходимо разработать комплексные механизмы оценки воздействия на окружающую среду и обязательные стандарты для всех хозяйственных операций в регионе.

Выводы и перспективы

Арктика находится на перекрестке глобальных трансформаций – климатических, экономических и геополитических. Регион превратился из периферийной зоны в арену интенсивного международного соперничества, где сталкиваются стратегические интересы великих держав. Ресурсный потенциал Арктики, особенно углеводородные и минеральные богатства, является главным драйвером геополитической конкуренции.

Климатические изменения, открывающие доступ к ранее недоступным территориям и создающие новые транспортные маршруты, ускоряют этот процесс.

Трансформация региональной безопасности, проявляющаяся в милитаризации и территориальных спорах, отражает возрастающую стратегическую значимость региона.

Анализ документов и научной литературы позволяет выделить несколько ключевых выводов. Во-первых, Арктика становится критически важной ареной соперничества, где экономические интересы переплетаются с вопросами национальной безопасности.

Каждое арктическое государство разработало собственную стратегию развития региона, отражающую его национальные приоритеты и geopolитические амбиции. Россия делает акцент на контроле над Северным морским путем и добыче углеводородов, США сосредоточены на обеспечении безопасности и противодействии российской экспансии, Канада подчеркивает суверенитет и права коренных народов, а скандинавские страны отстаивают принципы мирного сотрудничества.

Во-вторых, климатические изменения выступают не только как экологический вызов, но и как geopolитический катализатор. Таяние льдов открывает новые экономические возможности, но одновременно создает условия для конфликтов.

Прогнозируемое сокращение ледяного покрова будет продолжаться в течение ближайших десятилетий, что означает, что geopolитическое соперничество в Арктике будет только усиливаться [15]. Необходимо разработать механизмы управления этими изменениями, которые учитывали бы интересы всех сторон и минимизировали экологические риски.

В-третьих, международное право, в частности Конвенция ООН по морскому праву, предоставляет правовую базу для разрешения споров, но его применение осложняется амбициозными территориальными претензиями и отсутствием механизмов принудительного исполнения.

Пересекающиеся претензии на континентальный шельф, особенно касающиеся хребта Ломоносова, требуют длительных переговоров и научных исследований.

Укрепление правовых механизмов и создание специализированных арбитражных органов могли бы способствовать мирному разрешению споров.

В-четвертых, роль неарктических государств, особенно Китая, становится все более значительной. Концепция "Полярного шелкового пути" и инвестиции китайских компаний в арктическую инфраструктуру демонстрируют, что Арктика перестает быть исключительно региональным вопросом и становится частью глобальной geopolитической конкуренции [12]. Это создает новые вызовы для арктических государств, которые должны балансировать между инклузивностью и защитой суверенных интересов.

В-пятых, Арктический совет, несмотря на его важность, продемонстрировал уязвимость перед geopolитическими кризисами. Приостановка участия семи членов в 2022 году показала, что даже специализированные региональные институты не могут функционировать эффективно в условиях острого международного конфликта. Необходимо разработать более

устойчивые механизмы сотрудничества, которые были бы менее подвержены влиянию глобальных политических кризисов.

В-шестых, экологические риски требуют приоритетного внимания. Увеличение экономической активности в Арктике, включая добывчу углеводородов и судоходство, несет серьезные риски для уникальных экосистем региона. Разливы нефти в условиях Арктики могут иметь катастрофические последствия, учитывая сложность очистки в ледяных условиях и уязвимость местной флоры и фауны [2].

Необходимо установить строгие экологические стандарты и механизмы контроля для всех хозяйственных операций в регионе.

В-седьмых, интересы коренных народов Арктики должны быть центральным элементом любой политики развития региона. Коренные народы, включая инуитов, саамов и другие этнические группы, имеют глубокие исторические корни в Арктике и обладают уникальными знаниями о местных экосистемах.

Их участие в процессе принятия решений не только справедливо с точки зрения прав человека, но и практически необходимо для разработки устойчивых решений [5]. Канадский подход, предусматривающий активное вовлечение коренных народов, может служить моделью для других арктических государств.

Заключение

Будущее Арктики зависит от способности международного сообщества найти баланс между национальными интересами и общими вызовами. Сохранение институтов сотрудничества, приверженность международному праву и учет интересов коренных народов и экологической устойчивости являются ключевыми для мирного и процветающего арктического будущего. Арктика XXI века становится индикатором состояния международных отношений и способности человечества коллективно решать глобальные проблемы. Как этот регион будет развиваться в ближайшие десятилетия, во многом определит не только судьбу арктических территорий, но и характер глобального миропорядка.

Текущая геополитическая ситуация в Арктике отражает более широкие тенденции в международных отношениях. Соперничество между великими державами, ослабление многосторонних институтов и растущее значение экономических интересов создают сложную динамику, в которой сотрудничество становится все более затруднительным.

Однако история показывает, что даже в условиях острого соперничества государства способны находить компромиссы, когда речь идет об общих интересах и вызовах.

Климатические изменения в Арктике являются одним из таких общих вызовов. Независимо от геополитических разногласий, все государства заинтересованы в понимании и управлении последствиями таяния льдов. Совместные научные исследования, проводимые учеными из разных стран, демонстрируют, что сотрудничество возможно даже в условиях политической напряженности (Heininen et al., 2020).

Эти научные связи могут служить основой для более широкого политического сотрудничества.

Экономические интересы также создают стимулы для сотрудничества. Развитие Северного морского пути требует координации между государствами, установления единых стандартов безопасности и экологической защиты. Добыча ресурсов в Арктике требует инвестиций и технологий, которые часто доступны только через международное сотрудничество. Энергетическая безопасность многих государств зависит от стабильного доступа к арктическим ресурсам. Эти экономические связи создают взаимозависимость, которая может служить основой для политического диалога.

Однако необходимо признать, что текущая геополитическая ситуация создает серьезные препятствия для сотрудничества. Санкции против России, введенные после 2014 года, затруднили совместные проекты и научное сотрудничество. Растиющее соперничество между США и Китаем добавляет новое измерение к арктической конкуренции. Милитаризация региона увеличивает риск непредсказуемых инцидентов. В этих условиях необходимо разработать механизмы, которые могли бы снизить риск конфликтов и создать условия для возобновления сотрудничества.

Одним из таких механизмов может быть создание "буферных зон" в Арктике, где хозяйственная деятельность была бы ограничена или запрещена, а военное присутствие минимизировано. Это позволило бы снизить риск конфликтов и защитить уникальные экосистемы региона. Другим механизмом может быть создание международного фонда для управления арктическими ресурсами, в который вносили бы вклад все государства, получающие выгоду от использования этих ресурсов. Доходы от этого фонда могли бы направляться на финансирование научных исследований, защиту окружающей среды и развитие коренных сообществ.

Роль Арктического совета требует переосмысления. Несмотря на его важность, Совет продемонстрировал ограниченность своего мандата и уязвимость перед геополитическими кризисами. Необходимо расширить его полномочия, включив вопросы безопасности и экономического развития, которые в настоящее время исключены из его

мандата. Одновременно необходимо укрепить его институциональную независимость, чтобы он мог функционировать эффективно даже в условиях политической напряженности между членами.

Вовлечение неарктических государств в управление Арктикой требует разработки справедливых и прозрачных механизмов. Растущий интерес Китая, Индии и других государств к Арктике отражает глобальное значение региона. Однако необходимо обеспечить, чтобы участие этих государств не подрывало суверенные права арктических государств и не приводило к чрезмерной эксплуатации региональных ресурсов. Это может быть достигнуто через создание многоуровневой системы управления, в которой арктические государства имели бы основные полномочия, а неарктические государства участвовали бы в принятии решений по глобальным аспектам арктической политики.

Защита интересов коренных народов должна быть приоритетом для всех государств, действующих в Арктике. Коренные народы обладают уникальными знаниями о местных экосистемах и имеют глубокие исторические корни в регионе. Их участие в процессе принятия решений не только справедливо, но и практически необходимо для разработки устойчивых решений. Международное сообщество должно разработать механизмы, которые обеспечивали бы коренным народам право голоса в вопросах, касающихся их земель и ресурсов. Это может включать создание специальных представительств коренных народов в международных органах, занимающихся арктической политикой.

Экологическая устойчивость должна быть центральным принципом всей деятельности в Арктике. Уникальные экосистемы региона, включая морские и наземные биоценозы, находятся под угрозой от климатических изменений и хозяйственной деятельности. Необходимо разработать комплексную стратегию защиты этих экосистем, которая включала бы создание охраняемых территорий, ограничение хозяйственной деятельности в чувствительных зонах и строгие стандарты для всех операций в регионе. Международное сообщество должно признать, что защита арктических экосистем имеет глобальное значение и требует глобального ответа.

Научные исследования должны играть центральную роль в управлении Арктикой. Понимание климатических процессов, экологических систем и социальных последствий изменений в регионе требует интенсивных научных исследований. Международное сообщество должно инвестировать в создание сетей научных исследований, которые объединяли бы ученых из разных стран и дисциплин. Эти сети должны быть независимы от политических разногласий и сосредоточены на

получении объективной научной информации, необходимой для принятия обоснованных политических решений.

Образование и информирование общественности должны быть приоритетом для всех государств. Большинство людей во всем мире имеют ограниченное понимание значения Арктики и вызовов, стоящих перед регионом. Необходимо разработать программы образования, которые повышали бы осведомленность о важности Арктики для глобального климата, экономики и безопасности. Это может включать включение арктических вопросов в школьные программы, создание документальных фильмов и популярных научных публикаций, а также организацию общественных дебатов о будущем региона.

Долгосрочное видение развития Арктики должно быть основано на принципах устойчивого развития, справедливости и мирного сотрудничества. Это видение должно признавать, что Арктика является не только источником ресурсов, но и уникальным регионом с собственной ценностью, требующим защиты и уважения. Развитие региона должно быть направлено на улучшение благосостояния местных сообществ, включая коренные народы, при одновременной защите окружающей среды и обеспечении справедливого распределения выгод.

Список литературы:

1. Arctic Council (2020). The Arctic Council: A backgrounder. Tromsø: Arctic Council Secretariat.
2. Arctic Monitoring and Assessment Programme (2021). Arctic Climate Change Update 2021: Key Trends and Impacts. Tromsø: AMAP.
3. Byers, M. (2013). International Law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Department of Defense (2019). Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. Washington, DC: U.S. Department of Defense.
5. Ford, J. D., Smit, B., Wandel, J. (2008). Vulnerability to climate change in the Arctic: A case study from Arctic Bay, Canada. *Global Environmental Change*, 16(2), 145-160.
6. Gautier, D. L., Bird, K. J., Charpentier, R. R., et al. (2009). Assessment of undiscovered oil and gas in the Arctic. *Science*, 324(5931), 1175-1179.
7. Government of Canada (2019). Canada's Arctic and Northern Policy Framework. Ottawa: Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs Canada.
8. Heininen, L., Exner-Pirot, H., & Plouffe, J. (2020). Arctic Yearbook 2020. Akureyri: Arctic Portal.

9. Hollowed, A. B., Barange, M., Beamish, R. J., et al. (2013). Projected impacts of climate change on marine fish and fisheries. *ICES Journal of Marine Science*, 70(5), 1023-1037.
10. Hong, N. (2012). The melting Arctic and its impact on China's maritime transport. *Research in Transportation Economics*, 35(1), 50-57.
11. Keil, K., Knecht, S. (2017). *Governing Arctic Change: Global Perspectives*. London: Palgrave Macmillan.
12. Lanteigne, M. (2019). The Polar Silk Road and China's evolving Arctic strategy. *The Diplomat*, March 2019.
13. Melino, M. (2021). Russia's Arctic strategy: Military and security developments. *NATO Review*, June 2021.
14. Nuttall, M. (2010). *Pipeline Dreams: People, Environment, and the Arctic Energy Frontier*. Copenhagen: IWGIA.
15. Serreze, M. C., Barry, R. G. (2011). Processes and impacts of Arctic amplification: A research synthesis. *Global and Planetary Change*, 77(1-2), 85-96.
16. Правительство РФ (2020). Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Москва.
17. Zysk, K. (2010). Russia's Arctic strategy: Ambitions and constraints. *Joint Force Quarterly*, 57(2), 103-110.
18. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018
19. Rajiv K Chaturvedi, Ruth Kattumuri and Darshini Ravindranath. Mainstreaming adaptation to climate change in Indian policy planning 2011

РАЗДЕЛ 2.

ФИЛОСОФИЯ

2.1. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ФИЛОСОФСТВУЕТ? ПРИРОДА ФИЛОСОФСКИХ ВОПРОСОВ И ИХ ВЕЧНЫЙ ХАРАКТЕР

Агамедов Богдан Советович

студент,

Институт бизнеса и цифровых технологий,

DevOps-инжиниринг,

Казахский агротехнический

исследовательский университет имени

Сакена Сейфуллина

Республика Казахстан, г. Астана

Соколкин Евгений Михайлович

студент,

Институт бизнеса и цифровых технологий,

DevOps-инжиниринг

Казахский агротехнический

исследовательский университет имени

Сакена Сейфуллина,

Республика Казахстан, г. Астана

WHY DO PEOPLE PHILOSOPHIZE? THE NATURE OF PHILOSOPHICAL QUESTIONS AND THEIR TIMELESS CHARACTER

Agamedov Bogdan Sovetovich

Student,

Institute of Business and Digital Technologies,

DevOps Engineering,

*Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical
Research University,
Republic of Kazakhstan, Astana*

Sokolkin Yevgeny Mikhailovich

Student,

*Institute of Business and Digital Technologies,
DevOps Engineering, Saken Seifullin
Kazakh Agrotechnical Research University,
Republic of Kazakhstan, Astana*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о природе философствования как неотъемлемого свойства человеческого мышления. Авторы анализируют взгляды выдающихся мыслителей – Сократа, Платона, Аристотеля и Фридриха Ницше – на причины возникновения философских вопросов и их роль в развитии человеческого сознания. Также приводятся результаты социологического опроса среди представителей разных возрастных групп, направленного на выявление мотивов философствования в современном обществе. В ходе исследования установлено, что философствование является универсальной формой осмыслиения мира и самого себя, объединяющей людей разных эпох и поколений.

Abstract. The article examines the nature of philosophizing as an integral property of human thought. The authors analyze the views of prominent thinkers – Socrates, Plato, Aristotle, and Friedrich Nietzsche – on the reasons for the emergence of philosophical questions and their role in the development of human consciousness. The article also presents the results of a sociological survey conducted among representatives of different age groups, aimed at identifying the motives for philosophizing in modern society. The study found that philosophizing is a universal way of understanding the world and oneself, uniting people of different eras and generations.

Ключевые слова: философия, философствование, мышление, смысл жизни, познание, самопознание, Сократ, Платон, Аристотель, Ницше, мировоззрение

Keywords: philosophy, philosophizing, thinking, meaning of life, cognition, self-knowledge, Socrates, Plato, Aristotle, Nietzsche, worldview

Философия сопровождает человека на протяжении всей истории его существования. С момента, когда человек впервые смог задать вопрос, тогда ни одно материальное или нематериальное явление вокруг

не осталось без внимания. Человеческая мысль прошла путь от простых вопросов о выживании до поиска ответов на вечные проблемы – о смысле жизни, добре и зле, смерти и бессмертии, что и стало началом философии.

Если брать философию как науку о «познании мира через размышление», тогда ответ на вопрос: «Почему человек философствует?» – кажется очевидным. Но первое впечатление бывает обманчиво, ведь простое объяснение этой тяги неизбежно рождает новые, лишь более глубокие вопросы. Потому для ответа нужно понять как человек мыслит, о чём и почему задумывается каждый великий философ на протяжении всей истории человечества, и как философствование в общем повлияло на развитие человечества.

Погружаясь в философию первой личностью, с которой столкнётся человек, с наибольшей вероятностью станет Сократ. Его по праву считают родоначальником философии как осознанного поиска истины. И в его знаменитой фразе: «Я знаю, что ничего не знаю», – кроется первый ключ к ответу на наш вопрос. Сократ считал, что суть философствования в признании ограниченности человеческого знания и преодолении этой границы. Человек, рождаясь, не знает ничего и в течение жизни познаёт мир вокруг себя. Со временем вопросы становятся глубже, размышления о простом сменяются мыслями о высоком, но суть остаётся прежней – философствование – это познание мира вокруг.

Далее по прямой хронологической ветке исследовательское внимание переходит к Платону – ученику Сократа. Основной темой Платона являлся путь души к вечным идеям – Истине, Добру и Красоте. До воплощения в тело душа находилась в идеальном мире, отличном от нашего, полном иллюзий, в мире, где главенствуют добро, красота и истина. И в основе его рассуждений лежит то, что философствование – это попытка души «припомнить» те знания, которые она утратила. И это прямо коррелирует с поставленным в статье вопросом, ведь человек всё своё существование задумывается о не идеальности и порочности нашего мира, рассуждает о том, каким был бы «идеальный мир». И порой подобные рассуждения приводили к мировым проблемам и последствиям.

Делая огромный временной скачок перед нами, предстают идеи Фридриха Ницше. Его идеи несколько отличаются от идей Сократа, но несомненно открывают ответ на поднимаемый вопрос с иной стороны. Ницше считал, что философствование – это борьба человека с хаосом и бессмыслицей существования. Как и другие философы, он задавался вопросом о природе человеческих рассуждений и пришёл к выводу, что, философствуя, человек придаёт смыслы там, где их нет. Когда

нет источников истины, перед человеком предстаёт вопрос: «Зачем я живу?», – человек находит в себе мужество и силы в этом хаосе начать самому создавать смыслы и ориентиры. По Ницше философствование человека – это не поиск абстрактной «истины», а нахождение и создание настоящих смыслов и целей для существования.

Абсолютный ответ от философов на поставленный вопрос дан великим греческим философом Аристотелем. «Философия начинается с удивления», – сказал Аристотель, тем самым наиболее кратко на него ответив. Человек удивляется миру вокруг, самому факту существования вещей потому и начинает философствовать. Познание себя, мира вокруг, лежит в основе всякого человеческого мышления. Человек стремиться понять мир вокруг себя, потому и философствует.

Как можно видеть, великие философы дают свои ответы на поставленный в статье вопрос, и каждый из ответов является истинным в той или иной ипостаси для каждого человека. Чтобы убедиться в этом, авторы данной статьи провели социальный опрос среди обычных, далёких от философии людей, задавая им лишь один вопрос: «Почему человек философствует?».

Опрос проводился среди двух категорий людей: молодежь 18–20 лет, студенты с разных факультетов, 5 девушек и 5 парней, и люди старшего возраста более 40 лет. Всем задавался один и тот же вопрос: «Почему человек философствует?». Ответ не ограничивался по времени, давая людям полностью раскрыть свою мысль, чтобы более точно провести исследование. Сначала была опрошена молодежь на территории Казахского агротехнического исследовательского университета имени Сакена Сейфуллина в свободное от занятий время. Общее время опроса составило более 40 минут, на каждого опрашиваемого уходило в среднем от 3 до 5 минут, ответ записывался на диктофон смартфона по согласию опрашиваемого. После опрашивалось старшее поколение, и в этом случае авторам статьи потребовалось более 1 часа, поскольку опрашиваемые уже на этапе ответа на вопрос начинали философствовать и на одного человека уходило уже больше 5 минут. Ответы также записывались с согласия респондентов. После опроса ответы были расшифрованы в текст для удобного анализа и сравнения. Как и предполагалось между ответами в рамках одного возраста много общего, а между возрастами большие различий. Мы выделили 3 основных пункта, в которых ответы содержали различия поколений.

Главным отличием выделены «мотивы философствования». У молодёжи философование связано в первую очередь с поиском смысла жизни и познанием самого себя. Молодые люди находятся на этапе становления личности, поэтому они стремятся разобраться в себе, понять

кто они, чего хотят и куда идут. Их философствование часто носит эмоциональных и поисковый характер. Оно проявляется посредством вопросов: «Зачем я живу?», «Как всё устроено?», «Почему в мире столько несправедливости?». Для них философия – способ самовыражения и самопонимания, а также реакция на внутренние сомнения и неопределенность. В быстро растущем мире – это вполне понятная и естественная реакция, ведь весь мир меняется каждый день и у молодого ещё ничего не добившегося человека возникает множество страхов и сомнений. В свою очередь у взрослых, напротив, философствование связано с жизненным опытом и осмыслением прожитого пути. С возрастом человек начинает задумываться не столько о будущем, сколько о прошлом – о том, какие поступки он совершил и что оставил после себя, что было важно, а что оказалось мелочью. Их философия спокойнее, зрелее, она направлена не на поиск себя, а на понимание жизни как целого.

Следующим пунктом стало «эмоциональное восприятие философии». Для взрослых людей философствование – естественная часть жизни, привычка размышлять. Оно сопровождается спокойствием и размышлением о смысле прожитых лет, а не внутренними переживаниями. У молодых же философствование наоборот – это способ справиться с тревогой, сомнениями и ощущением неопределенности. Они часто философствуют в трудные моменты, когда сталкиваются с первыми взрослыми проблемами: выбор профессии, отношений, ценностей. Таким образом, у молодых философия окрашена эмоциями, тогда как у взрослых – мудростью и принятием.

Последним мы выделили «отношение к жизни и миру». Тут наиболее видна связь старшего поколения и философов старого света, таких как: Сократ, Аристотель и Платон, и молодого поколения и философов современности таких, как Ницше. Молодые видят философию в качестве инструмента противостояния страхам, хаосу и сложности этого мира, чтобы существовать в нём и преодолевать трудности бытия. Взрослые же воспринимают как возможности примириться с миром и понять закономерности жизни.

Однако, несмотря на это оба поколения не лишены схожестей, и что у одних, что у других есть и отражение мыслей друг друга. Поэтому молодые люди хоть и обитают в «хаосе» и трудностях жизни, но не лишены мечтательности и желания познать, как этот мир работает, в чём смысл жизни и других глубоких вопросов. Так же, как и старшее поколение хоть и прошло огромный путь всё ещё не лишено жизненных проблем и невзгод, потому и у них возникают вопросы, связанные с болью, непониманием, переменами в жизни и потерями.

Анализируя полученные данные, можно провести параллель с философами и мыслями простых людей. Молодёжь проживает трудности и несправедливости жизни и тяжело, и в отсутствии мотивации и смыслов, они создают их сами, строя свою жизнь и создавая новое, пытаясь создать свой идеальный мир. Старшее поколение, прошедшее длинный жизненный путь, чаще задумывается о высоком, о познании мира вокруг себя, о том, почему в их жизни произошли те или иные вещи.

Проведённое исследование позволило выявить, что философствование является неотъемлемой чертой человеческого мышления, проявляющейся в разные эпохи и в различных формах. Как показал анализ взглядов выдающихся философов и сопоставление их идей с результатами опроса среди людей разных возрастов, стремление размышлять о мире, о себе и о смысле существования объединяет как мыслителей прошлого, так и обычных людей современности. Между философией великих умов и философствованием повседневного человека существует неразрывная связь, основанная на общем источнике – внутренней потребности человека понять природу бытия и самого себя.

Если обратиться к рассуждениям Сократа, Платона, Аристотеля и Ницше, можно заметить, что каждый из них по-своему выражал ту внутреннюю работу мысли, которая присуща любому человеку, сталкивающемуся с непониманием или поиском истины. Сократ утверждал, что мудрость начинается с признания собственного незнания – то же состояние переживает каждый, кто задаётся вопросом о смысле происходящего. Платон, говоря о стремлении души к идеалам, отражает ту же человеческую тягу к совершенству и истине. Аристотель считал, что философия рождается из удивления – чувства, знакомого каждому с детства. Даже Ницше, видевший в философствовании способ противостоять хаосу жизни, лишь развивал естественное стремление человека придать смысл своему существованию. Подобным образом и обычные люди, не обладая философским образованием, обращаются к тем же вопросам в повседневных размышлениях. Когда человек задумывается о правильности своих поступков, о цели жизни, о счастье или о справедливости, он фактически вступает в пространство философии – пусть неосознанно, но искренне. Разговоры о добре и зле, о смысле существования, о том, что важно и ценно, – это проявления той же потребности, что и у философов, только выраженные проще, через жизненный опыт и чувства. В этом и проявляется общность философии как формы мышления: она соединяет глубину теории и живое человеческое переживание.

Таким образом, ответ на вопрос: «Почему человек философствует?» – заключается в том, что философствование является естественным следствием человеческой природы. Человек философствует потому, что не

может оставаться безразличным к миру, в котором живёт. Его мышление неизбежно порождает вопросы, требующие осмысления – о жизни, смерти, добре, истине и смысле существования. Философствование становится способом понять себя, найти гармонию с миром и определить направление собственного развития. И потому философия – не просто наука, а проявление самой сути человеческого бытия, стремящегося к познанию и смыслу.

Список литературы:

1. Гуманитарный портал. Философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6862> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А.Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 606 с.

2.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ПОКОЛЕНИЕ Z: РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

Буркутбеков Мадиар Бейбитович

студент,

*Казахский агротехнический
исследовательский университет
имени С. Сейфуллина,
Казахстан, г. Астана*

Какимжанова Маргарита Кабдулаевна

*научный руководитель,
и.о. ассоциированный профессор,
канд. филос. наук,
Казахский агротехнический
исследовательский университет
имени С. Сейфуллина,
Казахстан, г. Астана*

DIGITAL CULTURE AND GENERATION Z: DESTRUCTION OR REINTERPRETATION OF TRADITIONAL VALUES?

Burkutbekov Madiyar

Student,

*S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University,
Kazakhstan, Astana*

*Kakimzhanova Margaryta
Academic Supervisor,*

*Acting Associate Professor, PhD in Philosophy,
S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University,
Kazakhstan, Astana*

Аннотация. В работе анализируется воздействие цифровых технологий на представителей поколения Z и исследуется проблема трансформации традиционных моральных установок. Рассматривается роль интернет-платформ в становлении ценностных ориентиров современной молодежи.

Abstract. The study analyzes the impact of digital technologies on Generation Z and examines the issue of transforming traditional moral values. It explores the role of online platforms in shaping the value orientations of contemporary youth.

Ключевые слова: поколение Z, цифровая культура, традиционные ценности, социальные сети, молодежь, XXI век.

Keywords: Generation Z, digital culture, traditional values, social media, youth, 21st century

Цель работы – выяснить, отвергает ли молодежь традиционные ценности или адаптирует их к условиям цифровой эпохи.

Введение

В современном обществе распространено мнение о том, что нынешняя молодежь кардинально отличается от предыдущих поколений, уделяя чрезмерное внимание виртуальному пространству. Представители старших поколений обеспокоены тем, что цифровые платформы разрушают фундаментальные принципы, формировавшиеся столетиями. Задача данного исследования – объективно оценить ситуацию и выяснить, какие изменения происходят с ценностными установками поколения Z. Гипотеза исследования состоит в том, что современная молодежь не отвергает традиции полностью, а трансформирует их в соответствии с новой реальностью.

К поколению Z относят молодых людей, появившихся на свет в период с 1997 по 2012 годы [1]. Эти люди с раннего детства окружены интернет-технологиями и воспринимают их как естественную среду обитания. В отличие от миллениалов, которые застали докомпьютерную эру, зумеры не представляют существования без цифровых технологий [2].

Цифровизация общества трансформировала методы получения знаний, межличностной коммуникации и досуга. Распространенная точка зрения утверждает, что данные изменения приводят к деградации базовых моральных принципов [3]. Однако при детальном рассмотрении ситуация оказывается более многогранной.

Рассмотрим отношение к семейным связям. Действительно, представители поколения Z менее склонны к ранним бракам, однако это не свидетельствует о безразличии к семье. Скорее речь идет о более взвешенном подходе, стремлении к самоопределению перед созданием семьи [4].

Аналогичная ситуация наблюдается в сфере получения знаний. Классическая модель предполагала получение диплома с последующей пожизненной работой по одной специальности. Зумеры демонстрируют альтернативный подход — осваивают навыки через электронные платформы, готовы к смене профессиональной траектории [5]. Это не отрицание важности образования, а более адаптивная стратегия.

Трудовая деятельность также претерпевает изменения. Предыдущие генерации отдавали приоритет постоянству занятости. Современная молодежь стремится к гармоничному сочетанию профессиональной реализации и личного времени, заинтересована в дистанционных форматах работы [6].

Цифровая культура поколения Z

Интернет-платформы регулярно подвергаются критике за формирование поверхностного мышления и зависимости от внешней оценки. Данное утверждение частично справедливо. Однако виртуальное пространство позволяет молодым людям находить единомышленников, поддерживать контакты независимо от расположения, получать образовательные ресурсы [7].

Зумеры демонстрируют большую толерантность к многообразию. Они проявляют спокойное отношение к представителям различных этнических групп, религиозных конфессий и сексуальных предпочтений [3]. Это не деградация моральных устоев, а расширение концепции взаимоуважения.

Характерной особенностью является социальная активность. Представители поколения Z выражают протест против несправедливости, участвуют в электронных петициях, привлекают внимание к проблемам экологии и защиты прав через онлайн-каналы [8].

Безусловно, существуют негативные аспекты. Психологическая зависимость от электронных устройств является реальной проблемой. Значительная часть зумеров испытывает дискомфорт даже при кратковременном отсутствии доступа к телефону. Данные факторы негативно влияют на психологическое состояние, провоцируя тревожные расстройства [4]. Проблемы кибербуллинга и распространения недостоверной информации представляют серьезную угрозу.

Методы исследования. В процессе подготовки материала применялись методы исследования академической литературы, посвященной межпоколенческим различиям, анализировались статистические показатели поведенческих паттернов молодежи, сопоставлялись позиции различных специалистов. Дополнительно использовались личные наблюдения автора как представителя изучаемого поколения.

Заключение

Результаты анализа указывают на то, что поколение Z не разрушает традиционные устои, а трансформирует их. Современная молодежь не отвергает наследие предшествующих поколений. Семейные узы, дружеские отношения, получение знаний, профессиональная деятельность сохраняют значимость, но интерпретируются с учетом современных реалий.

Цифровизация общества породила проблемы — психологическую привязанность к онлайн-платформам, упрощение межличностных взаимодействий, информационную перегрузку. Одновременно она открыла положительные возможности — доступность образовательных ресурсов, платформу для самовыражения, глобальные коммуникационные связи.

Вместо утверждений о деградации целесообразно стремиться к пониманию причин наблюдаемых изменений. Поколение Z представляет собой закономерный продукт эволюции социума. Основная задача заключается в содействии молодым людям в сохранении ценных традиционных аспектов при одновременном избежании негативных последствий цифровой среды.

Список литературы:

1. Шакирова Д. М. Поколение Z: теоретический аспект. Вопросы территориального развития, 2016.
2. Мирошкина М. Р. Разные поколения – разный педагогический подход. Эксперимент и инновации в школе, 2014.
3. Twenge J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy. Atria Books, 2017.
4. Seemiller C., Grace M. Generation Z: A Century in the Making. Routledge, 2018.
5. UNESCO. Digital Culture and Education. URL: <https://www.unesco.org>
6. Deloitte. The Deloitte Global 2021 Millennial and Gen Z Survey. URL: <https://www.deloitte.com>
7. Pew Research Center. Social Media Use in 2021. URL: <https://www.pewresearch.org>
8. Stillman D., Stillman J. Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace. Harper Business, 2017.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА МОЛОДЁЖЬ: ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА, ЦЕННОСТЕЙ И ОРИЕНТИРОВ

Шокеев Даурен Сайдынуржанулы

студент

*Казахского агротехнического исследовательского
университета им. С. Сейфуллина,
Казахстан, г. Астана*

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON YOUTH: A PHILOSOPHY OF MEANING, VALUES, AND ORIENTATIONS

Shokeev Dauren

Student,

*Kazakh Agrotechnical Research University
named after S. Seifullin,
Kazakhstan, Astana*

Аннотация. В статье рассматривается феномен социальных сетей как важного элемента современной культуры, оказывающего значительное влияние на формирование системы ценностей и жизненных ориентиров молодёжи. На основе философского анализа выявляются как позитивные, так и негативные аспекты воздействия цифровой среды на личность. Автор отмечает, что социальные сети создают новые формы самопрезентации и коммуникации, однако нередко приводят к утрате подлинных смыслов и доминированию поверхностных ценностей. Работа подчёркивает необходимость осознанного и гармоничного использования социальных платформ для развития критического мышления и сохранения духовных ориентиров.

Ключевые слова: социальные сети, молодёжь, ценности, мировоззрение, философия, цифровая культура, смысл жизни, личность, сакреализация, критическое мышление.

Современное общество невозможно представить без социальных сетей. Они стали не только инструментом коммуникации, но и пространством, где формируется идентичность личности, создаются новые ценности и смыслы. Молодёжь особенно подвержена влиянию цифровой среды, так как именно в юности происходят становление мировоззрения, поиск жизненных ориентиров и формирование системы

ценностей. Социальные сети можно рассматривать как особое культурное пространство, где традиционные ценности и смыслы подвергаются трансформации.

Проблема смысла жизни и ценностей всегда занимала центральное место в философии. Ещё Платон связывал истинное благо человека с знанием высших идей и стремлением к справедливости [1]. Аристотель рассматривал счастье как высшую цель человеческой жизни, указывая на необходимость гармонии разума и добродетели [2]. В эпоху Нового времени акценты сместились в сторону индивидуальной свободы и рационального познания. Карл Маркс и Фридрих Энгельс видели смысл жизни в преобразующей деятельности человека и коллективной практике [3]. Представители экзистенциализма – Камю, Хайдеггер, Ясперс – обращали внимание на личную ответственность за выбор, на поиск подлинного существования и смысла человеческой жизни в мире [4].

Социальные сети, являясь феноменом современной культуры, становятся не просто техническим инструментом общения, а новой формой социокультурной реальности. Мануэль Кастельяс определяет современное общество как «сетевое», где коммуникация и взаимодействие строятся вокруг цифровых платформ [5]. Через фотографии, публикации и комментарии формируется образ личности, что порождает особое пространство самопрезентации. Алгоритмы, управляющие лентой новостей, создают иллюзию выбора, но фактически направляют внимание человека, формируя виртуальную реальность, в которой молодёжь проводит всё больше времени.

С философской точки зрения, данное явление можно рассматривать как проявление постмодернистской культуры, в которой утрачивается единая система ценностей, а на её место приходит множество локальных и фрагментарных ориентиров [6]. Молодой человек, пребывая в цифровом пространстве, сталкивается с многообразием смыслов, которые зачастую лишены глубины и подлинности. В результате возникает риск утраты настоящих духовных ориентиров, о которых писали экзистенциалисты, и подмена их поверхностными символами, характерными для эпохи потребления и гедонизма.

Исследование влияния социальных сетей на систему ценностей и ориентиров молодёжи основано на анализе философской и социологической литературы, а также данных, опубликованных в открытых источниках. Согласно исследованиям Центра социологических инициатив (2023), более **95%** молодых людей в возрасте от **16 до 25 лет** ежедневно пользуются социальными сетями, а около **70%** проводят в них свыше **трёх часов в день**. Это подтверждает, что цифровая среда стала неотъемлемой частью их жизненного пространства.

Анализ публикаций показывает, что **около 60%** молодых пользователей воспринимают социальные сети как средство самовыражения и коммуникации, тогда как **40%** отмечают, что соцсети оказывают давление на их самооценку. По данным международного отчёта *Digital 2024*, более **55%** опрошенных молодых людей признают, что чрезмерное использование социальных сетей снижает их концентрацию и способность к глубокому мышлению.

Философский анализ подтверждает, что социальные сети становятся ареной, где сталкиваются разные ценностные системы. Виртуальное пространство, описанное Мануэлем Кастельсом как «сетевое общество», превращается в среду, где формируются новые ориентиры – гибкие, изменчивые и зависящие от трендов. Липовецкий в своей концепции «эры пустоты» отмечал, что современная культура склонна заменять смысл визуальными символами, что особенно заметно в цифровом мире.

Таким образом, статистические данные и философские интерпретации позволяют сделать вывод, что влияние социальных сетей на молодёжь носит противоречивый характер: с одной стороны, они стимулируют развитие коммуникации и креативности, а с другой – ослабляют духовную устойчивость и подменяют истинные ценности внешними признаками успеха.

Социальные сети играют важную роль в жизни современной молодёжи, влияя на её мировоззрение и ценностные ориентиры. Они дают широкие возможности для общения, саморазвития и творчества, но одновременно формируют зависимость от внешней оценки и склонность к поверхностному восприятию мира. Философский анализ показывает, что влияние цифровой среды имеет двойственный характер: она может как способствовать духовному росту, так и приводить к утрате подлинных смыслов.

Гармоничное использование социальных сетей возможно лишь при развитии критического мышления и осознании личной ответственности за собственные ценности и выбор.

Вопрос формирования идентичности молодёжи в цифровой среде становится одним из ключевых в современной философии культуры. Э. Гоффман ещё в середине XX века рассматривал человеческое поведение как «театральную постановку», где личность конструирует образ для окружающих. В эпоху социальных сетей эта идея приобрела новое звучание: теперь самопрезентация осуществляется в публичном виртуальном пространстве, где каждая публикация становится частью общей «цифровой биографии». Молодые люди стремятся создать идеализированный образ себя, что нередко приводит к разрыву между реальной и виртуальной идентичностью. Такой разрыв вызывает внутренние конфликты, утрату чувства подлинности и зависимость от внешней оценки.

Современные философы отмечают, что постоянное сравнение себя с другими пользователями формирует чувство несоответствия навязанным стандартам успеха. Это явление можно интерпретировать через концепцию «общества спектакля» Ги Дебора, где ценность личности измеряется не её существенными качествами, а визуальными символами и признаками видимого благополучия. Таким образом, социальные сети не только оказывают влияние на самооценку молодёжи, но и напрямую участвуют в конструировании её ценностной системы.

Цифровая среда изменила модели общения между людьми. С одной стороны, коммуникация стала более доступной и быстрой. Молодые люди могут взаимодействовать с огромным количеством людей вне зависимости от их местоположения, обмениваться идеями, участвовать в онлайн-сообществах. Это расширяет кругозор и способствует развитию новых форм социальной активности.

Однако, с другой стороны, подобная коммуникация нередко становится поверхностной. Реальные эмоциональные связи заменяются краткими сообщениями, реакциями и «лайками». Появляется феномен «клиповости мышления», когда внимание человека переключается слишком быстро, а глубина восприятия информации снижается. Философы коммуникации отмечают, что такие изменения влияют на качество социального взаимодействия: молодёжи становится сложнее строить длительные и глубокие отношения, а уровень эмпатии постепенно снижается. Виртуальная коммуникация нередко лишена неверbalных сигналов, которые составляют значительную часть человеческого общения, что приводит к недопониманию и упрощению эмоциональной составляющей взаимодействия.

Одним из наиболее обсуждаемых аспектов влияния социальных сетей является их воздействие на психологическое состояние молодёжи. Исследования в области социальной психологии показывают, что чрезмерное использование цифровых платформ может приводить к тревожности, снижению самооценки, зависимости и эмоциональному выгоранию. Постоянный поток информации формирует переизбыток стимулов, с которым психика молодых людей не всегда способна справиться.

Кроме того, значительное влияние оказывает культура сравнения. Молодые пользователи сравнивают свою жизнь с отредактированными, идеализированными изображениями других людей, что создаёт ложные стандарты успешности. Это может привести к формированию ложных целей, неудовлетворённости собственной жизнью и стремлению к неполным, внешним признакам признания: популярности, подписчикам,

лайкам. С философской точки зрения это отражает переход от подлинных ценностей к симулякрам, о которых писал Жан Бодрийар.

Несмотря на критику, важно подчеркнуть, что социальные сети обладают и значительным позитивным потенциалом. Они служат инструментом самообразования: множество молодых людей получают доступ к образовательным материалам, научным проектам, онлайн-курсам. Цифровые платформы позволяют развивать творческие способности, формировать профессиональные навыки, участвовать в волонтёрских инициативах и социальных проектах.

Социальные сети также играют важную роль в развитии гражданской активности. Молодёжь использует их для обсуждения общественно значимых вопросов, выражения своей позиции, объединения ради решения проблем. Такие процессы показывают, что цифровая среда способна становиться пространством для роста критического мышления и социальной ответственности, если используется осознанно.

Список литературы:

1. Платон. Государство. – Алматы: Білім, 2005.
2. Аристотель. Никомахова этика. – Алматы: Фылым, 2002
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1965.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Алматы: Экономика, 2000.
6. Липовецкий Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме. – Алматы: Санат, 2001.

2.3. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАНЯТОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ТРУДУ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Кервенов Нұрел Айдосұлы

студент,

Казахский агротехнический исследовательский

университет имени С. Сейфуллина,

Казахстан, г. Астана

Какимжанова Маргарита Кабдуллақызы

научный руководитель,

и.о. ассоциированный профессор,

канд. филос. наук,

Казахский агротехнический

исследовательский университет

имени С. Сейфуллина,

Казахстан, г. Астана

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND EMPLOYMENT: A PHILOSOPHICAL APPROACH TO LABOR AND SELF-REALIZATION

Kervenov Nurul Aidosuly

Student,

S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University,

Kazakhstan, Astana

Kakimzhanova Margaryta

Scientific Director,

Acting Associate Professor,

PhD in Philosophy,

S. Seifullin Kazakh Agrotechnical

Research University,

Astana, Kazakhstan

Аннотация. В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на труд и самореализацию человека с философской точки зрения. Анализируются идеи К. Маркса, Х. Арендт, Ж.-П. Сартра, Р. Декарта и Абая. Делается вывод о том, что искусственный интеллект трансформирует формы занятости, но не отменяет ценности человеческого сознания и труда как основ самореализации.

Abstract. The article examines the influence of artificial intelligence on human labor and self-realization from a philosophical perspective. It analyzes the ideas of K. Marx, H. Arendt, J.-P. Sartre, R. Descartes, and Abai. It concludes that artificial intelligence transforms forms of employment but does not negate the value of human consciousness and labor as the foundations of self-realization.

Ключевые слова: искусственный интеллект, труд, философия, сознание, самореализация, Маркс, Абай.

Keywords: artificial intelligence, labor, philosophy, consciousness, self-realization, Marx, Abai.

Введение

Тема труда и самореализации всегда была для философии одной из центральных. Для автора данной статьи вопрос приобрёл особую актуальность в связи с развитием технологий и искусственного интеллекта. Сегодня многие говорят о том, что машины постепенно вытесняют человека из привычных сфер труда, и возникает вопрос: «Что остаётся человеку в условиях автоматизации?» Автор настоящего исследования считает, что философия помогает глубже осмыслить этот процесс, потому что она всегда занималась проблемами смысла человеческой деятельности, сознания и свободы.

Выбор темы данной работы связан с желанием понять, как идеи Маркса, Арендт, Абая и современных философов (например, Флориди) могут помочь осмыслить трансформацию труда в эпоху цифровизации. В статье автор рассматривает вопрос о том, как ИИ меняет формы труда и занятости, и как человек при этом сохраняет свои уникальные качества: сознание, мораль и способность к творчеству.

Размышляя над проблемой, автор данной статьи обратился к философам, для которых труд и сознание были ключевыми понятиями. К. Маркс писал, что именно труд делает человека человеком, превращает его из биологического существа в личность [4]. Для него труд – не просто средство выживания, а проявление человеческой сущности.

Ханна Арендт разделяла человеческую деятельность на труд, работу и действие. Её идеи помогли понять, что самореализация возможна не

только через материальное производство, но и через социальное взаимодействие и создание смыслов [2]. Интересным для автора статьи оказался и взгляд экзистенциалистов. Ж.-П. Сартр утверждал, что человек всегда стоит перед выбором и этим выбором определяет самого себя [5]. Это значит, что даже в условиях технологической автоматизации у человека остаётся свобода самореализации.

Философия сознания также помогает понять роль человека в условиях ИИ. Декарт утверждал: «*Cogito, ergo sum*» – «мыслю, следовательно, существую» [3]. Сегодня эта формула напоминает, что именно сознание делает человека субъектом, а не машиной.

Анализируя влияние искусственного интеллекта на труд, автор настоящего исследования опирается на идеи классических философов. К. Маркс писал: «Труд создал самого человека» [4]. Для автора эта мысль является ключевой, потому что именно в труде человек не только обеспечивает своё существование, но и реализует себя как личность. Сегодня автоматизация и ИИ действительно меняют привычные формы занятости, но они не отменяют потребность человека в содержательном и творческом труде.

Х. Арендт в работе «*Vita activa*» подчёркивала различие между трудом, работой и деятельностью [2]. По мнению автора данной статьи, именно деятельность, связанная с коммуникацией и созданием смыслов, остаётся уникально человеческой. ИИ способен взять на себя рутинные задачи, но подлинно ценные сферы – творчество, самопознание, моральный выбор – остаются за человеком. Для автора это подтверждает, что технологии скорее освобождают пространство для развития личности, чем заменяют её.

Особое значение в данном анализе имеет философия Абая. Его концепция «*толық адам*» («целостный человек») акцентирует необходимость гармонии разума, морали и духовности [1]. Автор статьи считает, что в условиях цифровизации это особенно актуально: развитие технологий должно сопровождаться внутренним ростом личности и её нравственной зрелостью. ИИ не способен воспроизводить подобного рода измерения, так как они связаны с внутренним опытом человека.

Вместе с тем, современная философия также вносит важные идеи в обсуждение. Например, Л. Флориди указывает, что основная проблема ИИ – это не столько «умение мыслить», сколько этика и ответственность за его применение [7]. Автору статьи близка вышеприведенная позиция: человек остаётся субъектом морали, и именно он определяет, каким образом будут использоваться технологии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект трансформирует формы труда, но не отменяет его сущность. Человек продолжает быть источником смысла, ценностей и

самореализации. Более того, именно в новых условиях усиливается роль философии: она помогает осмысливать риски и возможности ИИ, а также сохранить гуманистический вектор развития общества.

Заключение

Подводя итог, автор пришел к выводу, что искусственный интеллект не лишает человека сущности труда, а лишь изменяет его формы. Машины могут выполнять рутинные задачи, но они не способны заменить человеческое сознание, моральный выбор и стремление к самореализации.

Важно подчеркнуть, что философия даёт инструменты, позволяющие рассматривать ИИ не только как технологию, но и как социальное явление. Маркс и Арендт помогают понять роль труда в человеческой жизни, Абай напоминает о необходимости гармонии разума и нравственности, а Флориди акцентирует внимание на проблеме ответственности.

Таким образом, ИИ становится вызовом, но не угрозой: он заставляет нас переосмыслить, что значит быть человеком, и как сохранить гуманистический вектор развития общества.

Список литературы:

1. Абай Кунанбаев. Слова назидания. – Алматы: Жазушы, 1992.
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе. В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. – М.: Политиздат, 1961. – 565 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
6. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age. – New York: W. W. Norton, 2014. – 86 p.
7. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence. – Oxford: Oxford University Press, 2019.

РАЗДЕЛ 3. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ОБРАЩЕНИЮ В СУД С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ИСКОВЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ, ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ

Черных Анастасия Сергеевна

*студент,
Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева,
РФ, г. Воронеж*

Завьялов Артем Сергеевич

*студент,
Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева,
РФ, г. Воронеж*

**REQUIREMENTS FOR FILING AN ADMINISTRATIVE
CLAIM IN COURT IN CASES OF CHALLENGING THE
RESULTS OF DETERMINING THE CADASTRAL VALUE,
CHALLENGING THE DECISIONS, ACTIONS (INACTION)
OF A BUDGETARY INSTITUTION RELATED TO
DETERMINING THE CADASTRAL VALUE**

Chernykh Anastasia Sergeevna

*Student,
Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev,
Russia, Voronezh*

Zavyalov Artem Sergeevich

Student,

*Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev,
Russia, Voronezh*

Аннотация. Статья посвящена анализу требований, предъявляемых к обращению в суд по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости. Рассматриваются законодательные нормы, регулирующие порядок подачи исковых заявлений, особенности процессуальных действий, а также практика судов по данной категории дел. Особое внимание уделено вопросам подготовки доказательственной базы, выбора надлежащего ответчика и соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Приводятся примеры из судебной практики, анализируются сложности, с которыми сталкиваются заявители, и предлагаются рекомендации по их преодолению.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the requirements for filing a lawsuit in cases of challenging the results of determining the cadastral value of real estate objects. It examines the legal norms governing the procedure for filing lawsuits, the specifics of procedural actions, and the court practice in this category of cases. Special attention is paid to the preparation of evidence, the selection of the appropriate defendant, and compliance with the pre-trial procedure for resolving disputes. The article provides examples from court practice, analyzes the difficulties faced by applicants, and offers recommendations for overcoming them.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, оспаривание, судебное обращение, требования, исковое заявление, судебная практика, законодательство.

Keywords: cadastral value, contestation, judicial appeal, requirements, statement of claim, judicial practice, legislation.

Споры по поводу определения кадастровой стоимости объектов недвижимости стали распространенной практикой в России. Собственники земельных участков и объектов капитального строительства все чаще обращаются в суд с целью установить кадастровую стоимость в размере рыночной, стремясь снизить налоговую нагрузку и иные платежи, зависящие от этой величины. Однако успех такого обращения во многом зависит от правильного соблюдения требований, предъявляемых законодательством к процессу подачи иска.

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим оценочную деятельность в Российской Федерации, является Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В соответствии со статьей 24.18 данного закона, результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или в суде [3].

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) устанавливает порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, к которым относятся споры об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости; глава 25 КАС РФ содержит специальные нормы, регулирующие данную категорию дел [1].

При обращении в суд заявитель должен четко определить предмет и основания иска. Согласно пункту 3 статьи 246 КАС РФ, административное исковое заявление должно содержать:

- Наименование суда, в который подается заявление.
- Сведения о заявителе и административном ответчике.
- Описание обжалуемого решения, действия или бездействия.
- Обстоятельства, на которых основаны требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.
- Требования заявителя со ссылкой на нормы права.

В случае оспаривания кадастровой стоимости предметом иска может быть:

1. Установление кадастровой стоимости в размере рыночной.
2. Изменение кадастровой стоимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте оценки.
3. Оспаривание решения комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости [11, с. 99].

Ключевым элементом в таких дела является доказательственная база. Согласно части 3 статьи 247 КАС РФ, к административному исковому заявлению должны быть приложены документы, подтверждающие обоснованность требований. В случае оспаривания кадастровой стоимости это, как правило, отчет об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости, выполненный в соответствии с Федеральными стандартами оценки [10, с. 150].

Отчет должен быть составлен независимым оценщиком, имеющим действующее членство в саморегулируемой организации оценщиков, и соответствовать требованиям Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», а также Приказа Минэкономразвития России от 22.10.2010 № 508 «Об утверждении

Федерального стандарта оценки «Определение кадастровой стоимости (ФСО № 4) [5].

Определение надлежащего административного ответчика является важным аспектом. В соответствии с частью 4 статьи 38 КАС РФ, административными ответчиками по делам об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной являются:

- Государственный орган или орган местного самоуправления, утвердивший результаты определения кадастровой стоимости.
- Орган, осуществляющий функции по государственной кадастровой оценке.

На практике это могут быть региональные органы исполнительной власти, уполномоченные на утверждение результатов кадастровой оценки, а также учреждения, занимающиеся проведением государственной кадастровой оценки.

Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей обязательным является соблюдение досудебного порядка урегулирования спора путем обращения в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости. Это установлено статьей 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Для физических лиц обращение в комиссию носит факультативный характер, однако практика показывает, что предварительное обращение может ускорить разрешение спора.

Согласно части 1 статьи 219 КАС РФ, срок для подачи административного искового заявления составляет три месяца со дня, когда заявителю стало известно о нарушении его прав. В случае оспаривания результатов определения кадастровой стоимости срок исчисляется со дня, когда заявитель узнал или должен был узнать о принятии соответствующего решения или действия (бездействия).

Анализ судебной практики показывает, что судами часто удовлетворяются требования об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной при соблюдении заявителем всех необходимых требований. Так, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 30.06.2015 № 28 разъяснил ряд вопросов, возникающих при рассмотрении таких дел, и подчеркнул необходимость тщательного рассмотрения представленных доказательств [8 с. 187].

Например, в деле № АКПИ19-708 Верховный Суд РФ удовлетворил требования заявителя, установив кадастровую стоимость объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости, представленной в отчете оценщика. Суд отметил, что представленный отчет соответствует требованиям законодательства и не содержит противоречий.

Важным вопросом является возмещение судебных расходов, в том числе затрат на проведение оценки. Согласно статье 112 КАС РФ, сторона, в пользу которой состоялось решение суда, присуждаются с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы [6, с. 41].

Однако в практике возникали споры относительно возмещения таких расходов за счет бюджетных средств. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11.07.2017 № 20-П признал неконституционными положения законодательства, фактически исключающие возможность присуждения судебных расходов лицу, в пользу которого вынесено решение об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной [4].

При подаче искового заявления необходимо тщательно соблюдать требования к оформлению документов. В соответствии с частью 2 статьи 125 КАС РФ, исковое заявление должно быть подписано заявителем или его представителем, имеющим соответствующие полномочия.

К иску прилагаются:

- Копия искового заявления для ответчика и заинтересованных лиц.
- Доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия представителя.
- Документы, подтверждающие обстоятельства, на которых заявитель основывает свои требования.
- Документ, подтверждающий уплату государственной пошлины.

Размер государственной пошлины при подаче искового заявления определяется статьей 333.19 Налогового кодекса РФ, которая устанавливает, что при обращении в суд общей юрисдикции по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, уплачивается государственная пошлина в размере 300 рублей для физических лиц и 4500 рублей для организаций [2].

В ряде случаев суд может назначить судебную экспертизу для проверки представленного отчета об оценке. Согласно статье 82 КАС РФ, экспертиза назначается, если для разъяснения возникших в деле вопросов необходимы специальные знания.

В таком случае важно, чтобы заявитель предоставил исчерпывающие данные и участвовал в формулировке вопросов к эксперту. Результаты экспертизы могут существенно повлиять на исход дела [9, с. 33].

Согласно части 1 статьи 141 КАС РФ, административное дело должно быть рассмотрено и разрешено судом первой инстанции в срок, не превышающий трех месяцев со дня поступления заявления в суд. Однако на практике сроки могут быть продлены в связи со сложностью дела, необходимостью проведения экспертиз и другими обстоятельствами.

Если решение суда первой инстанции не удовлетворяет заявителя или ответчика, оно может быть обжаловано в апелляционном порядке. Согласно статье 298 КАС РФ, апелляционная жалоба подается в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме [7, с. 18]. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что обращение в суд по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости требует от заявителя тщательной подготовки и внимательного соблюдения установленных законодательством требований. От четкого определения предмета и основания иска, правильного выбора ответчика, подготовки надлежащей доказательственной базы до соблюдения процессуальных сроков и порядка оформления документов – все эти аспекты влияют на успешность судебного разбирательства.

Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что при соблюдении всех требований и наличии обоснованных доказательств шансы на удовлетворение требований заявителя достаточно высоки. Однако важно учитывать возможные сложности, связанные с проведением экспертиз, взаимодействием с органами власти и другими участниками процесса.

Рекомендуется привлекать квалифицированных юристов, специализирующихся на данной категории дел, чтобы обеспечить профессиональную поддержку на всех этапах судебного разбирательства.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ): федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015 г. – № 10. – Ст. 1391.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998 г. – № 3. – Ст. 3824
3. «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»: федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.
4. По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б.Слободянник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 № 20-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707180001?index=5&rangeSize=1> (дата обращения 05.12.2025)

5. «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Определение кадастровой стоимости (ФСО N 4)»: приказ Минэкономразвития России от 22.10.2010 г. № 508 (ред. от 22.06.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113247/5516bff264658622d8c24597a355e591df093fc5/ (дата обращения 04.12.2025)
6. Бородина О.Б., Жданова Р.В. Новые способы исправления ошибки, допущенной при определении кадастровой стоимости объекта недвижимости // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2021. – № 1. – С. 38–43.
7. Григораш Е.В., Ли С.А., Середина А.С. Методы оценки земельных участков // Управленческий учет. – 2021. – № 9-1. – С. 14–21.
8. Ершова Н.В., Баринов В.Н., Трухина Н.И., Калабухов Г.А., Галкин С.А. Проблемы государственной кадастровой оценки земельных участков на этапе реформирования // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2021. – № 3 (70). – С. 185–194.
9. Тимофеев А.В. Стратегия и тактика защиты прав титульных владельцев объектов недвижимости при оспаривании результатов определения кадастровой стоимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 6. – С. 25–35.
10. Трухина Н.И., Григораш Е.В., Ли С.А., Повалюхина М.А. Исследование проблем государственной кадастровой оценки на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 5-1. – С. 148–154.
11. Черницына Е.О., Самодурова С.А., Реджепов М.Б., Повалюхина М.А. Проблемы оспаривания результатов кадастровой стоимости и пути их решения // Модели и технологии природообустройства (региональный аспект). – 2020. – № 1 (10). – С. 95–101.

3.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Алешков Павел Владимирович

магистрант,

Частное учреждение высшего

образования Институт государственного администрирования,

РФ, г. Москва

DEVELOPMENT OF CIVIL LIABILITY MECHANISMS IN RUSSIAN LAW

Aleshkov Pavel Vladimirovich

Master's student

of Private educational institution

of higher education Institute

of Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции механизмов гражданско-правовой ответственности в российском праве, анализируется содержание механизма правового регулирования ответственности, его историческое развитие и современные тенденции. Анализируются основные изменения с 1990-х годов до сегодняшнего дня, актуальные проблемы применения с учётом современных социально-экономических и правовых реалий.

Abstract. The article examines the process of evolution of civil liability mechanisms in Russian law, analyzes the content of the mechanism of legal regulation of liability, its historical development, and current trends. The main changes since the 1990s to the present day, as well as current issues of application, are analyzed, taking into account modern socio-economic and legal realities.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; механизм правового регулирования; правоприменение; возмещение убытков; неустойка; диспозитивность.

Keywords: civil liability; legal regulation mechanism; law enforcement; compensation for damages; penalty; discretion.

Институт гражданско-правовой ответственности занимает центральное место в структуре гражданского права, отражая фундаментальные принципы охраны нарушенных прав и обеспечения устойчивости гражданского оборота. В условиях реформирования гражданского законодательства, цифровизации экономики и усложнения хозяйственных связей, значение эффективного механизма ответственности существенно возрастает.

Современные исследователи рассматривают механизм ответственности как динамическую систему, включающую нормы, фактические основания, правоотношения и акты применения [3, с. 48]. При этом Е. М. Михайленко подчёркивает, что гражданско-правовая ответственность обладает комплексом признаков, выделяющих её среди иных видов социальной ответственности: государственно-принудительным характером, имущественной направленностью, связью с нарушением субъективного права и компенсационным содержанием [5, с. 346].

Традиционно механизм правового регулирования определяется как совокупность юридических средств, обеспечивающих действие права на общественные отношения [4, с. 92]. В контексте гражданского права механизм ответственности объединяет нормы, регламентирующие основания ответственности; юридические факты, образующие состав правонарушения; охранительные правоотношения; меры государственно-принудительного воздействия [3, с. 49].

Михайленко Е.М. подчёркивает, что дискуссия о сущности гражданско-правовой ответственности остаётся актуальной: часть исследователей, в частности О. С. Иоффе, трактует её как форму государственного принуждения, связывая ответственность с наступлением неблагоприятных последствий для правонарушителя, тогда как другие авторы, такие как А. П. Сергеев и М. И. Брагинский, рассматривают её преимущественно как реакцию на нарушение обязательства [5, с. 345–347]. Несмотря на различия в подходах, учёные единны в признании имущественной природы гражданско-правовой ответственности и её ключевой функции – восстановления нарушенного субъективного права.

Структурными элементами механизма ответственности являются:

1. **нормы гражданского законодательства**, регулирующие основания и условия ответственности (ст. 15, 393, 401 [1], 1064 ГК РФ [2]).

2. юридические факты, составляющие правонарушение:

- противоправное действие (или бездействие);
- негативные последствия (убытки, вред);
- причинная связь;
- вины (за исключением случаев безвиновной ответственности).

[5, с. 347–349]

3. охранительное правоотношение, возникающее между правонарушителем и потерпевшим.

4. акты применения ответственности – взыскание убытков, неустойки, компенсация морального вреда, применение процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ [1]).

Фундаментальное значение имеют принцип полного возмещения вреда, добросовестность сторон (ст. 1 и 10 ГК РФ [1]), справедливость и равенство участников гражданского оборота. Принцип добросовестности, по словам Михайленко, «приобретает значение критерия оценки поведения сторон и основания ограничения или конкретизации их ответственности» [5, с. 350].

Первоначально ответственность в частном праве России формировалась под влиянием традиций, обычая и религиозных предписаний, затем развивалась как институт гражданского права. Репина М.Ю. отмечает, что «изначально источниками ответственности за нарушение были традиции, мораль, обычай... затем – кодифицированное гражданское регулирование». [8, с. 12] В советский период гражданско-правовая ответственность имела более санкционный характер, но её частноправовой характер был ограничен. По мере реформирования Гражданского кодекса РФ и принятия первой части ГК РФ [1] в 1994 году начался переход к более восстанавливающей и диспозитивной модели.

С принятием Гражданского кодекса Российской Федерации 1994–1996 гг. институт гражданско-правовой ответственности претерпел качественное преобразование: его содержание было переосмыслено в сторону приоритетного признания восстановительной функции и ориентации на компенсацию нарушенных субъективных прав. Данное направление эволюции отражено в исследованиях И. М. Мусаевой, которая подчёркивает, что в гражданском праве постепенно происходит смещение акцента с карательного начала на охранительное правоотношение, обеспечивающее баланс интересов сторон и восстановление нарушенного имущественного положения потерпевшего [6].

Последующая реформа гражданского законодательства 2008–2015 гг. усилила тенденцию к модернизации механизма ответственности. В этот период были существенно расширены возможности договорного регулирования, конкретизованы условия возмещения убытков

и повышена значимость принципа добросовестности как оценочного критерия поведения участников гражданского оборота. Существенное значение имело и введение ст. 53.1 ГК РФ [1], определившей стандарты ответственности членов органов управления юридических лиц, что способствовало укреплению корпоративной дисциплины и снижению рисков недобросовестного поведения руководителей.

Современный этап развития (2016–2025 гг.) характеризуется дальнейшим усложнением механизма гражданско-правовой ответственности и формированием новых тенденций правоприменения. Наиболее заметным является увеличение массива судебных актов, в которых последовательно уточняются подходы к исчислению убытков, определению разумности неустойки и разграничению мер ответственности и мер защиты.

Наряду с этим развивается институт безвиновной ответственности, особенно в таких сферах, как цифровые технологии, медицинская деятельность и эксплуатация источников повышенной опасности, где риски причинения вреда обусловлены объективными факторами. Одновременно усиливается и значение диспозитивного начала: участники гражданского оборота всё чаще включают в договоры расширенные и детализированные условия об ответственности, что позволяет учитывать специфику конкретных правоотношений и обеспечивает их большую предсказуемость.

Современное состояние механизма гражданско-правовой ответственности характеризуется рядом теоретических и практических противоречий, препятствующих его полной эффективности и согласованности. В доктрине до настоящего времени отсутствует единое и общепринятое определение гражданско-правовой ответственности, что ведёт к существованию нескольких конкурирующих концепций. Как отмечает С. В. Очкurenko, научное сообщество «не выработало единства относительно природы ответственности», что обуславливает различие в понимании её структуры, функций и пределов [7]. Существенное значение имеет и продолжающаяся дискуссия о характере штрафной функции. Согласно позиции, изложенной Е. М. Михайленко, такие меры, как неустойка и проценты по ст. 395 ГК РФ, обладают особенностями, выходящими за рамки сугубо компенсационной модели, что свидетельствует о сложной и многослойной природе ответственности в современном праве [5, с. 351–352].

На уровне правоприменения сохраняется устойчивый комплекс проблем, связанных с доказательственной спецификой гражданско-правовых споров. Значительные затруднения вызывают установление причинной связи между нарушением и наступившими последствиями,

определение реального размера убытков, а также расчёт упущеной выгоды, требующий экономической обоснованности и подтверждения высокой степени вероятности получения доходов. Кроме того, вопросы разумности и соразмерности мер ответственности нередко решаются судами по-разному, что приводит к вариативности подходов.

Не менее значимы и проблемные аспекты, связанные с отраслевой спецификой ответственности. В областях с повышенным уровнем риска – медицинской деятельности, корпоративных правоотношениях, на финансовом рынке – наблюдается фрагментарность и несогласованность нормативных положений. Особенно показательной является ситуация с регулированием ответственности доверительного управляющего: М. Ю. Репина подчёркивает наличие противоречий и неопределенности в определении объёма его обязанностей и степени допустимого риска [8, с. 14]. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития и уточнения соответствующих норм, а также о важности их адаптации к современным условиям оборота.

Таким образом, анализ проблем механизма гражданско-правовой ответственности позволяет заключить, что он остаётся внутренне неоднородным, сочетая теоретическую неопределенность, правоприменимые затруднения и несовершенство отдельных норм отраслевого регулирования. Преодоление этих противоречий возможно лишь при комплексном пересмотре доктринальных подходов, совершенствовании законодательства и систематизации судебной практики.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ от 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ от 29.01.1996, N 5, ст. 410.
3. Добровинская А. В. О механизме правового регулирования ответственности в гражданском праве // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 48–52.
4. Крашенинников, Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е. А. Крашенинников; ответственный редактор Ю. В. Байгушева. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 1125 с.
5. Михайленко, Е. М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов / Е. М. Михайленко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 390 с.
6. Мусаева, И. М. Гражданко-правовая ответственность в российском праве / И. М. Мусаева // Вопросы студенческой науки. – 2020. – Вып. 10 (50). – С. 64–69.

7. Очкуренко, С. В. Понятие и виды ответственности в гражданском праве России / С. В. Очкуренко, В. Г. Ротань // Lex Russica. – 2023. – Т. 76. – № 8 (201). – С. 9–21.
8. Репина, М. Ю. Институт гражданско-правовой ответственности: эволюция правового регулирования, современное состояние / М. Ю. Репина // Актуальные исследования. – 2024. – № 43 (225). – URL: <https://apni.ru/article/10335-institut-grazhdansko-pravovoj-otvetstvennosti-evolyuciya-pravovogo-regulirovaniya-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 17.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО ПОВОДУ ЧЕСТИ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН

Галишников Олег Александрович

*аспирант кафедры
Частноправовые (цивилистические) науки,
Университет Синергия,
РФ, г. Москва*

Левушкин Анатолий Николаевич

*научный руководитель,
д-р юрид. наук, проф.,
Университет Синергия,
РФ, г. Москва*

PROBLEMS OF THE MECHANISM OF CIVIL LAW REGULATION OF RELATIONS ARISING ON THE ISSUE OF HONOR AND BUSINESS REPUTATION OF CITIZENS

Galishnikov Oleg Alexandrovich

*Graduate student of the department
Private law (civil) sciences,
Synergy University,
Russia, Moscow*

Levushkin Anatoly Nikolaevich

*Scientific supervisor,
Doctor of Law sciences, prof.,
Synergy University,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье анализируются ключевые проблемы механизма гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу чести и деловой репутации граждан. Рассматриваются пробелы нормативного регулирования, противоречия судебной практики, сложности доказывания и определения размера компенсации морального вреда. Особое внимание уделяется трансформации механизма защиты в условиях цифровизации и распространения информации в сети «Интернет». Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

Abstract. The article analyzes the key problems of the mechanism of civil law regulation of relations arising from the honor and business reputation of citizens. It examines the gaps in regulatory regulation, the contradictions in judicial practice, and the difficulties of proving and determining the amount of compensation for moral harm. Special attention is paid to the transformation of the protection mechanism in the context of digitalization and the dissemination of information on the Internet. The article formulates proposals for improving the current legislation and law enforcement practice.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовой механизм, защита нематериальных благ, компенсация морального вреда, цифровая среда.

Keywords: honor, dignity, business reputation, civil law mechanism, protection of intangible benefits, compensation for moral damage, digital environment.

Честь и деловая репутация относятся к числу базовых нематериальных благ, охраняемых гражданским законодательством Российской Федерации [1]. Их защита осуществляется посредством механизма гражданско-правового регулирования, ядром которого выступают положения статей 150 и 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что защита чести и деловой репутации направлена на восстановление нарушенного нематериального блага и соблюдение баланса между свободой слова и личными правами граждан [6].

Современная цифровизация общественных отношений трансформировала способы распространения информации и существенно осложнила механизм гражданско-правовой защиты репутационных благ [13]. Это обуславливает необходимость системного анализа правовых и практических проблем функционирования данного механизма.

Отсутствие легальных дефиниций чести, достоинства и деловой репутации в Гражданском кодексе Российской Федерации порождает

расширительное судебное усмотрение и снижает уровень правовой определённости [2], [6]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал, что неопределенность правовых норм снижает гарантированность их применения и противоречит принципу правового государства [7]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 закрепляет общее понимание порочащих сведений, однако не формирует исчерпывающих критериев их квалификации [6]. В результате нормы статьи 152 ГК РФ функционируют в режиме доктринально-судебного толкования, что снижает предсказуемость правового регулирования.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации обязанность доказывания достоверности порочащих сведений возлагается на ответчика [6]. Однако факт распространения информации и её источник чаще всего должен доказывать истец, особенно в цифровой среде [14].

Разграничение фактических утверждений и оценочных суждений остаётся одной из наиболее сложных процессуальных проблем. Верховный Суд Российской Федерации указал, что оценочные суждения не подлежат доказыванию в порядке статьи 152 ГК РФ [8]. Тем не менее отсутствие единых критериев приводит к нестабильности судебной практики.

Компенсация морального вреда регулируется статьёй 151 ГК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5]. Размер компенсации определяется судом с учётом принципов разумности и справедливости, однако отсутствие объективных шкал оценки приводит к значительной разбалансированности судебных решений [15]. В ряде случаев компенсация носит формальный характер и не соответствует тяжести репутационного вреда, причинённого гражданину [12]. Это снижает превентивную и восстановительную функцию гражданско-правовой ответственности.

Верховный Суд Российской Федерации признал, что размещение сведений в сети «Интернет» является формой их распространения и подпадает под действие статьи 152 ГК РФ [9]. Однако традиционные способы защиты оказываются малоэффективными в условиях анонимности, репликации и трансграничности цифровых коммуникаций [13]. Законодательство не содержит специальных норм, закрепляющих гражданско-правовую ответственность операторов цифровых платформ за репутационный вред, что формирует правовой вакуум в сфере защиты нематериальных благ в Интернете [16].

Совершенствование механизма гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу чести, достоинства и деловой

репутации граждан, предполагает его системную модернизацию с учётом современных социальных и цифровых реалий. В качестве базового направления следует рассматривать законодательное закрепление легальных definicij чести, достоинства и деловой репутации в статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку их отсутствие порождает расширительное судебное усмотрение и снижает уровень правовой определённости при разрешении reputационных споров.

Существенного обновления требует статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в части прямого регулирования распространения сведений в сети «Интернет» и иных цифровых платформах. Нормативное признание цифровой формы распространения информации, а также закрепление обязанности по удалению недостоверных сведений наряду с их опровержением позволят повысить эффективность восстановительного воздействия гражданско-правовых средств защиты.

Отдельного нормативного урегулирования требует участие операторов цифровых платформ в механизме защиты reputационных прав. Законодательное закрепление их обязанности по удалению информации, признанной судом порочащей, и сохранению цифровых следов для целей доказывания позволит перераспределить ответственность с потерпевших на профессиональных участников информационного оборота и усилит превентивную функцию гражданско-правовой ответственности.

Важным направлением является также уточнение критериев определения размера компенсации морального вреда путём их нормативного закрепления в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации. Это позволит сократить разбалансированность судебных решений и повысить предсказуемость правоприменительной практики.

Наконец, в условиях высокой скорости распространения информации в цифровой среде требуется развитие специальных процессуальных механизмов ускоренной защиты reputационных прав и расширение применения обеспечительных мер, направленных на временное ограничение распространения спорных сведений до разрешения дела по существу.

Реализация указанных направлений позволит повысить уровень правовой определённости, адаптировать механизм гражданско-правового регулирования к цифровой среде и обеспечить более эффективную защиту чести и деловой репутации граждан.

Механизм гражданско-правового регулирования защиты чести и деловой репутации граждан характеризуется нормативной фрагментарностью, высокой зависимостью от судебного усмотрения

и недостаточной адаптацией к условиям цифровизации. Анализ норм гражданского законодательства, судебной практики и позиций Верховного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о необходимости концептуальной модернизации действующей модели защиты нематериальных благ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) : федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. О средствах массовой информации : закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 7. – Ст. 300.
4. О практике применения судами законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума ВС РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1995. – № 3.
5. О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации : постановление Пленума ВС РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
6. Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 18-КГ17-108 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2001 г. № 1-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 700.
8. Определение Верховного Суда РФ от 23 янв. 2018 г. № 18-КГ17-211 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Сергеева А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право : учебник. – М. : Пропсект, 2021. – 816 с.
10. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. – М. : Статут, 2022. – 720 с.
11. Малеин Н. С. Защита личных неимущественных прав граждан. – М. : Юстицинформ, 2018. – 256 с.
12. Белов В. А. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 45–53.
13. Егорова М. А. Защита деловой репутации в сети Интернет // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 67–75.
14. Тихомирова Л. В. Электронные доказательства по делам о защите чести и достоинства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 10. – С. 41–48.
15. Зайцев О. В. Компенсация морального вреда при защите репутации // Российская юстиция. – 2020. – № 4. – С. 18–23.
16. Савельев А. И. Гражданко-правовая ответственность цифровых платформ // Закон. – 2023. – № 2. – С. 74–83.

САМОЗАЩИТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Заусов Кирилл Алексеевич

аспирант

Московского университета имени А.С. Грибоедова,
РФ, г. Москва

SELF-PROTECTION OF ENTREPRENEURIAL RIGHTS AND LEGAL INTERESTS

Zausov Kirill Alekseevich

Postgraduate student,

Moscow University named after A.S. Griboyedov,
Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье исследуется самозащита как способ и форма неюрисдикционной защиты прав предпринимателей, анализируются порядок, особенности и пределы её применения, правовые и технические средства, которые могут быть использованы при осуществлении самозащиты прав и законных интересов предпринимателей.

Abstract. This article examines self-defense as a method and form of non-jurisdictional protection of entrepreneurs' rights, analyzes the procedure, features, and limits of its application, as well as the legal and technical means that can be used in the exercise of self-defense of entrepreneurs' rights and legitimate interests, and how it can serve as a means of proof in the exercise of the right to judicial protection.

Ключевые слова: самозащита предпринимательских прав и законных интересов, удержание имущества как способ осуществления самозащиты прав предпринимателей, пределы осуществления действий по самозащите, применение технических средств при осуществлении самозащиты права.

Keywords: self-defense of entrepreneurial rights and legitimate interests, retention of property as a means of self-defense of entrepreneurial rights, limits on self-defense actions, and the use of technical means in self-defense.

Самозащита является одной из форм неюрисдикционной защиты в рамках правоотношений, складывающихся в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Согласно статье 14 Гражданского Кодекса, допускается самозащита гражданских прав, при этом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения[2]. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что право на самозащиту является элементом конституционного права на защиту, самозащиту допустимо применять как для защиты имущественных, так и неимущественных прав, самозащита не может рассматриваться в отрыве от общей системы гарантий прав личности[9].

Часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации[1], воспроизведя положение статьи 30 Декларации прав и свобод человека и гражданина[8], гарантирует каждому субъекту правовых отношений – будь то физическое лицо, организация или иной носитель прав – возможность защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом средствами.

Как указывает В.П. Грибанов, «Под самозащитой гражданских прав следует понимать совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов»[6, С. 121]. Эта позиция подчеркивает существенную характеристику неюрисдикционных форм защиты – возможность субъекта предпринимательства самостоятельно, своими действиями обеспечить восстановление нарушенного права или пресечь правонарушение.

По мнению П.А. Гришина, «Самозащита – это межотраслевой комплексный институт права. Право на использование конкретных способов самозащиты в целях защиты своих прав и свобод (право лица на необходимую оборону, а также право лица на действия в состоянии крайней необходимости), закреплены во многих отраслях отечественного законодательства – в Гражданском Кодексе Российской Федерации (ст.ст.1066 и 1067 ГК РФ) [3], в Уголовном Кодексе Российской Федерации (ст.ст. 37 и 39 УК РФ) [5] и в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 2.7 КоАП РФ) [6]. Нормы, посвященные самостоятельной защите нарушенных прав есть и в трудовом законодательстве Российской Федерации (гл. 59 ТК РФ[7]), а также в иных отраслях права. Таким образом, в российском законодательстве формируется отдельный правовой институт по самостоятельной защите нарушенных прав и свобод, однако в связи с тем фактом, что указанный институт является новеллой, в законодательстве не сформулировано определение самого понятия «самозащита»» [8, С. 48-51.].

Е.А Суханов, подчеркивая сущность самозащиты как способа защиты права, указывает, «При самозащите гражданских прав речь в

первую очередь идет о фактических действиях, выражавшихся в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его титульном (законном) владении имущество. Они могут быть весьма разнообразны: устройство различных охранных приспособлений для защиты дома от нежелательного проникновения в него третьих лиц; клеймение домашних животных; проставление факсимиле на книгах из собственной библиотеки ит.п. Главное, чтобы эти действия соответствовали закону, т.е. не были запрещены им» [11, С. 563].

По мнению Н.В. Южанина, «Самозащита в современном правовом регулировании имеет лишь пресекательное начало. Если смотреть на последствия защиты шире, то – это форма защиты прав, которая может предполагать не только пресечение правонарушения, но и его восстановление. Она может применяться в договорном правоотношении и в иных гражданских правоотношениях на соразмерном основании, критерии же которого лишь предстоит расширить законодателю в будущем, расширив правовое содержание самой нормы о самозащите прав» [13, С. 119-122].

Реализация права на самозащиту в предпринимательских правоотношениях осуществляется через применение конкретных правовых средств, предусмотренных гражданским законодательством, в том числе и посредством применения способов, обеспечивающих исполнение обязательства. Наиболее распространенными способами самозащиты в сфере предпринимательской деятельности выступают удержание имущества должника и приостановление встречного исполнения обязательства. Эти способы самозащиты широко применяются в предпринимательской практике и получили законодательное закрепление в различных нормах гражданского законодательства.

Право удержания, регламентированное ст. 359 ГК РФ[2], предоставляет кредитору, lawально владеющему вещью должника, возможность обеспечивать исполнение обязательств, прежде всего связанных с оплатой данной вещи или компенсацией издержек. В контексте предпринимательской деятельности этот инструмент приобретает особую значимость как эффективная форма неюрисдикционной защиты. Законодатель специально расширяет его применение для предпринимателей, допуская удержание для обеспечения любых договорных требований (п. 1 ст. 359 ГК РФ[2]), и гарантирует устойчивость этого права даже при смене собственника удерживаемого имущества (п. 2 ст. 359 ГК РФ[2]). По своей правовой природе удержание представляет собой специальный случай реализации общего дозволения на самозащиту гражданских прав (ст. 14 ГК РФ[2]). Критически важным условием её правомерности является соблюдение критерия соразмерности, принимаемых мер характеру нарушения, что вытекает из системного

толкования статей 14 и 1 ГК РФ[2], закрепляющих принципы разумности и равенства.

Таким образом, следовательно, удержание имущества кредитором будет считаться правомерным только в том случае, если оно оказалось в его владении на законных основаниях. Практическое применение права удержания в предпринимательской деятельности охватывает широкий спектр ситуаций. Подрядчик вправе удерживать результат выполненных работ до полной оплаты заказчиком, перевозчик может удерживать груз до уплаты провозной платы, хранитель удерживает переданное на хранение имущество до возмещения расходов на хранение, комиссионер удерживает товар до получения вознаграждения и возмещения понесенных издержек. В каждом из этих случаев право удержания служит эффективным стимулом для должника к надлежащему исполнению обязательства, позволяя кредитору защитить свои интересы без обращения в суд. Применение технических средств защиты также может рассматриваться как форма реализации права на самозащиту в предпринимательской деятельности. Установка систем видеонаблюдения, охранной сигнализации, контроля доступа, использование средств защиты информации, применение технологий блокировки несанкционированного доступа к программному обеспечению при нарушении условий лицензионного соглашения – все эти меры направлены на предотвращение правонарушений и защиту имущественных интересов предпринимателя.

Согласно п. 1 ст. 1299 Гражданского Кодекса РФ, «Техническими средствами защиты авторских прав признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения» [4]. Возможность применения программных и технических средств защиты права закреплена в специализированных нормах Гражданского кодекса, связанных с защитой исключительных прав.

Таким образом, использование предпринимателями технических и программных средств защиты в качестве мер самозащиты права позволяет устанавливать и фиксировать нарушение прав, и использовать это при осуществлении процессуальных способов защиты права, связанных с обращением в государственные органы и суд.

Самозащита прав предпринимателей реализуется через применение различных правовых средств, предусмотренных гражданским законодательством. Ключевыми способами самозащиты выступают удержание имущества должника и применение технических средств защиты.

Каждый из этих способов обладает специфическими особенностями применения и требует соблюдения установленных законом условий. Использование права на самозащиту позволяет предпринимателю оперативно реагировать на нарушения своих прав, минимизировать негативные последствия правонарушений и обеспечить защиту своих имущественных интересов без обращения к юрисдикционным органам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 24.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
8. Декларация прав и свобод человека и гражданина: утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 29. Ст. 4085.
10. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
11. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023.
12. Гришин П.А. Самозащита – форма или способ защиты гражданских прав? / П.А. Гришин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-2.
13. Южанин Н.В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера / Н.В. Южанин // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2.

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Золотарева Татьяна Владимировна

магистрант,

Частное учреждение высшего образования

Институт государственного администрирования,

РФ, г. Москва

FEATURES OF THE DONATION CONTRACT IN CIVIL LAW

Zolotareva Tatiana Vladimirovna

Master's student

of Private educational institution

of higher education Institute of Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей договора дарения как безвозмездной гражданско-правовой сделки. Рассматриваются его правовая природа, условия заключения, ограничения, а также основания отмены и недействительности. Анализ судебной практики и современных доктринальных подходов позволяет выявить основные проблемы применения института дарения.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the gift contract as a gratuitous civil law transaction. Its legal nature, conditions of conclusion, restrictions, as well as grounds for cancellation and invalidity are considered. The analysis of judicial practice and modern doctrinal approaches allows to identify the main problems of the application of the gift institution.

Ключевые слова: договор дарения; безвозмездная сделка; одаряемый; даритель; отмена дарения; недействительность сделки; ограничения дарения; отменительные условия.

Keywords: gift contract; gratuitous transaction; recipient; donor; cancellation of the gift; invalidity of the transaction; restrictions on the gift; cancellation conditions.

Договор дарения традиционно относится к числу наиболее древних и широко распространённых институтов частного права. В современной правовой системе Российской Федерации данный договор регулируется главой 32 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее – ГК РФ), где законодатель уделяет особое внимание признакам, форме и правовым последствиям безвозмездного отчуждения имущества [2].

Договор дарения рассматривается российской доктриной как простая и безвозмездная сделка, направленная на обогащение одаряемого за счёт уменьшения имущества дарителя. В современной литературе подчеркивается дополнительный критерий – *animus donandi*, то есть намерение дарителя обогатить одаряемого. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский считают, что отсутствие такого намерения автоматически исключает квалификацию сделки как дарения, даже если она формально соответствует конструкции договора [5, с. 330–331].

Кроме того, как отмечают А.П. Анисимов и М.Ю. Козлова, соглашение сторон должно включать конкретный предмет – вещь, имущественное право или освобождение от обязанности. Недопустимы абстрактные обещания подарить имущество в целом или обещания, расчитанные на время после смерти дарителя; такие конструкции ничтожны, поскольку фактически являются завещательными распоряжениями [7, с. 92–94].

Договор дарения может быть, как реальным, так и консенсуальным. Реальный договор считается заключённым с момента фактической передачи вещи одаряемому (например, вручение подарка), что следует из анализа судебной практики Верховного Суда РФ: в пункте 5 Обзора судебной практики № 1 (2020) указано, что именно факт передачи вещи подтверждает заключённость договора в устной форме [4].

Консенсуальный договор предполагает обещание дарения, которое должно быть выражено в письменной форме и содержать конкретный предмет будущего дарения. И.А. Зенин отмечает, что обещание дарения не может носить абстрактный характер, а также не допускается обещание подарить имущество после смерти дарителя, поскольку такая сделка ничтожна [8, с. 101].

Безвозмездность – центральный признак дарения, который определяет его место в системе гражданско-правовых обязательств. Дарение отличается от иных договоров передачи имущества (купли-продажи, мены, ренты) именно отсутствием встречного предоставления, тогда как от договоров ссуды (пользования) договор дарения отличается передачей права собственности, а не только владения или пользования.

Судебная практика последовательно подтверждает эту конструкцию. В Постановлении Пленума ВС РФ № 6 от 11.06.2020 разъясняется, что прощение долга квалифицируется как дарение только при установленном намерении кредитора освободить должника от обязанности в качестве дара, а не как элемент иных экономических отношений [3, п. 31]. Иначе

такие действия рассматриваются как реструктуризация долга и не подпадают под правила о дарении.

Форма договора дарения зависит от объекта и субъектного состава сделки. Согласно И.А. Зенину, договор дарения недвижимости должен быть совершен в письменной форме, но после реформы 2013 года не требует государственной регистрации, поскольку регистрации подлежит только переход права собственности [8, с. 101].

Письменная форма обязательна:

- если дарителем является юридическое лицо и стоимость дара превышает 3 000 рублей;

- если договор содержит обещание дарения в будущем;
- если предметом дарения является имущественное право;
- если дарение связано с отчуждением объектов недвижимости.

А.П. Анисимов подчёркивает, что письменная форма в данных случаях обеспечивает доказательственность сделки и предотвращает недобросовестные попытки признания дарения мнимым или несостоявшимся [7, с. 97–99].

Устная форма допустима в реальных договорах дарения недорогих движимых вещей. Передача дара может быть фактической, символической (вручение ключей), или выраженной в передаче правоустанавливающих документов [8, с. 101].

Законодательство значительно расширило сферу ограничений договора дарения, что подчёркивает его социальный характер. В соответствии со ст. 575 ГК РФ запрещается дарение:

- между коммерческими организациями;
- от имени малолетних и недееспособных их законными представителями (кроме мелких подарков);
- работникам образовательных, медицинских, социальных организаций от лиц, находящихся у них на попечении;
- государственным и муниципальным служащим – за исключением подарков стоимостью до 3 000 руб.

Как отмечает Эрделевский А, отсутствие ограничений по количеству таких «обычных подарков» создаёт неоднозначность применения нормы и может способствовать злоупотреблениям [9].

Пленум ВС РФ в Постановлении № 6 (2020) также подчёркивает, что прощение долга между коммерческими организациями не допускается, если квалифицируется как форма дарения, поскольку противоречит запрету дарения в таких отношениях [3].

Расширяя предмет договора дарения, законодатель допускает дарение не только вещей, но и имущественных прав, включая требования

к третьим лицам. В этом случае применяются нормы о цессии (уступке требования) и переводе долга – п. 4 ст. 576 и п. 1 ст. 313 ГК РФ [1].

Зенин подчёркивает, что дарение имущества, находящегося у юридического лица на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, возможно только с согласия собственника, а в случае общей совместной собственности – с согласия всех собственников [8, с. 102].

Согласно ст. 572 ГК РФ, существенным условием договора дарения является предмет договора, то есть конкретная вещь, имущественное право либо освобождение одаряемого от обязанности. Как подчёркивает А.П. Анисимов, предмет должен быть «юридически возможным, определённым и допускающим индивидуализацию», иначе договор не может считаться заключённым [7, с. 98].

И.А. Зенин отмечает, что расширение предмета дарения на имущественные права и обязанности обусловило необходимость соблюдения специальных процедур, связанных с уступкой требования и переводом долга (п. 4 ст. 576, п. 1 ст. 313 ГК РФ) [8, с. 102]. Это означает, что дарение прав не может быть совершено без уведомления должника или согласия кредитора, если таковое требуется законом.

В числе существенных условий также выделяются:

- конкретизация дара, исключающая абстрактные обещания подарить имущество в целом;
- наличие индивидуально определённого объекта, особенно при дарении недвижимости;
- воля дарителя на безвозмездное отчуждение, подтверждаемая отсутствием встречных условий.

Как указывает В.В. Витрянский, дарение будущей вещи (за исключением вещей, которые уже индивидуализированы и будут созданы дарителем) не допускается, поскольку нарушает природу договора и создаёт неопределенность предмета [6].

Исполнение договора дарения осуществляется:

- путём вручения вещи,
- символической передачи (ключи, правовые документы),
- передачи имущественного права.

По ст. 573 ГК РФ одаряемый вправе отказаться от дара, что подтверждает двусторонний характер договора [2].

Договор дарения может быть признан недействительным на основаниях, предусмотренных ст. 168–179 ГК РФ [1]. Наиболее распространённые случаи связаны с:

- мнимостью и притворностью сделки, когда дарение используется для прикрытия купли-продажи или иных возмездных отношений (п. 2 ст. 170 ГК РФ);

- ошибкой, обманом или злоупотреблением доверием дарителя, что характерно для сделок с участием пожилых граждан;
- нарушением формы, когда закон требует письменной формы или государственной регистрации перехода права собственности;
- отсутствием намерения дарителя передать имущество безвозмездно (*animus donandi*), что подтверждается судебной практикой Верховного Суда РФ.

Суды подчёркивают, что наличие встречного предоставления, даже косвенного, исключает квалификацию сделки как дарения. Например, если даритель ожидал определённых действий взамен, договор признаётся возмездным и подлежит квалификации по иным нормам гражданского права.

Отмена дарения регулируется ст. 578 ГК РФ и допускается в строго определённых законом случаях [2]:

1. покушение одаряемого на жизнь или здоровье дарителя либо членов его семьи;
2. угрозы утраты вещи, имеющей для дарителя большую неимущественную ценность;
3. дарение индивидуальным предпринимателем или юрлицом в период, предшествующий банкротству;
4. условие о переживании, когда даритель вправе отменить дарение, если переживёт одаряемого.

Институт отмены дарения обеспечивает баланс интересов сторон и предотвращает злоупотребления со стороны одаряемого. Отмена дарения возможна только в судебном порядке, а обязанности по возврату дара возникают лишь при сохранении вещи в натуре.

Договор дарения занимает особое место в системе гражданско-правовых обязательств, сочетая в себе простоту конструкции и значимые правовые последствия. Анализ законодательства, судебной практики и доктринальных подходов показывает, что ключевыми особенностями дарения являются его безвозмездность, двусторонний характер, наличие реальной и консенсуальной форм, а также наличие широкого круга ограничений, направленных на защиту публичных интересов и уязвимых категорий граждан.

Правоприменительная практика демонстрирует, что основные проблемы возникают:

- при разграничении дарения и возмездных сделок;
- при дарении прав и освобождении от обязанностей;
- при соблюдении формы сделки, особенно в отношении недвижимости;

• при квалификации сделок в условиях психологического давления и злоупотребления доверием.

Совершенствование правового регулирования возможно через:

1. уточнение оснований отмены дарения;
2. усиление нотариального контроля за сделками с недвижимостью;
3. расширение регулирования цифровых объектов как предмета дарения;
4. укрепление механизмов защиты пожилых граждан.

Тем самым развитие института дарения требует комплексного подхода, учитывающего как традиционные конструкции гражданского права, так и современные вызовы имущественного оборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ от 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ от 29.01.1996, N 5, ст. 410
3. О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 // "Российская газета", N 136, 25.06.2020
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 10, октябрь, 2020
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 2. – М. : Статут, 2001. – 650 с.
6. Витрянский В.В. Заключение договора. Понятие // Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. 2 / В.В. Витрянский, В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; Под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд. М.: БЕК, 2000. С. 169
7. Договорное право : учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин ; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 348 с.
8. Зенин, И. А. Гражданское право. Особенная часть : учебник для вузов / И. А. Зенин. – 20-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 300 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17481-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/561423> (дата обращения: 01.12.2025).
9. Эрделевский А. Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 12 –14.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В РОССИИ

Игнатьев Андрей Андреевич

аспирант,

*Академия труда и социальных отношений,
РФ, г. Москва*

THE HISTORICAL PATH OF FORMATION OF BANKRUPTCY LEGISLATION IN RUSSIA

Ignatiev Andrey Andreevich

Graduate student,

*Academy of Labor and Social Relations,
Russia, Moscow*

Аннотация. Данная статья посвящена историографии вопроса о генезисе и дальнейшем формировании законодательных основ банкротства в России. Рассмотрены самые первые источники древнерусского права, в которых уже можно встретить отдельные положения в данной сфере. Проанализированы отдельные этапы формирования законодательства о банкротстве и выявлены специфические характеристики каждого из них, а также выведены общие закономерности тенденции. Сделан вывод о том, что данный процесс все еще далек от своего логического завершения и определены ключевые аспекты дальнейшей работы в соответствующем направлении.

Abstract. This article is devoted to the historiography of the question of the genesis and further formation of the legislative foundations of bankruptcy in Russia. The very first sources of ancient Russian law are considered, in which it is already possible to find certain provisions in this area. The individual stages of bankruptcy legislation formation are analyzed and the specific characteristics of each of them are identified, as well as general patterns and trends are derived. It is concluded that this process is still far from its logical conclusion and the key aspects of further work in this direction have been identified.

Ключевые слова: банкротство; несостоятельность; должник; кредитор; история законодательства; долговые обязательства.

Keywords: bankruptcy; insolvency; debtor; creditor; history of legislation; debt obligations.

Корни законодательства о банкротстве уходят в далекое прошлое. Среди первых актов, в которых можно обнаружить положения по интересующим нас вопросам, следует назвать Русскую Правду, Судебники XV-XVI вв., а также Соборное уложение 1649 г. Так, в ст.ст. 68-69 Русской Правды осуществлялось толкование понятия дворянской несостоительности, вызванной виновным поведением должника, а также раскрываются отдельные аспекты распределения имущества должника между различными группами кредиторов.

Примечательно, что несостоительность дифференцировалась на несчастную, умышленную и злостную. Это было необходимо для большей индивидуализации нормативного регулирования и обеспечения реализации начал справедливости. Так, если «несчастный» банкрот имел крупную задолженность, появившуюся в силу действия непреодолимых обстоятельств, ему предоставлялось право получения отсрочки. И, напротив, «злостное банкротство» влекло последствия в виде полной утраты должником каких-либо притязаний на все свои активы, вплоть до обретения статуса «холопа» [7, с. 24].

Далее, уже в тексте Судебника Ивана III (1497 г.) можно найти указание на то, что должник мог быть выдан кредитору «головою на продажу» [8, с. 61]. По мнению К.Д. Кавелина, «выдача головою» является старейшим механизмом удовлетворения требований на известном лице; кто не вознаграждал за убытки, не оплачивал долговые обязательства, подлежал выдаче истцу, который был волен поступать с ним как посчитает нужным, от мести за обязательство, которое не было выполнено, до трансформации его в своего раба [5, с. 197].

В целом же, на данном этапе вести речь о каком-либо системном регулировании банкротства не представляется возможным – отправной точкой в данном отношении следует считать начало XVIII в.

В данный период А. Х. Гольмстен выделяет два ключевых вектора в развитии российского конкурсного права: иностранное и национально-самобытное, и канцелярско-кодификационное [1, с. 8]. Иностранное направление заключалось в адаптации зарубежных положений о конкурсном праве к российской действительности. Национально-самобытное положение было сконцентрировано в институте закупничества. В данном случае кредитор получал в свое распоряжение должника для полной отработки им своего долга. Как верно отметил М. Дмитриев, по существу статус такого должника был тождественен кабальному холопству [3, с. 35].

Канцелярско-кодификационный вектор развития российского конкурсного права получил свою объективацию в разработке конкурсных уставов. В данном отношении показателен Устав о банкротах 1800 г.,

в соответствии с которым статусом банкрота обладал тот, кто был не в состоянии произвести расчеты по имеющимся обязательствам.

Дореволюционный период развития российского законодательства о несостоятельности длился вплоть до 1917 г., после чего утратили свое значение все акты дореволюционного права. На советском этапе развития российского законодательства о несостоятельности следует отметить, прежде всего, ГК РСФСР 1922 г., в который были включены положения о регулировании отношений, связанных с несостоятельностью гражданских и торговых товариществ и физических лиц [2, с. 78].

С 1930-х гг. в России в силу набирающих обороты тенденций свертывания новой экономической политики с последующим установлением монополии государства на собственность, институт банкротства воспринимался как чужеродное явление для советской экономики. О возрождении анализируемого института в России возможно вести речь лишь с момента принятия Закона о несостоятельности 1992 г., который, однако, охватывал лишь процедурные аспекты банкротства предприятий. По мнению Г. Федотовой, главной целью данного закона была подготовка предприятий к выходу в рыночную экономику [6, с. 44].

В целом же, правовой вакуум на исследуемом этапе можно объяснить кардинальным изменением отношений собственности в России в силу приватизационных процессов, и подчинение таких предприятий правилам о процедурах банкротства было неуместным и несвоевременным.

Следующий важный этап в развитии института несостоятельности, связан с принятием 8 января 1998 г. № 6-ФЗ Федерального закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)». В нем был воплощен концептуально иной подход законодателя – помимо, собственно, базового нормативного правового акта в данной сфере, устанавливалась возможность принятия иных, специально ориентированных Федеральных законов, посвященных регламентированию специфических черт процедур банкротства предприятий наиболее значимых хозяйственных отраслей.

По итогам анализа практики правоприменения, уместно заключить, что Закон 1998 г. стал надежным механизмом трансформации банкротства в реально функционирующий и эффективный институт, который гармонизирован с экономическими реалиями в стране.

В то же время, весомым дефектом нового закона о банкротстве было отсутствие действенных рычагов защиты интересов должника от криминального банкротства, данный институт трансформировался в орудие нивелирования конкурентов, уклонения от налогов, передела собственности, недобросовестного захвата предприятий [4, с. 35]. Данные факторы обнажили явную потребность в скорейшем реформировании законодательства о банкротстве.

С принятием нового Закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ было положено начало третьему этапу регламентации отношений, связанных с несостоятельностью с присущими ему чертами детализации нормативных положений о несостоятельности с параллельной концептуальной трансформацией правовой регламентации ряда институтов несостоятельности.

Новизна Закона заключена не только в формировании новых правовых институтов (процедура финансового оздоровления, саморегулируемые организации арбитражных управляющих и т.д.), но также в значительном количестве нововведений в его нормах, включая обогащение уже известных институтов. Так, стал максимальным обширен спектр лиц, в отношении которых возможно инициирование процедуры банкротства (физические (без статуса индивидуального предпринимателя – с 2015 г.) и юридические лица, за исключением казенных предприятий, учреждений, политических партий и религиозных организаций).

Конкурсные кредиторы и уполномоченные органы стали почти равны в своих полномочиях. К примеру, они равноправны в аспекте удовлетворения своих требований в третью очередь, равно как и в процедурах голосования по вопросу заключения мирового соглашения. В целом Закон 2002 г. внес в арбитражное производство по делам о банкротстве восстановительный оттенок, вместо ранее доминирующего ликвидационного.

Закон о банкротстве 2002 г. более обстоятельно подходит к регулированию вопроса созыва и проведения собрания кредиторов и комитета кредиторов, полномочий арбитражных управляющих, процессуального порядка рассмотрения дел о несостоятельности, что, вне всяких сомнений, благоприятно отражается на повышении правовой защищенности всех лиц, принимающих участие в деле о банкротстве.

На современном этапе актуализируется вопрос поиска оптимальных векторов дальнейшего совершенствования законодательной конструкции института банкротства и практики его применения. Так, особое значение имеют принятые в 2015 г. поправки к закону о банкротстве, положившие начало процедуре банкротства физических лиц без статуса индивидуального предпринимателя как давно необходимой мере.

С 1 сентября 2020 года также была предусмотрена новелла в виде внебуденного банкротства гражданина. А с мая 2024 года повышен общий размер задолженности должника – юридического лица, при неисполнении обязанности по уплате которой заинтересованное лицо имеет право на подачу заявления о банкротстве в суд.

Законодатель стремится оперативно реагировать на происходящие в обществе процессы, внося своевременные корректизы. Как видится, дальнейшее развитие законодательства о банкротстве должно

происходит по пути устранения объективных факторов, сдерживающих использование института банкротства как инструмента оздоровления экономики и эффективного рычага содействия социальной и финансовой реабилитации граждан, оказавших в сложной материальной ситуации.

Список литературы:

1. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. – 235 с.
2. Горбунов К. Д. Зарождение и становление законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Государственно-правовые исследования. – 2023. – №6. – С. 76-84.
3. Дмитриев М. Н. История судебных институтов. СПб., 1902. – 436 с.
4. Каменков В. С. История развития законодательства о банкротстве в России и Белоруссии // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 3. – С. 34-40.
5. Кавелин К.Д. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства. М., 2010. Т. 1. – 343 с.
6. Лабазанова М. А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Юридическая наука. – 2020. – №4. – С. 43-49.
7. Русская Правда // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство древней Руси. Отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1985. – 276 с.
8. Судебники XIV-XV веков / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 2011. – 267 с.

ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Корнеев Павел Сергеевич

аналитик

Международного центра компетенций «АйПи»,
Российская государственная
академия интеллектуальной собственности,
РФ, г. Москва

Аннотация. В данной статье автор рассматривает понятия, касающиеся процесса кодификации и самой «промышленной» собственности. Путь развития правового регулирования вопросов охраны промышленной собственности большую часть своей истории не являлся кодифицированным и в Российской Федерации такой кодифицированный акт появился только в 2008 году, а именно Четвертая часть ГК РФ. Автор делает вывод, что процесс кодификации является закономерным этапом развития нормативного регулирования промышленной собственности, а опыт кодификации, может быть экстраполирован на дружественные страны в рамках межгосударственных объединений.

Ключевые слова: промышленная собственность, патентное право, кодификация, кодекс, гражданское право, патентное право, средства индивидуализации.

Прежде всего стоит дать определение понятию «кодификация» в рамках которого будет выстроено последующее изложение материалов. Под кодификацией понимается «деятельность нормотворческих органов государственной власти, направленная на создание нового нормативно-правового акта, призванного регулировать определенные общественные отношения» [1]. Наибольшая эффективность кодификации определяется ее качественной составляющей при «подготовке обладающего системным характером нового комплексного (сводного) законодательного акта, предназначенного регулировать наиболее важные сферы общественных отношений на протяжении длительного времени» [2]. Также различают виды кодификации: «всеобщая, отраслевая и специальная (комплексная)» [2].

Когда мы говорим о промышленной собственности, то в целом, речь идет «о патентах на изобретения, промышленных образцах (художественно-эстетических решениях, связанных с внешним видом промышленного изделия), товарных знаках, знаках обслуживания, топологии

интегральных микросхем, фирменных наименованиях и коммерческих обозначениях, географических указаниях и защите от недобросовестной конкуренции» [3].

В целом, сама история кодифицированных норм, касающихся промышленной собственности в России, может быть охарактеризована относительно своей продолжительности как весьма молодая.

В советское время весьма продолжительно преобладал подход фрагментарного регулирования отношений в сфере изобретательства.

Декрет 1919 года[5] и Постановления 1924 года[6][7] ознаменовали своим появлением новый этап развития сферы патентования в Отечественной истории. Первые документы, провозгласившие монополию государства на результаты интеллектуальной деятельности авторов, послужили фундаментом для многолетней советской модели регулирования патентных отношений в стране. Отметим и то, что постепенно эти документы претерпевали изменения. С отходом от Новой экономической политики, в 30-х годах прекратили свое действие Постановление СНК СССР "Об изменениях в законодательстве Союза ССР в связи с изданием положения от 9 апреля 1931 г. об изобретениях и технических усовершенствованиях"[8], а Постановление о промышленных образцах было отменено без заменяющего акта. Постепенно, к 1970-х годов нормативная база регулирования патентных правоотношений была стабилизирована. В 1960-х к ней добавились средства индивидуализации [9][10], также постепенно трансформированные с течением времени и развитием экономических отношений в Закон РФ «О товарных знаках» [11]. Другой значимой вехой в истории кодификации, является разработка и принятие «Основ гражданского законодательства» [12], которое к 2008 году также трансформируется в гражданский кодекс, в известном нам содержании.

Как такое понятие «промышленная собственность» в российском законодательстве не закреплено, и по большому счету, находит свое отражение на доктринальном и практическом уровне. Так, практика кодификации дает возможность оптимизировать нормативную массу, устранив крупные коллизии в рамках одной или нескольких сфер нормативного регулирования, а также сгруппировать нормы права в рамках минимума нормативных актов. При этом, касаемо евразийского пространства, Российская Федерация, пожалуй, единственная страна, достигшая не только приемлемого уровня систематизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, но и приемлемого уровня кодификации норм, касающихся промышленной собственности. Также такой опыт может оказаться полезным для государств-членов ЕАПО, что поднимет качество нормативного регулирования вопросов интеллектуальной собственности и обеспечит

дальнейшее гармоничное развитие интеграционных процессов на территории постсоветского пространства.

В настоящее время отмечена сильная дифференциация правового регулирования вопросов промышленной собственности в странах, входящих в ЕАПО. Также, стоит отметить малодоступность открытых данных по функционированию системы интеллектуальной собственности Туркменистана, и, также большое разнообразие данных в ежегодных отчетах патентных ведомств государств-членов ЕАПО. Преодоление последнего фактора позволило бы тщательнее анализировать патентную ситуацию для более уверенных прогнозов.

Список литературы:

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Финансовый контроль, 2004 – 410 с. (Серия «Учебники для вузов»).
2. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2009.
3. Понимание промышленной собственности., © WIPO, 2016, ISBN: 978-92-805-2593-9 // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_895_2016.pdf (дата обращения: 03.12.2025)
4. Ильницкий Константин Олегович История подготовки и проведения кодификации законодательства России об интеллектуальной собственности // Гуманитарный вестник. 2014. №1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-podgotovki-i-provedeniya-kodifikatsii-zakonodatelstva-rossii-ob-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 03.12.2025).
5. Декрет СНК РСФСР от 30.06.1919 "Об изобретениях (Положение)" // "СУ РСФСР", 1919, № 34, ст. 341.
6. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 (ред. от 28.08.1929) "О введении в действие Постановления о патентах на изобретения" // СЗ СССР. 1924. № 9. Ст. 97.
7. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 "О промышленных образцах (рисунках и моделях)" // "СЗ СССР", 1924, N 9, ст. 98.
8. Постановление СНК СССР от 28.03.1932 N 458 "Об изменениях в законодательстве Союза ССР в связи с изданием положения от 9 апреля 1931 г. об изобретениях и технических усовершенствованиях" // "СЗ СССР", 1932, N 24, ст. 148.
9. Постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1962 г. № 442 «О товарных знаках» // "СП СССР", 1962, N 7, ст. 59.
10. Положение о товарных знаках (утв. Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий от 8 января 1974 г.) // "Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР", N 1, 1988.

11. Закон РФ от 23.09.1992 N 3520-1 (ред. от 11.12.2002, с изм. от 24.12.2002) "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров" // "Российская газета", № 228, 17.10.1992.
12. "Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик" (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) (с изм. от 03.03.1993) // "Ведомости СНД и ВС СССР", 26.06.1991, N 26, ст. 733.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Крылов Андрей Владимирович

магистрант,

Частное учреждение высшего образования

Институт государственного администрирования,

РФ, г. Москва

LEGAL REGULATION OF THE CONTRACTUAL REGIME OF SPOUSES' PROPERTY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Krylov Andrey Vladimirovich

Master's student

of Private educational institution of higher

education Institute of Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье исследуется правовая природа договорного режима имущества супружеских пар, раскрываются особенности его нормативного регулирования в Российской Федерации и зарубежных странах. Проведённый анализ позволяет определить основные тенденции развития договорного регулирования имущественных отношений супружеских пар и обозначить перспективы его развития.

Abstract. The article examines the legal nature of the contractual regime of marital property and reveals the features of its regulatory regulation in the Russian Federation and foreign countries. The analysis allows us to

identify the main trends in the development of contractual regulation of marital property relations and to outline the prospects for its development.

Ключевые слова: договорный режим имущества супружеских; брачный договор; семейное право; имущественные отношения супружеских; правовое регулирование; сравнительно-правовой анализ; зарубежный опыт.

Keywords: contractual regime of spouses' property; prenuptial agreement; family law; property relations between spouses; legal regulation; comparative legal analysis; foreign experience.

Правовое регулирование имущественных отношений супружеских представляет собой значимую область семейного права, отражающую баланс публичных и частноправовых начал. В условиях укрепления диспозитивности семейного законодательства и развития частной автономии граждан особую значимость приобретает договорный режим имущества супружеских как правовой механизм, позволяющий индивидуализировать имущественные отношения, отступая от законных конструкций. Как отмечается в современной литературе, договорный режим является «относительно новым институтом» российского семейного права, согласующимся с тенденциями восстановления частноправовых способов регулирования имущественных отношений и обеспечивающим более широкий выбор правовых моделей поведения для супружеских [6, с. 137–138].

Актуальность исследования подтверждается динамикой практики заключения брачных договоров: по данным Федеральной нотариальной палаты, только в 2022 году было удостоверено более 117 тыс. таких соглашений, что на 12 % выше показателя 2020 года, а в крупных городах наблюдается ежегодный прирост от 10 до 15 % [8].

Договорный режим имущества супружеских представляет собой правовой режим, основанный на соглашении супружеских и отличающийся от закрепленного законом порядка регулирования имущественных отношений. По определению, предложенному в учебной литературе, договорный режим – это «отличный от законного режим, устанавливаемый в отношении имущества, нажитого супружескими во время брака, личного имущества каждого супружеского и имущества, которое будет приобретено супружескими в будущем, а также определяющий обязательства по взаимному содержанию» [7, с. 173].

Содержание договорного режима реализуется через категорию брачного договора, предусмотренного ст. 40 Семейного кодекса РФ [3]. Брачный договор выступает основной формой индивидуализации имущественных отношений супружеских, определяет права и обязанности на будущее

время и может изменять установленный законом режим общей совместной собственности (ст. 33 СК РФ). Научная дискуссия о его правовой природе остаётся актуальной: одна группа исследователей трактует его как разновидность гражданско-правового договора (Антокольская М.В., Брагинский М.И., Витрянский В.В.), другая – как семейно-правовое соглашение, обладающее элементами гражданско-правовой конструкции (Низамиева О.Н., Максимович Л.Б., Пчелинцева Л.М.) [6, с. 139–140].

Особенностью договорного режима является его личностный характер, обусловленный свободным волеизъявлением супругов и его неразрывной связью с существованием брака: брачный договор не может быть заключен без брака и вступает в силу лишь с момента государственной регистрации его заключения [6, с. 141].

Более того, требования к форме (обязательное нотариальное удостоверение) усиливают публичное начало и превентивную функцию контроля за защитой баланса интересов сторон (п. 2 ст. 41 СК РФ [3]).

Сравнительно-правовой анализ показывает, что термин «договорный режим имущества супружеского» интерпретируется по-разному. Так, Бакаева М.К. выделяет узкое и широкое понимание категории: узкое – как режим, установленный исключительно брачным договором; широкое – как совокупность всех договоров между супружескими, устанавливающими иной режим имущества, чем законный [4, с. 74–75]. Автор указывает на необходимость нормативного закрепления права супружеских заключать любые допустимые законом имущественные сделки, как это предусмотрено в ряде зарубежных стран.

Правовое регулирование договорного режима имущества супружеского в России основывается на конституционном принципе охраны семьи, материнства и детства (ст. 38 Конституции РФ) и сочетает публично-правовые гарантии и частноправовые инструменты [1]. Нормативную основу составляет Семейный кодекс Российской Федерации, в частности главы 7 и 8, определяющие законный и договорный режим имущества супружеского, в совокупности с положениями гражданского законодательства о сделках, форме договоров и ответственности (ст. 153–181 ГК РФ [2]).

Ст. 33 СК РФ закрепляет законный режим имущества супружеского как режим общей совместной собственности на имущество, нажитое в браке. Вместе с тем законодатель прямо допускает отступление от него в пользу договорного механизма, предусматривая, что иное может быть установлено брачным договором. Как подчёркивает Е.А. Чефранова, введение договорного режима «заменило императивную модель более гибкой диспозитивной конструкцией», соответствующей возрождению частноправовых способов регулирования имущественных отношений [6, с. 137–138].

Брачный договор определяется в ст. 40 СК РФ как соглашение супругов, устанавливающее их имущественные права и обязанности в браке или при его расторжении, и является консенсуальным, срочным либо бессрочным договором, основанным на личном волеизъявлении сторон.

Закон предъявляет повышенные требования к форме, процедуре и участию сторон. В частности:

- договор заключается только лично супругами или лицами, вступающими в брак; участие представителей недопустимо;
- письменная форма обязательна и подлежит нотариальному удостоверению;
- нарушение нотариальной формы влечёт ничтожность договора (п. 2 ст. 41 СК РФ, ст. 163 ГК РФ).

Содержание договора определяется сторонами и включает установление режима совместной, долевой или раздельной собственности, порядок участия в доходах, правила ведения семейных расходов, распределение имущества при разводе и механизмы взаимного материального содержания (ст. 42 СК РФ). Закон предоставляет супругам право включать дополнительные положения, относящиеся к имущественным отношениям.

Исследование иностранного опыта позволяет выявить разнообразие правовых подходов к договорному регулированию супружеского имущества. Как подчёркивают зарубежные исследователи, в развитых правопорядках сформировались три основные модели: режим общей собственности (community property), режим раздельности имущества (separation regime) и смешанный или отсроченной общности (deferred community) [5, с. 114–115]. Эти модели реализуются через брачные контракты, позволяющие супругам изменить установленный законом режим собственности и индивидуализировать имущественные условия брака.

В странах романо-германского права (Германия, Франция, Италия) договорное регулирование воспринимается как естественный элемент семейно-правовой системы. Наиболее распространённым является режим участия в приобретении, при котором совместно нажитое имущество компенсируется супругам пропорционально приросту капитала. В таких юрисдикциях предусмотрены различные варианты собственности – от полной раздельности до универсальной общности. Как подчёркивает Л.В. Кудрявцева, высокая популярность брачных договоров в Европе обусловлена их длительным существованием и функцией защиты имущественных прав, прежде всего женщин [5, с. 204–205].

Англо-американская модель отличается максимальной гибкостью. Брачные договоры могут включать не только имущественные, но и отдельные личные условия, а суды активно вмешиваются, оценивая справедливость и добросовестность содержания. В США перечень регулируемых вопросов охватывает распределение имущества при смерти, порядок содержания и последствия супружеского поведения [5, с. 204].

В странах СНГ брачный договор по конструкции близок российскому – он регулирует только имущественные отношения и допускается при наличии зарегистрированного брака. При этом законодательство некоторых государств позволяет супругам заключать дополнительные имущественные соглашения, устанавливающие альтернативные режимы для отдельных объектов, что, по мнению М.К. Бакаевой, требует нормативного закрепления и в России [4, с. 74–77].

Сравнительный анализ показывает, что за рубежом договорный режим применяется шире – его действие распространяется на будущие активы, наследственные права, инвестиционные доходы. Российская же модель ограничена предметом, жёсткой нотариальной формой и запретом регулирования личных отношений. Как отмечается в зарубежных исследованиях, именно принцип диспозитивности позволяет супругам формировать наиболее подходящие конструкции собственности, обеспечивая баланс интересов [9, с. 114], что делает иностранный опыт значимым ориентиром для модернизации отечественного семейного законодательства.

Российская модель существенно более ограничена. По сравнению с зарубежной практикой она:

- исключает регулирование личных отношений;
- не допускает введение дополнительных гражданско-правовых механизмов контроля;
- требует жёсткого нотариального формата и усиленных гарантий защиты слабой стороны.

Как отмечают зарубежные исследователи, применение принципа диспозитивности является одной из ключевых тенденций семейного права, позволяющей супругам выбирать подходящие правовые конструкции собственности, обеспечивая баланс интересов [9, с. 114]. В этом контексте зарубежный опыт может способствовать совершенствованию российских моделей, расширяя договорную свободу при сохранении принципов защиты социально уязвимых участников.

Таким образом, договорный режим имущества супругов представляет собой основной механизм индивидуализации имущественных отношений в браке и свидетельствует о развитии диспозитивности семейного права. В России этот институт развивается, что подтверждается

ростом числа заключаемых брачных договоров и судебных дел, связанных с их толкованием. Однако отечественная модель остаётся более консервативной по сравнению с зарубежными системами, ограничивая сферу договорного регулирования и подчёркивая приоритет защиты слабой стороны.

Сравнительный анализ свидетельствует о целесообразности заимствования отдельных элементов иностранного регулирования – например, возможности устанавливать особый режим для отдельных объектов имущества, применения расширенных договорных конструкций и усиления превентивного нотариального контроля. Эти направления могут способствовать совершенствованию российского законодательства и повышению эффективности использования брачного договора как механизма стабильности имущественных отношений супругов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ от 05.12.1994, N 32, ст. 3301
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ от 01.01.1996, N 1, ст. 16
4. Бакаева М. К. Договорный режим имущества супружеского по законодательству Российской Федерации и стран ближнего зарубежья // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – № 1. – С. 74–77.
5. Кудрявцева Л.В., Фисенко Р.Ю. Правовая природа брачного договора в российском и международном законодательстве // Научный журнал «Эпомен», № 49, 2020 – С. 202–206.
6. Семейное право : учебник для вузов / под редакцией Е. А. Чефрановой. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 354 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16422-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – с. 137-150 URL: <https://urait.ru/bcode/559697> (дата обращения: 02.12.2025).
7. Семейное право: учебник и практикум для вузов / под редакцией Л. М. Пчелинцевой ; под общей редакцией Л. В. Цитович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 291 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19037-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559696> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Федеральная нотариальная палата. Брачный договор // Сборник аналитических материалов ФНП. – Москва, 2023. – URL: https://notariat.ru/media/filer_public/51/2b/512bcee9-aade-45a3-ac0a-0eb5c21f3ed0/dataenot_fnclold_mediaddatalabel-file2802.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
9. Яхъева А.М. Зарубежный опыт регулирования имущественных правоотношений супружов // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 113–118.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Кузнецов Виктор Александрович

*аспирант
кафедры Частноправовые (цивилистические) науки
Университет Синергия,
РФ, г. Москва*

Левушкин Анатолий Николаевич

*научный руководитель,
д-р юрид. наук, проф.,
Университет Синергия,
РФ, г. Москва*

PROCEDURAL PROBLEMS OF LIMITATION PERIOD IN RUSSIAN LEGISLATION

Kuznetsov Viktor Alexandrovich

*Graduate student
departments of private law (civil law) sciences
Synergy University,
Russia, Moscow*

Levushkin Anatoly Nikolaevich

*Scientific supervisor,
Doctor of Law sciences, prof.,
Synergy University,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процессуальных проблем применения института исковой давности в российском гражданском судопроизводстве с учётом его двойственной материально-правовой и процессуально-правовой природы. Особое внимание уделяется выявлению противоречий между формально закреплённой диспозитивной моделью применения исковой давности и задачами процессуальной экономии, правовой определённости и эффективности судебной защиты. Исследуются особенности процессуального порядка заявления о пропуске срока исковой давности, пределы инициативы суда при её применении, а также проблемы, связанные с восстановлением пропущенных сроков. В статье анализируются сложности доказывания момента начала течения срока исковой давности в условиях сложных обязательственных и корпоративных правоотношений, а также специфика применения объективного десятилетнего срока. Обосновывается вывод о том, что действующая модель применения исковой давности не в полной мере соответствует современным требованиям эффективности правосудия и нуждается в концептуальной корректировке. Формулируются научные положения о необходимости уточнения proceduralного статуса исковой давности и расширения её функционального значения как инструмента не только частноправового, но и публично значимого процессуального регулирования.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the procedural problems of applying the statute of limitations in Russian civil proceedings, taking into account its dual substantive and procedural nature. Particular attention is paid to identifying contradictions between the formally established dispositive model of the statute of limitations and the tasks of procedural economy, legal certainty and effectiveness of judicial protection. The article examines the features of the procedural procedure for applying for a missed limitation period, the limits of the court's initiative in its application, as well as the problems associated with the restoration of missed deadlines. The paper analyzes the difficulties of proving the moment of the beginning of the limitation period in the context of complex contractual and corporate legal relations, as well as the specifics of the application of an objective ten-year period. The author substantiates the conclusion that the current model of applying the statute of limitations does not fully meet modern requirements for the effectiveness of justice and needs to be conceptually adjusted. Scientific provisions are formulated on the need to clarify the procedural status of the statute of limitations and expand its functional significance as a tool not only for private law, but also for publicly significant procedural regulation.

Ключевые слова: исковая давность, гражданский процесс, процессуальная экономия, судебная защита, заявление стороны, правовая определенность.

Keywords: limitation period, civil procedure, procedural economy, judicial protection, party statement, legal certainty.

Институт исковой давности традиционно рассматривается в цивилистической доктрине как материально-правовая категория, определяющая временные пределы судебной защиты нарушенного субъективного права [8]. Вместе с тем его фактическая реализация осуществляется исключительно в рамках процессуальной формы, что придаёт исковой давности самостоятельное процессуально-правовое значение [5]. В условиях цифровизации гражданского оборота и усложнения обязательственных конструкций возрастает роль процессуальных механизмов применения давности.

Актуальность исследования обусловлена ростом числа гражданско-правовых споров, характеризующихся сложным фактическим составом, пролонгированным характером обязательств и неопределенностью момента начала течения срока исковой давности [3]. Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых процессуальных проблем применения исковой давности и обосновании направлений их разрешения.

В гражданском процессе исковая давность функционирует как своеобразный процессуальный фильтр, ограничивающий возможность судебного рассмотрения требований, утративших актуальность по истечении установленного законом времени [8]. При этом ее применение поставлено в зависимость от волеизъявления стороны, поскольку суд лишён права учитывать истечение срока по собственной инициативе.

Данная модель направлена на сохранение диспозитивности и автономии воли участников процесса, однако она вступает в противоречие с задачами процессуальной экономии. Суд вынужден рассматривать заведомо просроченные требования по существу при отсутствии заявления ответчика, что увеличивает нагрузку на судебную систему и снижает эффективность правосудия [3].

Отдельную проблему образует двойственная природа исковой давности, при которой материально-правовой пропуск срока влечёт процессуальные последствия в виде отказа в иске. Это формирует ситуацию, при которой материальное право сохраняется, но лишается возможности принудительной реализации, что отражает специфику охранительного обязательства [5].

Процессуальная экономия выступает одним из ключевых принципов современного гражданского судопроизводства, ориентированного

на минимизацию издержек судебной защиты при сохранении справедливости и доступности правосудия [10]. Исковая давность в данном контексте призвана исключать из судебного оборота споры, утратившие доказательственную и социальную значимость.

Однако действующая редакция ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет сугубо диспозитивную модель применения давности, что снижает её значение как инструмента процессуальной экономии [1]. В научной доктрине обоснованно указывается на необходимость расширения инициативных полномочий суда в случаях очевидного пропуска срока при наличии бесспорных доказательств просрочки [7].

Дисбаланс между частными интересами сторон и публичными задачами судопроизводства свидетельствует о неполной процессуальной реализации потенциала института исковой давности в современных условиях. Существенные трудности вызывает процессуальный порядок заявления о пропуске срока исковой давности. Заявление должно быть сделано исключительно в суде первой инстанции до вынесения решения, что придаёт ему решающее значение для исхода спора [41]. Ошибки в формулировании возражений либо пропуск соответствующего момента лишают ответчика возможности воспользоваться данным процессуальным инструментом.

Сложности также связаны с применением объективного десятилетнего срока, введённого в гражданское законодательство в 2013 году. Несмотря на его формально-императивный характер, судебная практика нередко допускает смешение субъективных и объективных сроков, что подрывает принцип правовой определённости [6]. Проблемным остается и институт восстановления пропущенного срока исковой давности. Законодатель связывает такую возможность с уважительными причинами, относящимися к личности истца, однако не формирует чётких критериев их оценки. Это приводит к неоднородности судебной практики и расширению пределов судебного усмотрения [2].

Процессуальные проблемы применения исковой давности в российском законодательстве носят системный характер и обусловлены её двойственной материально-процессуальной природой. Действующая модель, ориентированная исключительно на инициативу сторон, не в полной мере соответствует принципам процессуальной экономии, правовой определённости и эффективности судебной защиты.

Проведённый анализ процессуальных проблем применения исковой давности в российском законодательстве позволяет сделать вывод о том, что действующая модель её реализации не в полной мере отвечает задачам процессуальной экономии, правовой определённости и эффективности судебной защиты. Двойственная материально-

процессуальная природа исковой давности в настоящее время реализуется преимущественно через диспозитивную конструкцию, которая смещает акцент на волеизъявление сторон и при этом существенно ограничивает возможности суда по предотвращению рассмотрения заранее просроченных требований.

В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым внесение конкретных изменений в действующее законодательство. Во-первых, целесообразно внести изменения в п. 2 ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации, дополнив его положением, предусматривающим право суда применять исковую давность по собственной инициативе в случаях, когда пропуск срока является очевидным и подтверждается письменными доказательствами, при условии соблюдения принципа состязательности и предварительного извещения сторон. Такое изменение позволит существенно повысить уровень процессуальной экономии и предотвратить злоупотребления правом на судебную защиту. Требует законодательного уточнения правовой режим объективного десятилетнего срока исковой давности, установленного ст. 196 ГК РФ. Представляется обоснованным дополнить данную норму прямым указанием на её приоритет перед субъективным сроком, а также установить процессуальную обязанность суда проверять соблюдение данного срока независимо от заявления сторон. Это позволит устраниТЬ выявленную в судебной практике подмену объективного срока субъективным и повысит уровень правовой определённости.

Необходима детализация критериев восстановления пропущенного срока исковой давности в ст. 205 Гражданского кодекса Российской Федерации. В целях ограничения чрезмерного судебного усмотрения следует нормативно закрепить ориентировочный переченьуважительных причин, включая тяжёлое заболевание, беспомощное состояние, длительное отсутствие возможности обращения в суд по объективным причинам, а также чрезвычайные обстоятельства. Такое уточнение позволит обеспечить большую стабильность правоприменения и снизить риск произвольных судебных решений. Также представляется целесообразным закрепить в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации специальную процессуальную норму, устанавливающую порядок проверки судом соблюдения сроков исковой давности на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Это позволит разрешать вопрос о давности до исследования всех доказательств по существу спора и существенно сократит процессуальные издержки сторон и суда. Требует законодательного осмыслиения вопрос о введении сокращённых процессуальных сроков рассмотрения дел, в которых предметом спора является исключительно вопрос применения исковой

давности, что обеспечит оперативное разрешение споров, утративших материально-правовую актуальность.

Реализация предложенных изменений позволит привести механизм процессуального применения исковой давности в большее соответствие с принципами правовой определённости, соразмерности и процессуальной экономии, а также усилит регулятивный потенциал данного института в системе гражданского судопроизводства. В научном отношении данные предложения формируют основу для дальнейшего развития теории исковой давности как комплексного материально-процессуального института частного права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Данилова Е. С. Восстановление срока исковой давности: проблемы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 6. – С. 19–27.
3. Ершова И. В. Цифровые права и гражданский оборот. – М. : Проспект, 2022. – 304 с.
4. Клейн Н. И. Исковая давность и правовая определённость // Закон. – 2022. – № 9. – С. 58–66.
5. Кузнецова Н. С. Исковая давность в системе гражданско-правовой защиты. – М. : Юстицинформ, 2021. – 264 с.
6. Маковский А. Л. Объективный срок исковой давности в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2021. – № 3. – С. 34–46.
7. Решетникова И. В. Принципы гражданского процессуального права. – М. : Норма, 2020. – 288 с.
8. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. – М. : Статут, 2022. – 720 с.
9. Треушников М. К. Судебные доказательства в гражданском процессе. – М. : Городец, 2020. – 320 с.
10. Ярков В. В. Гражданский процесс : учебник. – М. : Статут, 2021. – 640 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

*Малкова Екатерина Вячеславовна
магистрант,
Частное учреждение высшего
образования Институт государственного
администрирования,
РФ, г. Москва*

PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PROTECTION OF INTANGIBLE BENEFITS IN RUSSIAN CIVIL LAW

*Malkova Ekaterina Vyacheslavovna
Master's student
of Private educational institution
of higher education Institute
of Public Administration,
Russia, Moscow*

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов определения нематериальных благ как объектов гражданских прав и выявлению проблем их правовой охраны. Рассматриваются несовершенство законодательного регулирования, противоречия судебной практики и недостаточность существующих механизмов защиты, предлагаются направления совершенствования правового регулирования, направленные на повышение эффективности защиты личных нематериальных прав.

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical aspects of defining intangible benefits as objects of civil rights and identifies problems with their legal protection. It examines the imperfections of legislative regulation, contradictions in judicial practice, and the insufficiency of existing protection mechanisms, and proposes ways to improve legal regulation in order to enhance the effectiveness of protecting personal intangible rights.

Ключевые слова: нематериальные блага, личные неимущественные права, гражданское право, квалификация нематериальных благ, защита нематериальных прав, деловая репутация, честь и достоинство.

Keywords: intangible benefits, personal non-property rights, civil law, qualification of intangible benefits, protection of intangible rights, business reputation, honor and dignity.

В научной литературе нематериальные блага характеризуются как ценности нематериальной природы, лишённые экономического содержания и неотделимые от личности носителя [3], что отражено в п. 1 ст. 150 Гражданского Кодекса РФ (ГК РФ) [1]. Однако, как справедливо отмечает В. А. Белов, современное представление о нематериальных благах является следствием упрощения советской теории личных неимущественных прав, где предметом защиты выступали не сами блага, а субъективные права, возникающие по поводу них [2, с. 381].

М. Н. Малеина подчёркивает, что личные неимущественные права и нематериальные блага необходимо различать, поскольку первые представляют собой содержание правоотношений, а вторые – их объект [4]. Такое разграничение приобретает особое значение, поскольку перечень ст. 150 ГК РФ объединяет в себе как субъективные права (право на имя, право на тайну частной жизни), так и собственно блага (жизнь, здоровье, честь), что приводит к концептуальной неопределённости.

Одной из основных доктринальных трудностей является некорректное законодательное определение нематериальных благ. Статья 150 ГК РФ [1] содержит перечень ценностей, однако не раскрывает их правовую природу; тем самым законодатель смешиивает объекты прав и само субъективное право, что многоократно критикуется в теории [6, с. 33]. Так, А. О. Иншакова подчёркивала, что отнесение прав и благ в одну категорию лишает их точного юридического содержания и затрудняет построение механизма защиты [6].

Научная дискуссия выявляет две модели понимания. Согласно первой, нематериальные блага – это ценности, являющиеся объектом личных неимущественных прав; последние выражают содержание правоотношения и не могут с ними отождествляться. Вторая модель, отражённая в действующей редакции ГК РФ, расширяет понятие нематериальных благ, включая в него и сами права, что теоретически неправомерно и ведёт к подмене понятий.

В. А. Белов также подчёркивает проблему редукционизма: современная доктрина сводит нематериальные блага исключительно к сфере личных прав, игнорируя интеллектуальные результаты, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги. Такой подход, по справедливому замечанию автора, является следствием «вульгаризации научных достижений советской цивилистики» и приводит к разрушению целостной концепции объектов гражданского права [2, с. 382].

Кроме того, отсутствие ясного критерия разграничения нематериального и неимущественного усугубляет методологическую неопределенность. Если характеристика «неимущественный» раскрывает социально-экономический параметр (невозможность компенсации в денежной форме), то «нематериальный» обозначает идеальную природу объекта.

Таким образом, проблемы квалификации нематериальных благ проявляются в:

1. законодательном смешении объектов и прав;
2. отсутствии единых критериев классификации;
3. разрыве между доктриной и позитивным правом;
4. игнорировании нематериальных объектов, имеющих имущественную ценность.

Эти методологические дефекты закономерно отражаются на механизмах защиты.

Гражданское законодательство закрепляет как общие, так и специальные способы защиты нематериальных благ. По справедливому замечанию Е. М. Михайленко, охрана и защита – различные правовые режимы: охрана применяется превентивно, тогда как защита реализуется уже после нарушения [5, с. 188]. Такое разграничение важно для понимания того, что компенсация морального вреда – лишь один из способов защиты, а не универсальный инструмент восстановления нарушенного блага.

Среди общих способов ГК РФ выделяет: признание права, пресечение нарушающих действий, восстановление положения, компенсацию убытков и морального вреда (ст. 12, 151 ГК РФ) [1]. При определении размера компенсации суду предоставлена широкая дискреция. Однако отсутствие объективных критериев оценки морального вреда приводит к неодинаковым судебным подходам, что неоднократно отмечалось в историографии и судебной практике.

Специальные способы защиты закреплены для отдельных благ – права на имя, интеллектуальной собственности, защиты чести и достоинства (ст. 19, 152, часть IV ГК РФ). Однако эффективное применение этих способов сталкивается с рядом проблем:

1. конкуренция требований – истец вынужден выбирать между иском о защите репутации, компенсации морального вреда, опровержении при отсутствии чёткого разграничения критериев применения;
2. несогласованность процессуальных механизмов – необходимость раскрытия сведений, составляющих личную тайну, для защиты блага парадоксально может усиливать вред;

3. цифровизация породила необходимость применения мер, связанных с удалением данных, блокировкой контента и контролем распространения информации, которые законодательство до сих пор не систематизировало.

Анализ правоприменения свидетельствует, что судебная практика стала самостоятельным фактором формирования содержания нематериальных благ. Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что конкретизация способов защиты должна исходить из характера нарушенного блага и последствий вмешательства [7], однако неоднородность судебных подходов сохраняется.

Во-первых, суды по-разному квалифицируют требования о защите чести, достоинства и деловой репутации. В некоторых случаях действия по распространению ложных сведений квалифицируются как нарушение нематериального блага, но не признаются основанием для компенсации морального вреда из-за недостаточно доказанного страдания носителя права. Такая практика противоречит смыслу ст. 151 ГК РФ, предполагающей компенсацию нравственных переживаний как юридический факт.

Во-вторых, наблюдается тенденция расширения предмета судебной защиты. В частности, защита изображения лица, голоса, персональных данных и иных аспектов идентичности стала объектом многочисленных исков.

В-третьих, цифровая среда радикально изменила масштаб и способы нарушения нематериальных прав. Возможность мгновенного распространения информации приводит к фактической необратимости ущерба, что выражается в многократном росте количества исков о защите репутации, удалении сведений, блокировке информации.

Наконец, остаётся нерешённым вопрос эффективности исполнения судебных решений, связанных с удалением информации из сети. Дефицит законодательно закреплённых процедур взаимодействия судов, провайдеров и интернет-платформ приводит к затягиванию исполнения судебных актов и снижению превентивного эффекта защиты. Таким образом, судебная практика, выступая источником конкретизации содержания нематериальных благ, одновременно выявляет институциональную незавершённость их правового регулирования.

Выявленные проблемы системно обусловлены несовершенством законодательной конструкции и ограниченностью материально-правовых механизмов. В этой связи представляется необходимым разработать комплекс нормативных и доктринальных решений:

1) Законодательное закрепление понятия нематериальных благ

Научная литература давно указывает на необходимость разграничения личных неимущественных прав и нематериальных благ [5, с. 186].

Необходимо устраниТЬ внутреннее противоречие ст. 150 ГК РФ, определить критерии материальности/нематериальности и включить в перечень нематериальных объектов результаты интеллектуальной деятельности, квазивещные нематериальные блага и социальные условия индивидуализации как самостоятельные категории;

2) Установление единых критериев оценки морального вреда

Отсутствие нормативных ориентиров делает судебную практику непредсказуемой. Нужна система факторов (психологический вред, медиарезонанс, длительность нарушения и др.), позволяющих судам формировать единообразные подходы, что соответствует позиции Верховного Суда РФ, указывающего на необходимость предсказуемости применения санкций;

3) Закрепление превентивных способов защиты

В цифровой среде устранение последствий нарушения зачастую невозможно, поэтому защита должна быть предупреждающей: механизмы блокировок, приостановления публикаций, уведомительных процедур должны войти в законодательное регулирование. Такой подход согласуется с пониманием режима охраны, выделенным в доктрине;

4) Институционализация защиты нематериальных благ в сети Интернет

Требуется нормативный механизм исполнения решений о блокировании, удалении сведений и пресечении распространения информации – с участием провайдеров, хостинг-платформ, медиа-агрегаторов. Отсутствие таких процедур снижает эффективность защиты и нивелирует смысл судебного вмешательства;

5) Реформирование классификации нематериальных благ

Современная доктрина, в частности Белов, предлагает учитывать существование нематериальных объектов имущественной природы (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги) [2, с. 447]. Пересмотр классификации позволит устраниТЬ теоретическое противоречие и выстроить сбалансированную систему гражданско-правовых объектов.

Таким образом, современная российская цивилистика сталкивается с двойным кризисом понимания нематериальных благ – концептуальным (неопределенность природы и состава) и ограниченной эффективностью защиты. Законодательное объединение различных категорий в ст. 150 ГК РФ привело к методологической размытости, которая, как подчёркивает Е. М. Михайленко, затрудняет формирование системной модели охраны. Как отмечает В. А. Белов, современная трактовка нематериальных благ несёт следы упрощения советского теоретического наследия и требует доктринальной ревизии.

Рост числа судебных споров подтверждает высокую социальную конфликтность и актуальность проблемы. Решение видится в нормативной конкретизации понятия нематериальных благ, стандартизации критериев защиты, развитии превентивных механизмов, а также адаптации системы к цифровой среде. Такой подход позволит повысить уровень правовой определённости, обеспечить предсказуемость правоприменения и сформировать целостную систему охраны нематериальных ценностей как объектов гражданского права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // С3 РФ от 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. Белов В. А. Гражданское право в 4 т. Том II. Общая часть в 2 кн. Книга 1. Лица, блага : учебник для вузов / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 453 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08393-4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 378-388 – URL: <https://urait.ru/bcode/561616> (дата обращения: 02.12.2025).
3. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6е изд. М., 2002. Т. 1. С. 378.
4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ «Пресс», 2000. С. 14.
5. Михайленко, Е. М. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов / Е. М. Михайленко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 306 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21086-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 184-191 – URL: <https://urait.ru/bcode/581628> (дата обращения: 02.12.2025).
6. Нематериальные блага в системе объектов гражданских прав : учебник для вузов / ответственные редакторы А. О. Иншакова, А. Я. Рыженков. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 67 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21111-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559359> (дата обращения: 02.12.2025).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 3, март, 2024

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ

Селютина Аида Исаиловна

магистрант,

Частное учреждение высшего образования

Институт государственного

администрирования,

РФ, г. Москва

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN APPROACHES

Selyutina Aida Ismailovna

Master's student

of Private educational institution

of higher education

Institute of Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. Представленная статья посвящена выявлению теоретико-правовых особенностей компенсации морального вреда в российском частном праве в сопоставлении с зарубежными моделями. Исследуются нормативные источники, доктринальные подходы и практика правоприменения в России, Германии, Франции, странах англо-саксонской традиции. Обосновывается, что отсутствие единых критериев оценки нематериальных страданий в российской системе усиливает вариативность судебных решений.

Abstract. This article aims to identify the theoretical and legal features of compensation for non-pecuniary damage in Russian private law in comparison with foreign models. It explores the regulatory sources, doctrinal approaches, and legal practice in Russia, Germany, France, and countries with an Anglo-Saxon legal tradition. The article argues that the lack of unified criteria for assessing non-pecuniary suffering in the Russian system increases the variability of court decisions.

Ключевые слова: моральный вред; компенсация; нематериальные блага; судебная практика; сравнительное правоведение.

Keywords: moral damage; compensation; intangible benefits; judicial practice; comparative law.

Современное развитие частного права характеризуется усилением роли механизмов защиты нематериальных благ человека, в том числе посредством института компенсации морального вреда. Моральные страдания, вызванные нарушением личных неимущественных прав – достоинства личности, здоровья, тайны частной жизни, чести и репутации – в российском праве подлежат возмещению в силу ст. 151, 1099–1101 Гражданского Кодекса РФ [4, 5]. При этом институциональное оформление данной категории в отечественном правопорядке является сравнительно молодым: первые концептуальные нормы о возмещении морального вреда появились лишь в 1990-е годы.

В научной литературе моральный вред традиционно трактуется как оценочная категория, связанная с нарушением нематериальных благ личности, которые формируют духовное и психическое измерение человеческого существования [8, с. 106]. Российское гражданское право закрепляет его как физические или нравственные страдания, возникшие вследствие нарушения личных прав и благ, включая жизнь, здоровье, честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 151 ГК РФ) [4].

А. П. Анисимов подчеркивает, что моральный вред представляет собой не материальные потери, а «душевные переживания», связанные с утратой социальных связей, ограничением активной жизни, потерей работы или распространением порочащих сведений [1, с. 185–186].

В. А. Белов выводит происхождение института морального вреда из римского права, где существовал специальный иск *actio injuriarum a estimatoria* – средство взыскания компенсации за личное оскорбление, при котором потерпевший сам определял цену обиды, а суд её корректировал [2, с. 434–435].

Современное законодательство РФ устанавливает систему условий возникновения права на компенсацию морального вреда: противоправность поведения нарушителя, наличие страданий, причинно-следственная связь и вина причинителя вреда, за исключением случаев объективной ответственности, предусмотренных ст. 1100 ГК РФ [5].

При этом компенсация всегда осуществляется в денежной форме, а размер определяется судом исходя из принципов разумности и справедливости [7, с. 31].

В судебной практике Верховного Суда РФ неоднократно отмечалось, что моральный вред подлежит возмещению независимо от формы и степени страданий потерпевшего, а доказательствами могут

выступать как объективные данные, так и объяснения лица, пережившего страдания.

В англо-саксонском праве моральный вред не выделяется как самостоятельная категория; здесь применяется термин «психический вред», под которым понимается нервное потрясение, диагностируемое расстройство либо другой с медицинской точки зрения подтвержденный ущерб психике [9, с. 52]. Для признания такого вреда требуется медицинская диагностика – обычные эмоции печали и страха не признаются юридически значимыми.

Германское гражданское уложение использует понятие компенсации за «страдания» (Schmerzensgeld) и допускает возмещение как физического, так и психического дискомфорта, приравнивая психологический вред к физическому в сфере гражданской ответственности.

Французское право рассматривает вред как единую категорию, не разделяя его на материальный и нематериальный, однако в судебной практике выделяет моральный ущерб при умалении нематериальных благ, например чести, репутации, семейных отношений [9, с. 53].

Таким образом, несмотря на различие терминологии, зарубежные системы также исходят из нематериальной природы морального страдания и его денежной компенсации, но в отличие от России более жестко ограничивают круг случаев признания ущерба и устанавливают критерии доказуемости вреда.

Российское гражданское право закрепляет компенсацию морального вреда как самостоятельный способ защиты личности (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ), причем выплата производится исключительно в денежной форме, а её размер определяется судом «с учетом обстоятельств дела, индивидуальных особенностей потерпевшего, степени вины причинителя вреда и требований разумности и справедливости» [3].

Анисимов А.П. указывает, что определяющую роль здесь играет компенсационная функция, направленная на восстановление внутреннего состояния потерпевшего, но не его имущественных потерь [1, с. 186]. Однако, как отмечает Белов В.А., объективная оценка нематериального страдания противоречит принципу эквивалентности гражданского права, что делает механизм его применения одним из наиболее сложных и неопределенных [2, с. 435].

Судебная практика подтверждает значительную вариативность присуждаемых сумм: по делам схожего характера компенсация может отличаться кратно, что обусловлено отсутствием количественных критериев, минимальных размеров или рекомендательных тарифов. В литературе указывается, что «суд по своему внутреннему убеждению

определяет сумму возмещения при отсутствии какой-либо тарифной системы», что ведет к субъективизму решений [6, с. 177].

В зарубежных правопорядках подходы более институционализированы.

Германия применяет институт Schmerzensgeld – компенсации страданий, исходя из критерия тяжести вреда, продолжительности его последствий и их влияния на качество жизни потерпевшего. Немецкое право допускает возмещение как физических, так и психических страданий, аналогично российскому подходу, однако существенно отличается упорядоченностью и предсказуемостью размера выплат.

Великобритания с 1994 года использует тарифную систему, устанавливающую ориентировочные суммы компенсации в зависимости от тяжести последствий вреда. Кроме того, Закон о компенсации вреда от преступлений (1995) допускает дополнительное увеличение суммы по усмотрению суда, но максимальный предел установлен на уровне 500 000 фунтов стерлингов.

Английское законодательство также оперирует понятием «психический вред», но требует его диагностируемости – обычные эмоциональные переживания не компенсируются. При умышленном причинении вреда возмещение носит штрафной характер, при неосторожности – компенсаторный [6, с. 178].

США демонстрируют сходный подход, но допускают существенно более широкое применение судебного прецедента и возможность взыскания punitive damages, что выводит компенсацию морального вреда за рамки сугубо восстановительной природы. При этом обязательным условием возмещения является доказуемость нарушений, диагностируемость психического вреда и установление причинно-следственной связи [9, с. 54].

Франция рассматривает вред как единую категорию, не разделяя его на материальный и моральный, однако судебная практика сформировала возможность компенсации нематериальных последствий, связанных с умалением репутации, права на образ, частную жизнь, семейные отношения, при этом компенсация присуждается лишь при доказанном влиянии душевных переживаний на здоровье потерпевшего или его близких [6, с. 178].

Таким образом, зарубежные системы обладают большей нормативной определенностью, что повышает предсказуемость и эффективность защиты нематериальных благ.

Несмотря на нормативное закрепление института компенсации морального вреда и растущую востребованность его применения, в российской практике сохраняется ряд методологических и прикладных

проблем. Наиболее существенной из них является отсутствие единых критериев оценки нематериального страдания, что, по мнению исследователей, порождает высокую вариативность судебных решений и правовую неопределенность. По делам схожих категорий суммы компенсации могут отличаться многократно, что снижает доверие к правовой системе и не обеспечивает равенства субъектов.

Второй проблемой выступает ограниченная разработанность доказательных механизмов подтверждения морального вреда. Хотя Верховный Суд допускает использование показаний потерпевшего и иного комплекса доказательств, отсутствие объективных методик учтывания интенсивности переживаний делает процесс доказывания зависимым от субъективных факторов.

Третья проблема связана с недостаточной теоретической и нормативной проработанностью категории, на что указывает В.А. Белов, называя институт морального вреда одним из «наиболее проблемных из-за отсутствия опыта правоприменения и недостаточной разработанности» [2, с. 434].

Сравнение с зарубежными моделями выявляет иные проблемы – изолированность российской системы от международных подходов, оперирующих тарифными шкалами (Великобритания), системностью диагностических критериев (США), расширением компенсируемых форм страданий (Германия).

В отечественном праве отсутствуют и рекомендательные матрицы, и ориентиры минимального уровня компенсации, что приводит к произволу судебного усмотрения.

Анализ европейского регулирования показывает, что стандартизация размеров выплат и формализация критериев оценки позволяют «развивать более упорядоченное понимание степени нематериального страдания» [9, с. 52].

В этой связи целесообразно выделить основные направления развития законодательства.

Во-первых, создание рекомендательных компенсационных таблиц (аналогично английским тарифным моделям или французской практике шкал по тяжести вреда), что позволило бы снизить субъективность оценки и обеспечить единство практики.

Во-вторых, развитие доктринальных критериев оценки морального вреда, включая формализацию принципов учета индивидуальных особенностей лица, тяжести страданий и соотношения их с обстоятельствами дела.

В-третьих, расширение законодательного описания компенсируемых категорий страданий, включая уточнение, возможно ли

возмещение «репутационного вреда» юридическим лицам и предпринимателям, что уже признается на уровне Европейского суда.

В-четвертых, заимствование элементов зарубежных моделей, но с учетом ограничений России – так, применение *punitive damages* несогласимо с отечественной компенсационной природой ответственности, тогда как шкальное регулирование и прецедентные ориентиры вполне адаптируемы.

Таким образом, решение обозначенных проблем требует как нормативной реформы, так и доктринального развития института, с тем чтобы российская модель компенсации морального вреда соответствовала принципам предсказуемости, справедливости и эффективности защиты личности.

Проведенный анализ показал, что институт компенсации морального вреда в российском частном праве сохраняет высокую социальную значимость, что подтверждается ростом числа судебных дел и усилением спроса на механизмы защиты нематериальных благ. Вместе с тем нормативная и судебная практика выявляет ряд проблем: отсутствие формализованных критерии оценки страданий, неоднородность подходов судов, ограниченность доказательных моделей и недостаточная доктринальная проработанность категории морального вреда.

Таким образом, совершенствование института компенсации морального вреда должно происходить в направлении повышения определенности, транспарентности и эффективности правоприменения, что является важным условием реализации конституционного принципа защиты личности и укрепления доверия к правосудию.

Список литературы:

1. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть : учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков ; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 435 с.
2. Белов В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 2 / В. А. Белов ; ответственный редактор В. А. Белов. – 2-е изд., стер. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 525 с.
3. Гайбатова К. Д. Компенсация морального вреда // Проблемы совершенствования законодательства. – 2019. – С. 267.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ от 05.12.1994, N 32, ст. 3301
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ от 29.01.1996, N 5, ст. 410

6. Малюткина Н. С., Скворцов Е. Н. Понятие «моральный вред» и его компенсация в частном праве РФ и зарубежных стран: сравнительное исследование // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1(217). – С. 177–178.
7. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда: учебно-практическое пособие. – Москва: Проспект, 2023. – 120 с.
8. Шаблова Е. Г. Гражданское право: учебник для вузов / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк ; под общей редакцией Е. Г. Шабловой. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 131 с.
9. Шериязданова Э. С. Сравнительный анализ особенностей компенсации морального вреда в Российской Федерации с зарубежной практикой // Вестник магистратуры. – 2023. – № 3-1 (138). – С. 52–54.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Фахрутдинов Айдар Альбертович
аспирант
кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского)
федерального университета,
РФ, г. Казань

Продовольственная безопасность государства напрямую зависит от эффективности работы сельскохозяйственной отрасли. На законодательном уровне для сельскохозяйственных организаций предусмотрены существенные льготы в части пониженные ставки по налогу на добавленную стоимость, прибыль и имущество. Многие виды сельскохозяйственной деятельности субсидируются из федеральных и региональных бюджетов. При этом сельскохозяйственные предприятия продолжают сталкиваться с проблемами погашения задолженности перед кредиторами. Основными причинами являются волатильность рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию, засуха, паводки, болезни животных и другие природные катализмы.

В случае невыполнения сельскохозяйственной организацией более трех месяцев обязательства по погашению задолженности в размере не менее трех миллионов рублей перед кредиторами Федеральным законом от

26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее – Закон о банкротстве) установлена возможность возбуждения судебного производства по делу о банкротстве должника – сельскохозяйственной организации. С целью восстановления платежеспособности должников – юридических лиц Закон о банкротстве предусматривает реабилитационные (восстановительные) процедуры наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и мирового соглашения. На законодательном уровне подход к разрешению проблемы неплатежеспособности является комплексным – каждая реабилитационная процедура выполняет определенную функцию и дополняет другие в ходе рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. В случае отсутствия возможности восстановления платежеспособности дебитора Законом о банкротстве предусмотрена продажа имущества и ликвидация долга путем признания должника банкротом и введения процедуры конкурсного производства. Комиссия ООН по праву международной торговли утверждает, что одна из основных целей законодателя состоит в определении разумного баланса между ликвидацией должника и возвращением его к нормальной деятельности [2, с. 11] путем применения реабилитационных процедур. В некоторых случаях интересы общества требуют изменить указанный подход в пользу принятия дополнительных мер для восстановления платежеспособности юридического лица. Примером может служить должник – градообразующая организация, сотрудники которой составляют не менее двадцати пяти процентов численности работающего населения соответствующего населенного пункта (параграф 2 главы IX Закона о банкротстве). Отличительной особенностью процедуры мирового соглашения является ее универсальность. В соответствии с пунктом 1 статьи 150 Закона о банкротстве [4] мировое соглашение может быть заключено между должником и кредиторами на любой стадии рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве). Законодателем также предусмотрена возможность участия в процедуре мирового соглашения третьих лиц – потенциальных покупателей имущества или бизнеса должника. Порядок реализации процедуры позволяет сделать вывод о том, что законодатель постарался создать максимально приемлемые условия для заключения мирового соглашения и восстановления деятельности дебитора с учетом интересов участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве) лиц.

Согласно данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [3] в 2024 году в связи с заключением мировых соглашений было прекращено 926 производств по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц при общем количестве прекращенных производств по 38 073 делам (21 276 дел было прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на

проведение процедур, применимых в делах о несостоятельности (банкротстве)). В течение последних пяти лет общее количество прекращенных производств по причине заключения мирового соглашения не испытывало существенных изменений.

Порядок заключения мирового соглашения с участием должников – сельскохозяйственных организаций не отличается от заключения мирового соглашения с другими должниками – юридическими лицами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Сложность заключения мирового соглашения состоит в выработке компромиссных решений, удовлетворяющих всех участников дела о несостоятельности (банкротстве) – внешних кредиторов, контролирующих должника лиц, государство, потенциальных покупателей имущества или бизнеса должника. Несмотря на то, что в Законе о банкротстве отсутствуют особые условия заключения мирового соглашения с должниками – сельскохозяйственными организациями пунктом 4 статьи 177 Закона о банкротстве [4] предусматривается возможность отчуждения или перехода к другому лицу земельных участков банкнота – сельскохозяйственной организации только с учетом ограничений в обороте земель согласно действующему земельному законодательству. Согласно статьи 8 Федерального Закона от 24.07.2002 №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5] при продаже земель сельскохозяйственного назначения субъект Российской Федерации (или в случаях, установленных законом субъекта Российской Федерации), муниципальное образование имеет преимущественное право покупки таких участков по цене, за которую он продается, за исключением случаев продажи с публичных торгов и случаев изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. При наличии земель сельскохозяйственного назначения в составе имущества должника – сельскохозяйственной организации, являющегося предметом сделки по мировому соглашению, заключение сторонами соглашения возможно после отказа (либо не уведомления должника – сельскохозяйственной организации о намерении приобрести участки) субъекта Российской Федерации или соответствующего муниципального образования от преимущественного права покупки земель в течение 30 дней с момента получения извещения.

Наглядным примером такой ситуации служит рассматриваемое в Арбитражном суде Республики Татарстан дело №А65-8603/2019 [1], в рамках которого было заключено мировое соглашение между должником – сельскохозяйственной организацией, третьими лицами и кредиторами. В составе имущества должника находились земли сельскохозяйственного назначения. Должник известил в письменной форме Кабинет Министров Республики Татарстан, являющийся высшим исполнительным органом государственной власти Республики Татарстан, о намерении произвести

отчуждение земельных участков с указанием цены, размера, местоположения земельных участков, срока, до истечения которого должен быть осуществлен взаимный расчет, иных необходимых условий, и получил соответствующий письменный отказ от приобретения участков. При рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве) должника – сельскохозяйственной организации может сложиться ситуация, при которой кредиторами должника являются иностранные лица или юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов (далее – иностранные кредиторы). Например, залоговым кредитором в отношении сельскохозяйственных земель может оказаться банк с участием иностранного капитала. В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 24.07.2002 №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5] указанные лица не имеют права владеть на праве собственности землями сельскохозяйственного назначения. В связи с этим мировое соглашение, предусматривающее отчуждение сельскохозяйственных земель в пользу иностранных кредиторов, не может быть утверждено арбитражным судом. При заключении мирового соглашения арбитражный суд должен учитывать налагаемые на иностранных кредиторов ограничения в части оборота сельскохозяйственных земель. Несмотря на то, что мировое соглашение может быть заключено на любом этапе в ходе судебного производства по делу о несостоятельности (банкротстве) сельскохозяйственной организации Закон о банкротстве накладывает ограничения на оборот сельскохозяйственных земель только в случае признания должника банкротом (пункт 4 статьи 177 Закона о банкротстве) [4]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что при заключении мирового соглашения в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления учитывать законодательные ограничения в отношении оборота земель сельскохозяйственного назначения не требуется. Учитывая стратегический характер земель сельскохозяйственного назначения и отрасли, правильным решением будет распространить существующие ограничения по обороту сельскохозяйственных земель на процедуры наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления.

Список литературы:

1. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 17.06.2021 по делу №А65-8603/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e3e2fa0-81d3-427e-8819-aa8fc949ad9f/f24e1bc0-b3a5-4480-938b-eda9e5d3ce1e/A65-8603-201920210617Opredelenie.pdf?isAddStamp=True> (дата обращения: 24.11.2025).

2. Руководство для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоительности // ЮНСИТРАЛ, ООН. – 2005. – С. 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/05-80724_ebook.pdf (дата обращения: 29.11.2025)
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 19.11.2025)
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоительности (банкротстве)» (редакция от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078527> (дата обращения: 01.12.2025)
5. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079217> (дата обращения: 22.11.2025)

ОРЭМ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА

Хаблак Евгений Владимирович

аспирант

*Университета «Синергия»,
РФ, г. Москва*

WHOLESALE ELECTRICITY AND POWER MARKET IN THE ENERGY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH 2050

Khablak Yevgeny Vladimirovich

*Postgraduate Student,
Synergy University,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье исследуются направления развития оптового рынка электрической энергии и мощности (ОРЭМ), закрепленные Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2050

года. В работе анализируются правовые механизмы, регулирующие договорные конструкции, ответственность участников рынка, а также вопросы правового обеспечения баланса интересов государства, бизнеса и потребителей в контексте долгосрочных энергетических целей. Выявляются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, предлагаются пути их преодоления с учётом стратегических ориентиров развития энергетической отрасли.

Abstract. The article examines the development directions of the wholesale electricity and capacity market (WECM) as outlined in the Energy Strategy of the Russian Federation until 2050. The study investigates legal mechanisms governing contractual arrangements, liability of market participants, and issues related to the legal safeguarding of a balanced alignment of interests among the state, businesses, and consumers within the context of long-term energy objectives. Gaps and inconsistencies in the current legislation are identified, and potential solutions are proposed in line with the strategic guidelines for the development of the energy sector.

Ключевые слова: оптовый рынок электрической энергии и мощности, ОРЭМ, энергетическая стратегия, баланс интересов, пробелы в законодательстве.

Keywords: wholesale electricity and capacity market, WECM, energy strategy, balance of interests, legislative gaps.

Актуальность исследования обусловлена динамичностью изменений отрасли электроэнергетики, что непосредственно отражается на правовом регулировании. В своем генезисе энергетическое право относится к частному праву [6, с. 187]. Правительством Российской Федерации 12 апреля 2025 года утверждена Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (Стратегия). Относительно ОРЭМ в Стратегии можно выделить три содержательных блока: 1. Внутренние вызовы в электроэнергетике; 2. Результаты проведенных мероприятий на момент утверждения Стратегии; 3. Комплекс первоочередных мер по решению задачи формирования инвестиционной привлекательности электроэнергетической отрасли [10].

Одним из вызовов в электроэнергетике Стратегией определена необходимость ускорения внедрения современных технологий, в том числе с применением искусственного интеллекта, новых инструментов и бизнес-моделей, что требует своевременной адаптации действующей модели функционирования оптового и розничного рынков.

Как отмечал А.И. Громов энергетика во все большей степени становиться ядром развития социума за счет растущего влияния на модель общественного развития и социального поведения человека [2, с. 40].

В этой связи можно согласиться с точкой зрения А.А. Молчанова о том, что с развитием цифрового права формируется система нормативных правовых актов, регулирующих связи по применению цифровых данных и цифровых технологий, в том числе и в области энергоснабжения [3, с. 141].

Цифровая трансформация энергетики предполагает создание нового информационно-технологического слоя, который станет ядром системы, обеспечивающим эффективность, безопасность и управляемость системы. Этот переход отражен в большом объеме нормативно-правовых актов, которые формируют правовую основу для создания и использования цифровых активов – от моделей до платформ. Процесс начался с юридического признания самого понятия «цифровая модель». Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» был дополнен новыми определениями, такими как «цифровая информационная модель электроэнергетических систем», «цифровая информационная модель объектов электроэнергетики» и «средства дистанционного управления» [9]. Закрепление данных понятий на законодательном уровне свидетельствует фактической легитимации цифрового двойника реальной энергосистемы, который обладает собственным юридическим статусом и регулируется отдельными нормами. Дальнейшее развитие данной идеи выражено в подзаконных актах, например, в Приказе Минэнерго России от 31.10.2025 г. № 1428, которым утверждены Методические указания по моделированию электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики. Согласно тексту приказа, данные Методические указания вступают в силу, начиная с 01.01.2026 г. и становятся техническим стандартом для участников рынка. Методические указания требуют системного оператора и владельцев объектов электроэнергетики использования единого формата CIMXML для возможности экспорта цифровых информационных моделей электроэнергетических систем и информационных моделей [4]. Также приказом Минэнерго России от 31.10.2025 г. № 1429 установлено, что системный оператор должен ежемесячно размещать в открытом доступе на специализированном портале фрагменты текущих цифровых информационных моделей [5].

Таким образом, цифровые данные переходят из разряда непубличной информации в публичную плоскость, обеспечивая доступ всем участникам рынка, что создает основу для прозрачности, конкуренции и более точного планирования развития ОРЭМ.

Создание цифровой инфраструктуры, состоящей из моделей, formalizованных стандартов и открытых данных находит свое логичное

развитие в использовании этих цифровых активов в рамках цифровых платформ. Понятие «цифровая платформа» закреплено в Федеральном законе № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступает в силу 01.10.2026 г. Применение принципов платформенного регулирования к ОРЭМ является перспективным направлением, поскольку такие системы выполняют функцию посредника, автоматизируя взаимодействие между множеством участников рынка. В свою очередь, это открывает широкий круг новых правовых вопросов, особенно в части ответственности. Например, из-за ошибки в алгоритме одного из участников возникает вопрос, кто будет нести ответственность и каким образом определить ответственного. Представляется правильным предположить, что юридическая ответственность оператора цифровой платформы зависит от степени его фактического контроля над алгоритмами, интерфейсом и определяется содержанием правоотношений [1]. Проблема пробелов в отраслевом законодательстве в сфере электроэнергетики не является новой. Данную проблему в качестве одной из основных отмечал в своей работе 2015 года О.А. Символоков [7].

Цифровые технологии представляют собой активные инструменты реализации стратегических задач, заложенных в Стратегии. Одним из ключевых направлений является управление изменением режима потребления. Правила оптового рынка, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 г. № 1172, были дополнены разделами XXIII-XXIV, которыми юридически закреплена услуга по управлению спросом. Суть управления спросом заключается в том, что системный оператор в дистанционном режиме влияет на потребление крупными промышленными потребителями для поддержания баланса системы в режиме реального времени. Для реализации данного механизма требуется автоматизированная система мониторинга и коррекции нагрузки, которая по своей сути является сложной цифровой платформой, способной передавать команды управления и верифицировать выполнение.

Стратегия в качестве обеспечения развития и усовершенствования модели ОРЭМ указывает на запуск национальной системы координации «зеленых» инструментов. В свою очередь представляется обоснованной критика в научной среде применения «зеленых» сертификатов происхождения электрической энергии России. Если добровольная система «зеленой» сертификации для Европейского Союза является необходимости, вызванной недостатком топливно-энергетических ресурсов, то для России это не очевидно [8, с. 138]. Поскольку, как пишет Символоков О.А., запуск системы добровольной сертификации, его активное

применение не может опираться исключительно на имиджевый фактор. Ученый делает предположение, что, по-видимому, на первоначальном этапе заинтересовать покупателей «зеленой» электрической энергии в приобретении «зеленых» сертификатов можно будет на основе использования компенсаторных механизмов, например, предоставляя налоговые льготы. По существу, это перекладывание расходов на налогоплательщиков в бюджет, который недополучит часть доходов.

Таким образом, Стратегия содержит рациональные направления развития ОРЭМ, такие как управление спросом, внедрение современных технологий, создание цифровой инфраструктуры, однако, также содержит спорное направление развития, такое как развитие «зеленых» инструментов.

Список литературы:

1. Бобков Олег // Клеверенс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cleverence.ru/articles/elektronnaya-kommertsiya/-grazhdanskopravovaya-otvetstvennost-operatorov-tsifrovyyh-platform/> (дата обращения 07.12.2025).
2. Громов А.И. Концепция энергетической стратегии России на период до 2025 года // Энергетическая стратегия России: ресурсно-инновационная модель развития. – 2014. – № 2. – С.37–43.
3. Молчанов А.А. Цифровизация в области энергоснабжения // Сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Габова. – Белгород. – 2021. – С.139–140.
4. Приказ Минэнерго России от 31.10.2025 № 1428 «Об утверждении методических указаний по моделированию электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=519927&cacheid=540758A1305EF122F540B7036908CA8E&mode=splus&rnd=qIykUw#QW68h4Vi01fC1B3n> (дата обращения 07.12.2025).
5. Приказ Минэнерго России от 31.10.2025 № 1429 «Об утверждении Порядка раскрытия (предоставления) цифровых информационных моделей электроэнергетических систем и цифровых информационных моделей объектов электроэнергетики или их фрагментов и о внесении изменений в приказ Минэнерго России от 17.02.2023г. № 82». // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=520456&cacheid=2AE40A31E48A9F1CD1D07CD61C4A6E4A&mode=splus&rnd=qIykUw#rT7Lh4VuIPstiQIP1> (дата обращения 07.12.2025)

6. Свирков С.А. Соотношение частноправовых и публично-правовых начал в энергетическом законодательстве // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 19(8). – С.186–193. <https://doi.org/10.17803/1994-1471/2024/165/8/186-193/>.
7. Символоков О.А. Основные проблемы развития энергетического законодательства // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. – 2015. – С.508–510.
8. Символоков О.А. Перспективы правового регулирования «зеленой» сертификации электрической энергии // Сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф. / под ред. / под редакцией А.В. Габова. – Белгород. – 2021. – С.134–138.
9. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. От 25.10.2024) «Об электроэнергетике» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=483415&dst=0&edition=etD&rnd=qIykUw#pKSqg4Vyx62ccSBb5> (дата обращения 07.12.2025).
10. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 г. № 908-р // Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLqqAAOj5eJYlA60.pdf> (дата обращения 06.12.2025).

3.3. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ДЕПРИВАТИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КС РФ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 2024 ГОДА

Дегтерев Михаил Сергеевич

*магистрант,
Сибирский институт управления
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
РФ, г. Новосибирск*

Аннотация. В статье исследуется содержание постановления конституционного суда России от 31 октября 2024 года и ее влияние на процессы деприватизации в будущих судебных решениях.

Ключевые слова: постановление конституционного суда, сроки исковой давности, деприватизация.

С момента принятия Конституции 1993 года в нашей стране был установлено, что каждый человек имеет право владеть своим имуществом и осуществлять управление им по своей воле. Право частной собственности было четко прописано в Конституции и охранялось силой закона. Одним из способов защиты данного права выступала установленная в Гражданском кодексе исковая давность на имущество, которая предусматривала собой определенный срок, который давался гражданину для защиты своего права на собственность, если он считал, что такое право нарушено. В соответствии со статьей 200 Гражданского кодекса срок исковой давности составляет три года, определяемого в соответствие со статьей 200, и не может превышать десять лет со дня нарушения права. Механизм исковой давности был одним из инструментов получения контроля над собственностью лицами, владеющими им. Но Конституционный суд решил вмешаться в данные процессы и внес определенные изменения, выраженные в Постановлении от 31 октября 2024 года.

Поводом для данного постановления явился запрос Краснодарского краевого суда. В нем речь шла о намерении генпрокуратуры добиться изъятия у бывшего государственного служащего имущества объемом в 22 объекта и стоимостью в 9 млрд. рублей, приобретенного незаконным путем. В постановлении было указано, что иски по истребованию назад государственного имущества не должны нивелироваться такой защитной мерой, как срок давности исходя из того, что они имеют в первую очередь публично-правовой, а не частноправовой характер.

Суды Конституционного суда в своем решении опираются на то, что коррупция приводит к различным многоаспектным негативным воздействиям на жизнь общества и государства, что позволяет считать ее особенно опасным социальным явлением. К последствиям коррупции можно отнести нарушение принципов справедливости и равенства в обществе. Также это наиболее актуально и для России, социально-экономическая, политическая и правовая системы которой прошли с начала девяностых годов прошлого века сложнейший период трансформации.

На сегодняшний день существуют определенные конкретно-исторические условия, которые необходимо учитывать при реализации такой конституционной нормы как норма о неприкосновенности частной собственности. В постановлении было указано, что «применение существующих сроков исковой давности и правил их течения к антикоррупционным искам порождает ряд несовместимых с принципами правового государства негативных последствий». Исходя из этого Россия как правовое и демократическое государство обязано принимать для противодействия коррупции достаточные и эффективные правовые меры, также подобная обязанность указана и в требованиях конвенции ООН против коррупции.

Об этом сказано непосредственно в данном постановлении, а именно в данном фрагменте: «В силу Конституции Российской Федерации Россия как правовое демократическое государство обязана принимать для противодействия коррупции достаточные и эффективные правовые меры, включая направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года N 26-П и от 9 января 2019 года N 1-П). Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (статья 15, часть 2; статья 19, часть 1; статья 75.1 Конституции Российской Федерации)». Это означает, что для борьбы с коррупцией необходимо применять различные

меры, в том числе связанные с незаконным обогащением отдельных лиц, что приводит к нарушению порядка и росту нестабильности.

Данное постановление также привлекает внимание к тому, что попытки решения данной проблемы применялись еще до появления современной конституции: «Еще до принятия ныне действующей Конституции Президент Российской Федерации издал Указ от 4 апреля 1992 года N 361 "О борьбе с коррупцией в системе государственной службы", в котором – с учетом того, что коррупция в органах власти и управления ущемляет конституционные права и интересы граждан, подрывает демократические устои и правопорядок, дискредитирует деятельность государственного аппарата, извращает принципы законности, – были установлены определенные запреты и обязанности для служащих государственного аппарата». Из этого можно сделать вывод, что данная проблема носит длительный характер и необходимы определенные меры для ее решения. К ним можно отнести обращение в доход государства изъятого имущества. Несмотря на то что такое обращение имущества в доход Российской Федерации не носит компенсаторного характера, по своей природе оно направлено на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства. Можно спорить об эффективности подобного решения, но в данном случае оно показывает возможности государства и показывает населению, что неотвратимость наказания существует и что государство заботится о своих интересах.

Исходя из полученных данных Конституционный суд принял решение о возможности обращения имущества в государственную собственность без учета срока давности. Данное решение также интересно тем, что законодатель может ничего не менять в правовом регулировании, если он считает его адекватно отражающим в конкретно-исторических условиях общественные потребности. Данное решение Конституционного суда в значительной мере регулирует институт частной собственности. Можно также считать, что данное решение противоречит статье 35 Конституции.

Подобное решение имеет свои плюсы и минусы. В качестве положительного момента следует считать, что отмена срока исковой давности поможет противодействию коррупции и позволит государству эффективно возместить свой ущерб и добиться осуществления социальной справедливости. Но при этом из-за расплывчатых формулировок в законодательстве возможно и злоупотребление правом, что создает угрозы потери имущества гражданам, которые приобрели его в результате предпринимательской деятельности.

Можно считать, что данное постановление откроет возможность для восстановления имущества, приобретенного у государства

незаконным путем. Это позволяет говорить о начале деприватизации имущества, а именно конфискации активов и их передаче в доход государства. Долгое время сроки исковой давности позволяли сохранять имущество в незаконном владении, отмена их позволит вернуть его обратно. Отмена сроков исковой давности станет одной из серьезных мер защиты и охраны управления государственной и муниципальной собственностью.

В качестве заключения можно сказать, что отмена исковой давности является серьезной мерой, позволяющей восстановить право на управление и контроль государственной и муниципальной собственностью. Последствия введения данного постановления приведут к росту решений о деприватизации имущества, так как одним из основных способов защиты со стороны ответчиков выступало истечение срока давности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.12.2024).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова» // Российская газета. – № 13 – 2019.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // Российская газета. – № 277 2016.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. – № 238-239. – 1994.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ЭПОХУ ИИ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

Есиков Александр Александрович

магистрант,

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
президенте Российской Федерации, филиал,
Сибирский институт управления,
РФ, г. Новосибирск*

THE EVOLUTION OF ELECTORAL STANDARDS IN THE AGE OF AI: THE IMPACT OF TECHNOLOGY ON DEMOCRATIC PROCEDURES

Yesikov Aleksandr Aleksandrovich

Master's student,

*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, branch,
Siberian Institute of Management,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В статье анализируется трансформация избирательных стандартов под влиянием технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются основные направления применения ИИ в электоральных процессах – создание агитационного контента, обработка избирательных данных и контроль за соблюдением законодательства. Исследуется опыт использования цифровых технологий в российской и зарубежной практике проведения выборов. Выявлены риски злоупотребления ИИ-инструментами для генерации дезинформации и манипулирования избирателями. Обосновывается необходимость формирования нормативно-правовой базы регулирования применения искусственного интеллекта в избирательных кампаниях.

Abstract. The article analyzes the transformation of electoral standards under the influence of artificial intelligence technologies. The main directions of AI application in electoral processes are considered – creation of campaign content, processing of electoral data and control over compliance with legislation. The experience of using digital technologies in Russian and foreign practice of conducting elections is studied. The risks of abuse of AI tools for generating disinformation and manipulating voters have been identified. The necessity of forming

a regulatory framework for regulating the use of artificial intelligence in electoral campaigns is substantiated.

Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательные технологии, цифровизация выборов, дипфейк, электоральные процессы, избирательные стандарты, демократические процедуры, агитация.

Keywords: artificial intelligence, electoral technologies, digitalization of elections, deepfake, electoral processes, electoral standards, democratic procedures, campaigning.

Введение

Современный этап развития избирательных систем характеризуется глубокой интеграцией технологий искусственного интеллекта во все сферы электорального процесса. Начиная с президентских выборов в США 2008 года, когда интернет-технологии впервые зарекомендовали себя в качестве основного канала коммуникации с избирателями, цифровизация избирательных процессов приобрела системный характер [10]. Выборы 2024 года стали первыми в мировой практике, проведенными в условиях широкого использования искусственного интеллекта и нейросетей [10].

Трансформация избирательных стандартов обусловлена возможностями ИИ по автоматизации обработки больших массивов данных, созданию персонализированного контента и выявлению нарушений избирательного законодательства. Одновременно применение искусственного интеллекта порождает новые вызовы для демократических процедур – распространение дезинформации через дипфейки, микротаргетирование избирателей на основе их психологических профилей, алгоритмическую манипуляцию общественным мнением [12].

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления влияния ИИ на фундаментальные принципы организации выборов – прозрачность, состязательность, равенство возможностей участников и достоверность волеизъявления граждан. Формирование эффективных механизмов регулирования применения искусственного интеллекта в избирательных кампаниях становится приоритетной задачей для обеспечения целостности демократических процессов [6].

Методология исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход к анализу применения технологий искусственного интеллекта в избирательных процессах. Использовался метод сравнительного анализа для изучения зарубежного и российского опыта внедрения ИИ-инструментов в

электоральную практику. Применялся системный метод для выявления взаимосвязей между технологическими инновациями и трансформацией избирательных стандартов.

Эмпирическую базу исследования составили данные о применении искусственного интеллекта в избирательных кампаниях 2024-2025 годов в различных странах мира, включая Австралию, Канаду, Германию, США, Индию, Францию и Румынию [12]. Проанализирован опыт цифровизации избирательной системы Российской Федерации, включающей внедрение Государственной автоматизированной системы «Выборы», комплексов обработки избирательных бюллетеней и дистанционного электронного голосования [5].

Исследование базировалось на анализе нормативно-правовых актов, регулирующих применение цифровых технологий в избирательных процессах, включая Конституцию Российской Федерации [1], Федеральные законы об избирательных правах граждан [2, 3] и международные стандарты демократических выборов [6]. Изучены научные публикации, посвященные влиянию цифровых технологий на прозрачность и доступность избирательного процесса [7, 8, 9, 11].

Результаты и обсуждение

Анализ международного опыта показывает, что искусственный интеллект применяется на всех этапах избирательного процесса – предвыборном, выборном и постыборном [10]. Наиболее распространенным направлением использования ИИ является создание контента для агитационных кампаний. Согласно данным исследования, в 2024 году более 80% стран зафиксировали применение искусственного интеллекта в электоральных процессах, причем создание контента составило 90% всех случаев использования ИИ-технологий [12].

Рассмотрим основные направления применения искусственного интеллекта в избирательных кампаниях (таблица 1).

Таблица 1.

Направления применения ИИ в избирательных процессах

Этап	Направление применения	Примеры технологий
Предвыборный	Регистрация избирателей по биометрическим данным	Сканирование отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза, распознавание лиц
Предвыборный	Создание агитационного контента	Цифровые двойники кандидатов, ИИ-аватары, персонализированная реклама

Этап	Направление применения	Примеры технологий
Предвыборный	Анализ предпочтений избирателей	Обработка данных опросов, моделирование поведения избирателей
Выборный	Мониторинг дезинформации	Нейронные сети для выявления фейков и дипфейков
Выборный	Обработка избирательных данных	Автоматизированный подсчет голосов, КОИБ
Поствыборный	Аудит избирательной кампании	Статистические модели для оценки эффективности ресурсов

Источник: составлено автором по данным [10]

Представленные данные в таблице 1 демонстрируют системный характер внедрения искусственного интеллекта во все этапы избирательного процесса. На предвыборном этапе ИИ-технологии обеспечивают повышение точности идентификации избирателей через биометрические системы регистрации, применяемые в 35% исследованных стран. Особое значение приобретает использование цифровых двойников и аватаров кандидатов для персонализированной агитации, что позволяет адаптировать коммуникационные стратегии под различные демографические группы населения. В период проведения голосования нейронные сети осуществляют оперативный мониторинг дезинформации и автоматизируют обработку избирательных бюллетеней, сокращая временные затраты на подсчет голосов. Поствыборное применение статистических моделей ИИ обеспечивает комплексную оценку эффективности распределения ресурсов избирательной кампании. Таким образом, искусственный интеллект трансформирует традиционные механизмы организации выборов, создавая технологическую инфраструктуру современного избирательного процесса.

Применение ИИ в агитационной деятельности демонстрирует противоречивые результаты. С одной стороны, технологии цифровых двойников и аватаров кандидатов позволяют расширить охват избирателей – например, премьер-министр Индии Нарендра Моди использовал ИИ для перевода предвыборных речей на более 100 языков [12]. Президент Южной Кореи применял цифрового двойника для одновременной агитации в нескольких районах страны, что повысило вовлеченность молодежной аудитории [10]. С другой стороны, искусственный интеллект активно эксплуатируется для создания дезинформации – в странах Азии, Африки и Латинской Америки зафиксированы случаи генерации дипфейков с фальшивыми заявлениями политиков [12].

Анализ рисков применения ИИ-технологий в избирательных кампаниях представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Риски применения искусственного интеллекта в выборах

Тип риска	Проявление	Последствия
Генерация дипфейков	Создание видео с ложными заявлениями кандидатов	Дискредитация оппонентов, манипулирование общественным мнением
Микротаргетирование	Персонализированная агитация на основе психологических профилей	Эксплуатация предубеждений, усиление социальной поляризации
Алгоритмические ошибки	Некорректное распознавание биометрических данных	Лишние избирателей права голоса, дискриминация
Кража персональных данных	Несанкционированный доступ к информации о избирателях	Снижение доверия к избирательной системе, мошенничество
Автоматизированные боты	Массовое распространение дезинформации в соцсетях	Искажение информационной среды выборов

Источник: составлено автором по данным [10, 12]

Анализ рисков применения искусственного интеллекта, представленный в таблице 2, выявляет существенные угрозы для целостности демократических процедур. Наиболее опасным проявлением злоупотребления ИИ-технологиями является генерация дипфейков – в 2024 году подобные материалы зафиксированы в избирательных кампаниях Франции, Южной Кореи и Румынии, где они оказали влияние на формирование общественного мнения. Микротаргетирование избирателей на основе психологических профилей эксплуатирует социальные предубеждения, усиливая поляризацию общества – примером служит применение адаптированного контента партией «Альтернатива для Германии» для мобилизации молодежной аудитории. Алгоритмические ошибки биометрических систем способны привести к дискриминации граждан через некорректную идентификацию личности и необоснованное лишение избирательных прав. Автоматизированные боты искажают информационную среду выборов посредством

массового распространения дезинформации, снижая доверие к избирательной системе. Минимизация указанных рисков требует разработки технологий верификации контента, законодательного регулирования применения ИИ и формирования механизмов международного сотрудничества в противодействии электоральным манипуляциям.

В Российской Федерации применение цифровых технологий в избирательной системе осуществляется планомерно и системно [5]. Внедрение ГАС «Выборы» 2.0 на базе отечественного программного обеспечения обеспечило централизацию хранения данных и защиту от внешних кибератак [5]. Комплексы обработки избирательных бюллетеней продемонстрировали высокую эффективность – Севастополь стал единственным субъектом Федерации со стопроцентным покрытием КОИБ на избирательных участках [5]. Дистанционное электронное голосование расширило возможности участия граждан в выборах – в Севастополе число проголосовавших онлайн увеличилось с 18 тысяч в 2021 году до 36,6 тысяч в 2024 году [5].

Контроль за соблюдением избирательного законодательства с применением ИИ-инструментов осуществляется по нескольким направлениям. Нейронные сети обеспечивают оперативный мониторинг социальных сетей для выявления фейков и дезинформации [10]. Большие языковые модели анализируют сообщения об инцидентах на избирательных участках для обеспечения безопасности процесса голосования [10]. ИИ-алгоритмы проводят аудит списков избирателей для выявления повторных регистраций и обеспечения прозрачности [10].

Формирование нормативно-правовой базы регулирования применения ИИ в выборах находится на начальном этапе. В Европейском союзе с 1 февраля 2025 года вступил в силу регламент по использованию искусственного интеллекта, признанный первым правовым актом подобного типа [10]. Канада, Новая Зеландия и Япония разрабатывают национальные руководства по применению ИИ-технологий [10]. Международная конвенция о стандартах демократических выборов определяет требования к формированию безопасности избирательной системы как составной части национальной безопасности [6].

Результаты исследования показывают, что эволюция избирательных стандартов в эпоху ИИ требует баланса между технологическими инновациями и защитой фундаментальных принципов демократии. Необходимо обеспечить прозрачность применения алгоритмов, подотчетность цифровых платформ, законодательное закрепление обязательной маркировки ИИ-генерированного контента и формирование механизмов международного сотрудничества в противодействии избирательной дезинформации [8 11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о масштабной трансформации избирательных стандартов под влиянием технологий искусственного интеллекта. Применение ИИ охватывает все этапы электорального процесса – от регистрации избирателей и создания агитационного контента до автоматизированного подсчета голосов и постэлекторального аудита. Выявлена двойственная природа воздействия ИИ на демократические процедуры: технологии расширяют возможности участия граждан в выборах и повышают эффективность избирательной администрации, одновременно создавая риски манипулирования общественным мнением через дипфейки и алгоритмическую дезинформацию.

Критическое значение приобретает формирование нормативно-правовых механизмов регулирования применения искусственного интеллекта в избирательных кампаниях. Необходима разработка международных стандартов транспарентности ИИ-алгоритмов, обязательной маркировки синтетического контента и ответственности цифровых платформ за распространение электоральной дезинформации. Перспективным направлением является создание технологий автоматического выявления дипфейков и верификации аутентичности политической информации.

Эволюция избирательных стандартов должна обеспечивать сохранение базовых принципов демократии – равенства избирательных прав, соствязательности, прозрачности и достоверности волеизъявления граждан – в условиях широкого применения технологий искусственного интеллекта. Дальнейшие исследования требуют углубленного анализа психологического воздействия ИИ-контента на электоральное поведение и разработки образовательных программ формирования цифровой грамотности избирателей.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.12.2025).
2. Федеральный закон от 10.01.2003 N 20-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40419/ (дата обращения: 01.12.2025).

3. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 01.12.2025).
4. Гололобов, Д. А. Влияние избирательных технологий на результаты выборов в России / Д. А. Гололобов, С. П. Черный // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Железногорск, 24 мая 2024 года. – Железногорск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирская пожарно-спасательная академия» Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий», 2024. – С. 345-349. – EDN CSXMTI.
5. ЕДГ-2025: лучшие практики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/edg-2025-luchshie-praktiki/57786.html> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Когут, В. Г. Конвенция о стандартах демократических выборов и ее влияние на формирование безопасности избирательной системы как составной части национальной безопасности государства: опыт правового регулирования государств – участников мпа СНГ / В. Г. Когут, И. И. Мушкет // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 49-60. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-49-60. – EDN RLXAHD.
7. Наренкова, А. А. Организационно-технические избирательные технологии как элемент демократического политического режима / Иркутский государственный университет, 2025. – С. 362-367. – EDN GRYQUN.
8. Наумова, Е. В. Влияние цифровых технологий на прозрачность и доступность избирательного процесса в России / Е. В. Наумова, К. Н. Шарафутдинова // Правовая позиция. – 2024. – № 2(50). – С. 6-10. – EDN RUWOOK.
9. Некипелова, В. А. Влияние цифровых технологий на избирательные процессы: возможности и вызовы / Волгоград: РАНХиГС, 2025. – С. 89-91. – EDN JFITSR.
10. Технологические подходы к выстраиванию электоральных процессов (опыт зарубежных стран). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3195> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Уваров, А. А. О влиянии цифровых технологий на правопорядок в избирательном процессе / А. А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 31-34. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-8-31-34. – EDN ISPTEK.
12. Then and Now: How Does AI Electoral Interference Compare in 2025?. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.cigionline.org/articles/then-and-now-how-does-ai-electoral-interference-compare-in-2025/> (дата обращения: 01.12.2025).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Яцко Мария Вячеславовна

магистрант,

Сибирский институт управления,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ,

РФ, г. Новосибирск

Кулешова Наталья Викторовна

канд. юрид. наук,

Сибирский институт управления,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ,

РФ, г. Новосибирск

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF THE REPRESENTATIVE BODY OF A MUNICIPAL FORMATION

Yatsko Maria Vyacheslavovna

Master's student,

Siberian Institute of Management,

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Russia, Novosibirsk

Kuleshova Natalia Viktorovna

Candidate of Law Sciences,

Siberian Institute of Management,

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье анализируется конституционно-правовая ответственность представительного органа муниципального образования в контексте реформы местного самоуправления 2024–2025 гг.

Сопоставляются механизмы ответственности по Федеральным законам № 131-ФЗ и № 33-ФЗ, выявляются ключевые изменения, усилившие государственный контроль и изменившие характер взаимодействия между муниципальным и региональным уровнями власти.

Abstract: The paper analyzes the constitutional and legal responsibility of the representative body of a municipal formation in the context of the 2024-2025 reform of local self-government. It compares the mechanisms of responsibility under Federal Laws No. 131-FZ and No. 33-FZ, and identifies key changes that have strengthened state control and changed the nature of interaction between the municipal and regional levels of government.

Ключевые слова: местное самоуправление; представительный орган; муниципальное образование; конституционно-правовая ответственность; государственный контроль.

Keywords: local self-government; representative body; municipal entity; constitutional and legal responsibility; state control.

Местное самоуправление является важнейшим институтом демократического устройства Российской Федерации, обеспечивающим самостоятельное и ответственное решение населением вопросов местного значения. Эффективная деятельность органов муниципальной власти напрямую влияет на качество жизни граждан, состояние муниципальных финансов, социальную стабильность и развитие территорий. В этих условиях особое значение приобретает вопрос ответственности органов местного самоуправления за надлежащее исполнение своих полномочий.

Представительный орган муниципального образования занимает центральное место в системе местной власти: он принимает нормативные правовые акты, утверждает бюджет, контролирует деятельность исполнительных структур, выражает интересы населения. Однако его деятельность должна осуществляться строго в рамках Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, а также устава муниципального образования. Нарушение этих требований способно повлечь существенный ущерб публичным интересам, что требует применения мер государственного и судебного воздействия.

Конституционно-правовая ответственность представительного органа муниципального образования представляет собой специфическую форму юридической ответственности, направленную на защиту конституционного строя, обеспечение законности и эффективность функционирования местного самоуправления. Изучение ее содержания, оснований и механизмов позволяет глубже понять принципы взаимодействия государства и муниципальных образований, а также выявить

проблемы правоприменения и пути совершенствования правового регулирования [2].

В 2024 году в России произошла масштабная реформа правового регулирования местного самоуправления, связанная с принятием Федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который заменил собой действовавший почти двадцать лет Федеральный закон № 131-ФЗ [3, с. 1]. Эти изменения затронули не только структуру муниципальной власти, распределение полномочий и систему публичной власти в целом, но и **механизмы ответственности органов местного самоуправления**, включая ответственность представительных органов муниципальных образований.

Сравнение регулирования ответственности в ФЗ-131 [4] и ФЗ-33 [5] является актуальным, поскольку новая модель местного самоуправления ориентирована на интеграцию муниципального уровня в единую систему публичной власти и усиливает роль государства в контроле за деятельностью муниципальных органов. Такое явление неизбежно приводит к изменению правового статуса представительных органов, механизмов их роспуска, оснований для досрочного прекращения полномочий и характера государственного вмешательства.

Понимание различий между двумя законами позволяет выявить проблему, усилилась ли ответственность представительных органов или, напротив, была упрощена; изменились ли основания применения санкций; расширились ли полномочия субъектов Российской Федерации в части контроля; повысился ли уровень гарантий самостоятельности местного самоуправления.

Федеральный закон № 131-ФЗ [4] закреплял классическую децентрализованную модель местного самоуправления, исходя из конституционного принципа самостоятельности муниципального уровня власти. В рамках этой модели представительный орган муниципального образования рассматривался как основной орган местного самоуправления, формируемый населением и обладающий значительной степенью автономии.

Ключевые особенности статуса по ФЗ-131 [4]:

1. Выборность и самостоятельность.

Представительный орган формировался путём прямых выборов, что подчеркивало его демократическую природу и непосредственную связь с населением муниципального образования.

2. Нормотворческая компетенция.

Орган обладал правом принятия муниципальных правовых актов, в том числе: устава муниципального образования, бюджета, нормативных

актов по вопросам местного значения. Это закрепляло его статус в качестве ключевого правотворческого образования на местном уровне.

3. Контрольная функция.

Представительный орган осуществлял контроль за деятельностью главы муниципального образования, местной администрации, муниципальных предприятий и учреждений.

4. Статус самостоятельного уровня публичной власти.

ФЗ-131 исходил из концепции отделённости муниципальной власти от государственной, что отражалось в ограниченных возможностях вмешательства субъекта РФ в деятельность представительного органа.

Таким образом, по ФЗ-131 представительный орган имел значительный уровень автономии, а его статус строился на принципах самоуправления и локальной демократии [3, с. 1].

Принятие Федерального закона № 33-ФЗ ознаменовало переход к **новой модели местного самоуправления**, основанной на включении муниципального уровня в **единую систему публичной власти**. Это привело к заметным изменениям конституционно-правового статуса представительных органов муниципальных образований.

Основные особенности новой модели:

1. Интеграция муниципального уровня в единую систему власти. В отличие от прежней концепции автономии, ФЗ-33 предполагает более тесное взаимодействие и координацию с органами государственной власти, что снижает прежнюю степень самостоятельности.

2. Изменение роли представительного органа. Он сохраняет свои основные функции – нормотворческую и контрольную, однако его деятельность теперь подчиняется **общим правилам публичной власти**, а возможности субъекта РФ по контролю за ним существенно расширены.

3. Новые механизмы влияния субъекта Российской Федерации. Субъект РФ получил право: устанавливать дополнительные полномочия по контролю; влиять на распуск представительного органа; требовать устранения нарушений в более короткие сроки. Это делает статус органа более зависимым от регионального уровня власти.

4. Унификация подходов к структуре власти. ФЗ-33 вводит единые принципы организации местного самоуправления, что уменьшает вариативность уставов муниципальных образований и размывает индивидуальные модели управления.

5. Фокус на эффективности и ответственности. Конституционно-правовой статус представительного органа теперь включает не только полномочия, но и более высокий уровень требований к

результативности, соблюдению законодательства и выполнению обязательных процедур (например, бюджета) [4].

Таким образом, представительный орган остаётся важной частью муниципального управления, однако теперь **не является полностью автономным**, а встроен в более централизованную систему публичной власти.

Вопрос конституционно-правовой ответственности представительного органа муниципального образования занимает важное место в современной муниципально-правовой доктрине. Реформа 2024–2025 гг., приведшая к замене Федерального закона № 131-ФЗ новым Федеральным законом № 33-ФЗ, стала предметом анализа многих исследователей, которые обращают внимание на изменение не только структуры местного самоуправления, но и механизмов ответственности органов представительной власти на муниципальном уровне [2, с. 1]. В научной литературе подчёркивается, что переход к единой системе публичной власти фактически трансформировал характер ответственности представительного органа, усилив зависимость муниципального уровня от субъектов Российской Федерации.

Так, А.Э. Шульц в статье «Принципы местного самоуправления в новом Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ» [6] отмечает, что принятие ФЗ-33 привело к «институциальному пересмотру природы ответственности органов местного самоуправления», поскольку они стали «не только самостоятельными, но и встроенными элементами единой публичной вертикали». Исследователь указывает, что расширение полномочий субъектов РФ означает усиление контроля за соблюдением муниципальными представительными органами требований законодательства, в том числе по бюджетному процессу, нормотворчеству и исполнению обязательных публичных функций [6, с. 124]. По мнению Шульца, новая модель фактически «повышает уровень конституционно правовой ответственности муниципальных представительных органов, поскольку нарушение ими своих обязанностей теперь рассматривается как нарушение функционирования всей публичной системы, а не только локального уровня» [6, с. 123]. Таким образом, ФЗ-33 [5] делает ответственность более государственно ориентированной и централизованной.

Особое внимание вопросам ответственности уделяется и в работах, посвящённых проблемам контроля за деятельностью представительных органов. В.В. Гончаров в статье «Представительные органы местного самоуправления как объект общественного контроля: конституционно-правовой анализ» [1] подчёркивает, что представительный орган муниципального образования несёт публичную ответственность

перед некоторыми субъектами одновременно: населением, государством и институтами гражданского общества [1, с. 4].

Гончаров указывает, что «неэффективное исполнение полномочий представительным органом неизбежно ведёт к снижению качества муниципального управления», поэтому именно усиление механизмов контроля – как государственного, так и общественного – должно рассматриваться как элемент повышения уровня их ответственности. Исследователь подчёркивает, что представительный орган, принимающий нормативные правовые акты и утверждающий стратегические решения для муниципалитета, «несёт ответственность за законность и социально-экономические последствия своей деятельности в существенно большей степени, чем любой иной орган местного уровня» [1, с. 3].

В работе Комлева Е.Ю. «Ответственность представительного органа муниципального образования: концептуальный подход» [2] приводится доктринальная позиция, согласно которой представительный орган МО несет ответственность перед государством [2, с. 123].

Также автор указывает, что особенности муниципальных правоотношений создают риски принятия незаконных НПА представительным органом, что влечёт **привлечение его к ответственности перед государством в форме роспуска** [2, с. 121].

Таким образом, научные исследования показывают, что юридическое содержание ответственности представительного органа по ФЗ-33 [5] стало значительно более жёстким и институционализированным по сравнению с прежним законом № 131-ФЗ [4]. Если ранее ответственность строилась преимущественно в рамках автономии местного самоуправления и внутреннего самоконтроля муниципального образования, то новая модель предполагает включение муниципального уровня в единую систему публичной власти, расширение контрольных полномочий субъекта Федерации и повышение требований к законности и эффективности деятельности представительных органов.

Сравнивая правовое регулирование ответственности представительного органа муниципального образования в Федеральном законе № 131-ФЗ [4] и новом Федеральном законе № 33-ФЗ [5], следует отметить, что подходы законодателя к данному институту претерпели принципиальные изменения. Если в 131-ФЗ ответственность носила преимущественно **внутри муниципальный и автономный характер**, то в 33-ФЗ она стала **жёсткой, многоуровневой и ориентированной на государственный контроль**.

Важно отметить, что наиболее существенно реформа затронула именно механизм ответственности представительного органа муниципального образования перед государством. Сравнение положений статьи 73 Федерального закона № 131-ФЗ и статьи 17 Федерального закона

№ 33-ФЗ демонстрирует существенное изменение характера, целей и структуры ответственности.

Основания ответственности: идентичность подходов, однако различная нормативная логика. В обоих законах ключевыми основаниями государственного воздействия выступают:

1) Принятие представительным органом нормативного правового акта, противоречащего законодательству, и неисполнение решения суда о его отмене.

- ФЗ-131, ст. 73 ч. 1:

Роспуск инициируется, если представительный орган не отменил противоречащий нормативно-правовой акт в течение 3 месяцев после вступления в силу решения суда.

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 3 п. 1:

Основание полностью повторяется, сохраняя тот же 3-месячный срок исполнения решения суда.

Таким образом, первое и главное основание ответственности осталось неизменным, что показывает преемственность конституционной идеи: представительный орган не может сохранять незаконный акт.

Предусмотрена ответственность за отсутствие правомочных заседаний: совпадение норм, но усиление процедурных последствий.

В обоих законах идентично закреплено основание роспуска за отсутствие заседаний:

- ФЗ-131, ст. 73 ч. 2.1 и 2.2:

Роспуск возможен при непроведении правомочного заседания в течение 3 месяцев подряд как избранным, так и вновь избранным составом.

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 3 п. 2 и п. 3:

Полностью повторяет указанное основание: отсутствие заседаний 3 месяца избранным составом, или 3 месяца вновь избранным составом.

Однако ФЗ-33 усиливает последствия, поскольку включает прямое правило – ст. 17 ч. 6: «Досрочное прекращение полномочий представительного органа ... влечёт прекращение полномочий всех его депутатов» [4, с. 14].

В ФЗ-131 такого прямого и однозначного положения не было: там акцент делался на прекращении полномочий органа, а не депутатского корпуса в целом [3, с. 135]. Теперь же законодатель расширил санкции до индивидуальной ответственности каждого депутата. Это демонстрирует усиление персонализации ответственности в условиях единой системы публичной власти.

3. Порядок инициирования роспуска: усиление роли высшего должностного лица субъекта РФ.

Оба закона предусматривают аналогичную процедуру: инициатором роспуска выступает высшее должностное лицо субъекта РФ, которое обязано внести проект закона о роспуске в парламент региона.

Однако ФЗ-33 усиливает значимость этой фигуры:

- В старой редакции (ФЗ-131, ст. 73 ч. 1, 2.1, 2.2) обязанности главы региона сформулированы, но есть определённые «лакуны» в сроках и последовательности процедур [3, с.134].
- В ФЗ-33 процедура кодифицирована единообразно: ст. 17 ч. 3 прямо устанавливает трёхмесячный срок внесения проекта закона в любой из трёх случаев нарушения [4, с. 13].

Таким образом, новая модель подчёркивает усиление межуровневого контроля субъекта Российской Федерации, превращая ответственность представительного органа из внутреннего института самоуправления в элемент вертикали власти.

4. Новые основания ответственности, появившиеся только в ФЗ-33.

ФЗ-33 существенно расширяет перечень оснований для досрочного прекращения полномочий представительного органа. Новые основания:

1) Принятие решения о самороспуске

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 1 п. 2. Ранее закон № 131-ФЗ допускал такую возможность, но не выделял её как полноценное основание ответственности в системе государственного контроля. Закон № 33-ФЗ формализует его как один из юридически определённых вариантов прекращения полномочий [4, с.13].

2) Преобразование муниципального образования

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 1 п. 4. В ФЗ-131 аналогичного института не было, поскольку он регулировал преобразования иначе. Теперь законодатель делает роспуск представительного органа автоматическим следствием реорганизации муниципалитета [4, с.14].

3) Увеличение численности избирателей более чем на 25 %

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 1 п. 5. Такого основания не существовало в ФЗ-131.

Новое основание, связанное с необходимостью перераспределения депутатских мандатов и, вероятно, предотвращения диспропорции представительства.

4) Нарушение срока принятия муниципального правового акта, необходимого для реализации решения, принятого путём прямого волеизъявления населения

- ФЗ-33, ст. 17 ч. 1 п. 6

Это одно из самых значимых нововведений, поскольку связывает ответственность представительного органа:

- с институтом прямой демократии,
 - с обязательностью исполнения решений населения,
 - с усилением контроля за своевременным нормотворчеством.
- В ФЗ-131 такого основания не существовало.

Таким образом, новая модель существенно усиливает обязанность представительного органа соблюдать волю населения, что также отражает новую концепцию публичного управления.

5. Введение дополнительных гарантий индивидуальной ответственности депутатов.

Оба закона предусматривают аналогичную норму:

- депутаты распущенного органа могут обратиться в суд для установления отсутствия их вины в непроведении заседаний (ФЗ-131, ст. 73 ч. 4; ФЗ-33, ст. 17 ч. 5 [4, с. 14]). Однако в ФЗ-33 эта норма имеет более чёткую связь: она применяется только к случаям, предусмотренным п. 2 и 3 ч. 3, то есть к непроведению заседаний [4, с. 13]. Таким образом, новый закон устанавливает более ясные пределы ответственности, устранив неопределённость, характерную для ФЗ-131.

Таблица 1.

**Сравнение ответственности представительного органа
по ФЗ-131 и ФЗ-33**

Элемент регулирования	ФЗ-131, ст. 73 «Ответственность представительного органа перед государством»	ФЗ-33, ст. 17 «Досрочное прекращение полномочий представительного органа»
1. Основания ответственности за принятие незаконного акта	Суд устанавливает факт принятия незаконного НПА, орган обязан отменить акт в течение 3 месяцев.	Формулировка полностью повторена: незаконный НПА + неисполнение решения суда в течение 3 месяцев.
Инициатор роспуска по данному основанию	Высшее должностное лицо субъекта (губернатор) вносит законопроект о роспуске в течение 1 месяца после установления неисполнения решения суда.	Губернатор обязаннести законопроект в течение 3 месяцев после решения суда.
2. Непроведение заседаний	Основания сформулированы как два отдельных	Полностью воспроизводит эти основания:

Элемент регулирования	ФЗ-131, ст. 73 «Ответственность представительного органа перед государством»	ФЗ-33, ст. 17 «Досрочное прекращение полномочий представительного органа»
	случая: — избранный состав 3 месяца не проводит правомочное заседание; — вновь избранный состав 3 месяца не проводит заседание.	— избранный состав не проводит заседания 3 месяца; — вновь избранный состав 3 месяца не проводит заседания.
3. Сроки внесения закона о роспуске	1 месяц после вступления в силу решения суда.	3 месяца после вступления в силу решения суда.
4. Право депутатов на судебную защиту	Депутаты могут обжаловать закон субъекта в течение 10 дней. Отдельно: депутаты могут подать заявление об отсутствии вины за непроведение заседаний.	Сохраняет те же гарантии: 10 дней на обжалование и право подать заявление об отсутствии вины.
5. Последствия роспуска	Прекращение полномочий органа со дня вступления закона о роспуске в силу.	Полное совпадение: прекращение полномочий со дня вступления закона о роспуске.
6. Новые дополнительные основания, которых не было в ФЗ-131	Отсутствуют. Закон регулировал строго только ответственность.	Добавлены новые основания досрочного прекращения: <ul style="list-style-type: none">• самороспуск;• преобразование муниципального образования;• увеличение численности избирателей более чем на 25%;• нарушение срока издания НПА для реализации решений прямого волеизъявления населения.
7. Характер правового регулирования	Закон регулировал только ответственность перед	Глава включает ответственность и некоторые организационные

Элемент регулирования	ФЗ-131, ст. 73 «Ответственность представительного органа перед государством»	ФЗ-33, ст. 17 «Досрочное прекращение полномочий представительного органа»
	государством. Модель – автономия МСУ.	основания роспуска, усиливая межуровневое взаимодействие.
8. Уровень вмешательства субъекта РФ	Ограниченный – только в рамках судебного контроля и строго при наличии установленного судом факта нарушения.	Существенно расширенный: субъект может распустить орган и по не-юридическим причинам (структурные изменения, самороспуск, рост числа избирателей).
9. Общая модель ответственности	Децентрализованная: го-свмешательство возможно только после судебного решения.	Централизованная: субъект РФ получает дополнительные рычаги воздействия и контроля.

Сравнение норм ФЗ-131 [4] и ФЗ-33 [5] показывает, что **правовая природа ответственности представительного органа муниципального образования существенно изменилась**.

ФЗ-131 [4] предусматривал **классическую модель муниципальной автономии**, где государственное вмешательство допускалось *исключительно* в случае судебного подтверждения незаконных действий органа или его фактической неспособности функционировать. Ответственность была сфокусирована на правовой сфере – отмена незаконных актов, обеспечение работы органа, соблюдение судебных решений.

Федеральный закон № 33-ФЗ [5] сохранил ключевые механизмы ответственности, но **существенно расширил перечень оснований досрочного прекращения полномочий**, включив в их число:

- структурные изменения (преобразование муниципального образования),
- демографические изменения (рост числа избирателей),
- нарушение процедур реализации решений прямого волеизъявления населения,
- возможность самороспуска.

Эти основания ранее не связывались с ответственностью, что указывает на их институциональную природу.

Кроме того:

- **увеличены сроки** для внесения губернатором проекта закона о роспуске – с 1 до 3 месяцев;
- субъект РФ получил **более широкую свободу в применении мер воздействия**;
 - модель муниципальной власти теперь встроена в «единую систему публичной власти», что усиливает *межсубъектный* контроль.

Таким образом, в ФЗ-33 ответственность представительного органа муниципального образования: стала более жёсткой; стала более формализованной и детализированной; включает не только юридические, но и организационно-структурные основания; переносит акцент ответственности из сферы внутреннего муниципального контроля в механизм государственного управления. В итоге новая модель ответственности отражает переход от автономной системы местного самоуправления (ФЗ-131) к **централизованной модели единой публичной власти**, где субъект РФ обладает более широкими полномочиями по контролю, воздействию и роспуску представительных органов муниципального уровня.

Список литературы:

1. Гончаров В.В. Представительные органы местного самоуправления как объект общественного контроля: конституционно-правовой анализ // Административное и муниципальное право. – 2024. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavitelnye-organy-mestnogo-samoupravleniya-kak-obekt-obschestvennogo-kontrollya-konstitutsionnopravovoy-analiz> (дата обращения 05.12.2025).
2. Комлев Е.Ю. Ответственность представительного органа муниципального образования: концептуальный подход // Антимонии. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 121–145. https://doi.org/10.17506/26867206_20232_121
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 2926. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.12.2025).
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3877. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 05.12.2025).

5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 13. – Ст. 1345. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения 05.12.2025).
6. Шульц А. Э. Принципы местного самоуправления в новом Федеральном законе № 33-ФЗ // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 2. – 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-mestnogo-samoupravleniya-v-novom-federalnom-zakone-33-fz> (дата обращения 05.12.2025).

3.4. КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНОЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНОРОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА, СОВЕРШАЕМОГО В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Sukhoveev Евгений Михайлович

*соискатель кафедры уголовно-правовых наук,
АНО ВО Российской новый университет,
РФ, г. Москва*

Voronina Анастасия Антоновна

*студент,
Финансовый Университет
при Правительстве РФ,
РФ, г. Москва*

CRIMINALISTIC METHODS OF INVESTIGATION OF EXTREMISM COMMITTED IN CYBERSPACE. SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONTENT

Sukhoveev Evgeny Mikhailevich

*Applicant is a postgraduate
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
Russian New University,
Russia, Moscow*

Voronina Anastasia Antonovna

*Law student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Russia, Moscow*

Аннотация. Научно-практическое содержание комплекса определяется спецификой механизма совершения экстремистских преступлений в виртуальной среде, которая характеризуется дистанционностью воздействия, использованием специальных технических средств, особым характером следообразования и необходимостью применения специальных знаний для выявления и фиксации цифровых следов. Теоретический фундамент комплекса криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве базируется на общих положениях криминалистической методики как раздела науки криминалистики. В соответствии с классическими представлениями, криминалистическая методика расследования преступлений отдельных видов представляет собой часть криминалистики, изучающую опыт совершения и практику расследования преступлений, и разрабатывающую на основе познания их закономерностей систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений.

Abstract. The scientific and practical content of the complex is determined by the specifics of the mechanism of committing extremist crimes in a virtual environment, which is characterized by remote exposure, the use of special technical means, the special nature of trace formation and the need to apply special knowledge to identify and fix digital traces. The theoretical foundation of the complex of criminalistic methods for investigating extremism in cyberspace is based on the general provisions of criminalistic methodology as a branch of the science of criminology. In accordance with classical concepts, the criminalistic methodology for investigating crimes of certain types is a part of criminology that studies the experience of committing and investigating crimes, and develops, based on knowledge of their patterns, a system of the most effective methods for investigating and preventing various types of crimes.

Keywords: extremism, crime, criminalistic methodology, investigative method, criminalistics, types of crimes, Internet.

Ключевые слова: экстремизм, преступление, криминалистическая методика, метод расследования, криминалистика, виды преступлений, интернет.

Введение

Комплекс криминалистических методик расследования экстремизма, совершаемого в киберпространстве, представляет собой интегрированную систему научно-практических рекомендаций, специализированных методов и технических средств, направленных на эффективное выявление,

раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1].

Данный комплекс формируется на основе синтеза традиционных криминалистических знаний с современными достижениями цифровой криминастики, кибербезопасности и информационных технологий. Его особенность заключается в междисциплинарном характере, объединяющем положения криминалистической техники, тактики и методики с методами компьютерно-технической экспертизы, лингвистического анализа и психологического исследования личности правонарушителей [2].

Применительно к преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в киберпространстве, данное определение требует существенной конкретизации с учетом специфики объекта исследования. Комплекс методик в данной сфере должен учитывать не только традиционные закономерности преступной деятельности, но и особенности функционирования киберпространства, механизмы цифрового следообразования, специфику информационного воздействия и психологические аспекты онлайн-радикализации [3].

Структура частной криминалистической методики, как указывается в научной литературе, включает следующие элементы: криминалистическая характеристика данного вида преступлений; обстоятельства, подлежащие установлению; описание типичных следственных ситуаций и типовых версий; особенности возбуждения уголовного дела и планирования расследования; особенности проведения отдельных следственных действий; вопросы взаимодействия следователя с другими службами; определение мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Материалы и методы исследования

Применительно к экстремизму в киберпространстве данная структура модифицируется с учетом цифровой специфики. В частности, криминалистическая характеристика должна включать описание технических способов совершения преступлений, особенностей цифрового следообразования, характеристику личности киберэкстремистов и специфику онлайн-сообществ [4].

Системный подход к формированию комплекса криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве предполагает рассмотрение данного комплекса как единой системы взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию в общем процессе расследования [5].

Системообразующим фактором выступает специфика объекта исследования – преступления экстремистской направленности, совершаемые в киберпространстве. Данная специфика определяет необходимость интеграции различных методов и подходов, включая традиционные криминалистические методы, методы цифровой криминалистики, лингвистического анализа, психологического исследования и технического анализа.

Расследование экстремистских преступлений в киберпространстве требует привлечения экспертов различных специальностей, что обуславливает необходимость интеграции их методов и результатов работы.

Компьютерно-техническая экспертиза обеспечивает исследование технических аспектов преступления, восстановление удаленных данных, анализ системных логов и метаданных.

Лингвистическая экспертиза осуществляет анализ содержания текстовых материалов на предмет наличия признаков экстремизма, исследует семантические и прагматические аспекты экстремистского дискурса.

Психологическая экспертиза изучает психологические механизмы воздействия экстремистских материалов, исследует личность правонарушителей и жертв экстремистского воздействия.

Комплексный характер методик обусловлен многоаспектностью объекта исследования. Экстремистские преступления в киберпространстве одновременно являются:

- преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка;
- преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- преступлениями, связанными с распространением определенного контента;
- преступлениями, имеющими идеологическую мотивацию.

Каждый из этих аспектов требует применения специфических методов исследования, что обуславливает необходимость комплексного подхода к формированию методик расследования.

Комплекс криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве включает несколько взаимосвязанных компонентов, каждый из которых имеет специфическое назначение и область применения.

Данный компонент включает методы выявления, извлечения, фиксации и анализа цифровых следов экстремистской деятельности в различных сегментах киберпространства. Цифровые следы представляют собой значимую с точки зрения криминалистики информацию

о событиях или действиях, зафиксированную в материальной среде на этапах ее создания, обработки, хранения и передачи.

К основным видам цифровых следов экстремистской деятельности относятся:

- текстовые материалы экстремистского содержания;
- графические изображения и видеоматериалы;
- метаданные файлов и системная информация;
- логи серверов и сетевого оборудования;
- данные о коммуникациях в социальных сетях и мессенджерах;
- информация о финансовых операциях.

Методики данного компонента должны учитывать особенности различных технических платформ, протоколов передачи данных, способов шифрования и анонимизации, применяемых экстремистскими группировками [6].

Содержательный анализ экстремистских материалов представляет собой комплекс методов исследования семантического, лингвистического и психологического содержания информации, распространяемой в киберпространстве с экстремистскими целями.

Данный компонент включает:

- лингвистические методы анализа текстов на предмет наличия признаков экстремизма;
- психолингвистические методы исследования воздействующего потенциала материалов;
- семиотический анализ символов и изображений;
- контент-анализ больших массивов данных;
- методы автоматизированного мониторинга экстремистского контента.

Особое значение имеют методы выявления скрытых форм экстремистской пропаганды, замаскированной под обычную социально-политическую деятельность или религиозное просвещение [7].

Данный компонент направлен на изучение личностных характеристик лиц, совершающих экстремистские преступления в киберпространстве, анализ их поведенческих паттернов и социальных связей.

Методики включают:

- профайлинг личности экстремистов на основе анализа их цифровой активности;
- исследование процессов онлайн-радикализации;
- анализ структуры и динамики экстремистских онлайн-сообществ;

- изучение механизмов вербовки и индоктринации в виртуальной среде;
- психологический анализ мотивации экстремистской деятельности.

Организационно-тактический компонент включает методы планирования и проведения следственных действий с учетом специфики киберпространства.

Основные элементы данного компонента:

- методики организации взаимодействия с различными службами и ведомствами;
- тактические приемы производства следственных действий в цифровой среде;
- методы обеспечения конфиденциальности и безопасности расследования;
- организация международного сотрудничества при расследовании трансграничных преступлений;
- координация оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Построение эффективного комплекса криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве должно основываться на ряде принципиальных положений, обеспечивающих его научную обоснованность и практическую применимость.

Данный принцип предполагает рассмотрение комплекса методик как единой системы взаимосвязанных элементов, направленных на решение общих задач расследования [8]. Системность обеспечивается за счет единства методологических подходов, согласованности различных компонентов и их взаимодополняемости.

Комплексность проявляется в интеграции различных научных дисциплин и практических подходов: традиционной криминалистики, цифровой криминалистики, лингвистики, психологии, информационных технологий, международного права [9].

Результаты и обсуждения

Киберпространство характеризуется высокой динамичностью развития технологий, появлением новых платформ и сервисов, эволюцией методов совершения преступлений [10]. Комплекс методик должен обладать способностью к адаптации к изменяющимся условиям и постоянному обновлению.

Это требует создания гибких методических рамок, позволяющих включать новые методы и технологии по мере их появления

и аprobации, а также механизмов оперативного реагирования на новые угрозы и способы совершения преступлений.

Все компоненты комплекса должны базироваться на научно проверенных методах и подходах. Это предполагает использование апробированных криминалистических методов, валидных психологических методик, сертифицированных технических средств и экспертных методов исследования.

Научная обоснованность обеспечивается также через систематическое изучение и обобщение практики применения методик, проведение эмпирических исследований их эффективности и корректировку на основе полученных результатов [11].

Комплекс методик должен быть ориентирован на практическое применение сотрудниками правоохранительных органов в реальных условиях расследования [12]. Это предполагает учет ресурсных ограничений, уровня подготовки кадров, доступности технических средств и других практических факторов.

Выводы

Комплекс криминалистических методик расследования экстремизма, совершающегося в киберпространстве, представляет собой динамично развивающуюся систему научно-практических знаний, требующую постоянного совершенствования в соответствии с изменяющимися технологическими и социальными условиями. Его эффективная реализация возможна только при условии комплексного подхода, объединяющего усилия различных специалистов, служб и ведомств на основе современных научных достижений и с соблюдением принципов законности и защиты прав человека.

Структурная организация комплекса криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве должна обеспечивать логическую последовательность применения различных методов и их оптимальное сочетание в процессе расследования. Эффективность комплекса криминалистических методик расследования экстремизма в киберпространстве во многом определяется качеством интеграции различных методов и подходов, заимствованных из различных научных дисциплин и практических сфер деятельности. Методики должны быть изложены в доступной форме, снабжены практическими рекомендациями и примерами применения, а также предусматривать различные уровни сложности в зависимости от квалификации исполнителей.

Список литературы:

1. Бессонов А. А. О некоторых направлениях совершенствования криминалистического обеспечения расследования киберпреступлений / А. А. Бессонов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 2(44). – С. 31–37.
2. Ложис З. З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 178–193
3. Кириленко В. П., Хлутков А.Д., Алексеев Г. В. Методология борьбы с экстремизмом в киберпространстве: опыт Шанхайской организации сотрудничества. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. 2023;17(4):29-42.
4. Козырева Ирина Евгеньевна, Волчецкая Татьяна Станиславовна, Криминалистические и психологические аспекты криминальных ситуаций религиозного экстремизма, Юридическое образование и наука № 12/2024
5. Чиненов Е. В. Общие и специальные задачи, принципы и информационные основы частной криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры / Е. В. Чиненов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2022. – № 1(35). – С. 166-174.
6. <https://conf.siblu.ru/aktualnye-problemy-rassledovaniya-ekstremistskih-prestupleniy-sovershaemyh-v-globalnoy-seti-internet> (дата обращения: 04.08.2025)
7. Баstrykin A. I. Развитие цифровой инфраструктуры образовательного процесса в системе Следственного комитета Российской Федерации: риски глобальной виртуализации для молодого поколения / A. I. Баstrykin // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2022. – № 1(35). – С. 9–13.
8. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremenennaya-doktrina-metodiko-kriminalisticheskogo-obespecheniya-rassledovaniya-otdelnyh-vidov-prestupleniy> (дата обращения: 25.08.2025).
9. Морозов Р. М. Особенности применения технико-криминалистических средств следователем (дознавателем) при производстве допроса в следственном изоляторе / Р. М. Морозов, Д. Ю. Волков // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 3(39). – С. 48-53.

10. <https://alldetectives.ru/crime/obshchie-polozheniya-kriminalisticheskoy-taktiki/taktika-sledstvennogo-dejstviya.html> (дата обращения: 19.08.2025)
11. Харченко С. В. Типичные следственные ситуации и их влияние на информационное обеспечение расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением лиц / С. В. Харченко, Г. И. Ярошенко // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 3(45). – С. 131–137.
12. Хатунцев Н.А. Актуальные направления судебной экспертизы информационных технологий // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13 № 1. С. 121–124

3.5. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АВТОНОМИЯ ВОЛИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВА, ПРИМЕНИМОГО К ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Басырова Нелли Азатовна

студент

*Институт прокуратуры,
Саратовская государственная
юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

Дёрина Диана Максимовна

студент

*Институт прокуратуры,
Саратовская государственная
юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

AUTONOMY OF THE WILL IN DETERMINING THE LAW APPLICABLE TO OBLIGATIONS ARISING FROM TORTS

Basyrova Nellie Azatovna

Student

*Institute of Public Prosecutor's Office
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Derina Diana Maksimovna

Student

*Institute of Public Prosecutor's Office
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Аннотация. В современном мире объем трансграничных взаимодействий возрастает в результате глобализации гражданского оборота. Последствием данного факта выступают высокие риски возникновения охранительных обязательств, что делает необходимым применение

деликтных компенсаторных механизмов. Главный вопрос, который требует разрешения, выражается в определении права, подлежащего применению к деликтным обязательствам.

Abstract. In today's world, the volume of cross-border interactions is increasing as a result of the globalization of civil circulation. This leads to a high risk of the emergence of protective obligations, necessitating the use of tort compensation mechanisms. The main issue that requires resolution is the determination of the law to be applied to tort obligations.

Ключевые слова: автономия воли, деликтные обязательства, возмещение вреда, причинение вреда, гражданский оборот.

Keywords: autonomy of will, tort obligations, compensation for damage, causing damage, civil circulation.

Обязательства из причинения вреда занимают особое место в гражданско-правовых отношениях, особенно в условиях современного развития трансграничных связей, когда такие отношения нередко осложнены иностранным элементом. В этих случаях ключевым вопросом становится определение права, подлежащего применению к деликтным обязательствам. От выбора применимого права напрямую зависят основания и пределы ответственности, размер возмещения вреда, а также правовые последствия действия. Международное частное право предусматривает систему коллизионных норм, направленных на установление связи между конкретным обязательством и правом того или иного государства. При этом важную роль играет институт автономии воли сторон, позволяющий участникам правоотношений самостоятельно определять применимое право [5, с. 240]. Однако специфика деликтных обязательств, возникающих не из договора, а вследствие правонарушения, вызывает вопрос о допустимости и пределах реализации автономии воли в этой сфере.

В соответствии со ст. 1219 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для требования о возмещении вреда. В случае, когда в результате такого действия или иного обстоятельства вред наступил в другой стране, может быть применено право этой страны, если причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть наступление вреда в этой стране [1].

Если стороны обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, имеют место жительства или основное место деятельности в одной и той же стране, применяется право этой страны. Если стороны

данного обязательства имеют место жительства или основное место деятельности в разных странах, но являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, применяется право этой страны.

Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, тесно связано с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к такому договору.

Автономия воли является фундаментальным принципом международного частного права, обеспечивающим предсказуемость и стабильность гражданского оборота. Она означает право сторон выбрать право, регулирующее их отношения [3, с. 141]. В российском праве данный принцип закреплён в статье 1210 ГК РФ, однако её прямое действие распространяется, прежде всего, на договорные обязательства. В деликтных же отношениях автономия воли имеет ограниченный характер, что объясняется особенностями самих обязательств из причинения вреда. Как правило, они возникают внезапно, без предварительного согласования воли сторон, что делает невозможным заблаговременный выбор применимого права [2, с. 302]. В то же время законодательство допускает возможность выбора применимого права после возникновения обязательства.

Так, статья 1223.1 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что после возникновения обстоятельств, повлекших причинение вреда, стороны могут договориться о применении права суда. Это положение является формой реализации автономии воли в деликтных обязательствах, но в строго ограниченных рамках. Стороны не могут выбрать любое право произвольно – выбор ограничен правом страны суда, рассматривающего спор. Таким образом, автономия воли проявляется не как возможность свободного выбора любого правопорядка, а как способ урегулировать спор с учётом процессуальной предсказуемости и удобства.

Думается, что, несмотря на редкость достижения соглашений в области причинения вреда или кондикционных обязательств, они всё же возможны. Но и здесь важно соблюдать два условия диспозитивности: отношение уже должно быть относительным, т. е. определены конкретные стороны (причинитель вреда – потерпевший и т. п.), а также отношение не должно сказываться на третьих лицах. Можно только положительно оценить тот факт, что законодатель прямо их зафиксировал в ст. 1223.1 ГК РФ, установив, что выбор права следует совершать только

после возникновения факта причинения вреда или обогащения и без ущерба для остальных участников оборота [4, с. 305].

При этом российское законодательство устанавливает ряд императивных ограничений автономии воли. Во-первых, соглашение о выборе права не может нарушать императивные нормы права, которые подлежат применению независимо от воли сторон. К таким нормам относятся, например, правила о минимальных гарантиях защиты прав потерпевшего [6, с. 488]. Во-вторых, не допускается применение иностранного права, если его содержание противоречит основам правопорядка Российской Федерации (публичному порядку). Эти ограничения призваны предотвратить злоупотребления и защитить слабую сторону – потерпевшего, который нередко оказывается в менее выгодном положении по сравнению с причинителем вреда. Кроме того, недопустимы соглашения, заключённые заранее и направленные на исключение или ограничение ответственности причинителя вреда, если это противоречит императивным нормам права страны, где наступили последствия правонарушения.

Таким образом, автономия воли сторон при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда, признаётся, но имеет ограниченный и вспомогательный характер. Она возможна лишь после возникновения самого обязательства, выражается в праве сторон выбрать право суда, рассматривающего спор, и не может нарушать императивные предписания национального законодательства, нормы общественного порядка и права потерпевшего. Такой подход представляется сбалансированным, поскольку сочетает свободу усмотрения сторон с необходимостью обеспечения защиты интересов потерпевшего и стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4933.
2. Дегтерев А. О. Способы реализации принципа автономии воли в международных частных отношениях // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). С. 299-306.
3. Мовсисян А. Т. Автономия воли в международном частном праве // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 3. С. 140-147.
4. Поротиков А. И., Поротикова О. А. Автономия воли при выборе применимого права в отношениях, осложненных иностранным элементом: отдельные противоречия законодательства и проблемы правоприменения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 301-308.

5. Шаравина Д. А. Сущность автономии воли сторон в международном частном праве // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 239-247.
6. Шушняева А. В. Законодательное регулирование принципа автономии воли в международном частном праве и его применение в правоприменительной практике // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Том Часть 3. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. С. 487-491.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Корнеев Павел Сергеевич

аналитик

Международного центра компетенций «АйПи»,
Российская государственная
академия интеллектуальной собственности,
РФ, г. Москва

Аннотация. В статье автор анализирует характер экономической интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в историческом и правовом аспекте. Отмечено, что природа интеграционных процессов выстроена на основе многолетнего соседства. Хозяйственных связей и общей истории. Также отмечаются основные группы сложностей для дальнейшего развития процессов интеграции двух стран. Автор делает вывод о высокой перспективе текущего вектора международного сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: Союзное государство, экономическая интеграция, Россия, Беларусь, межгосударственные объединения

Подготовлено в рамках НИР 6-Г3-2025 «Правовое обеспечение и экономическое содействие жизнеспособности инноваций в условиях современных интеграционных процессов» в ФГБОУ ВО РГАИС

Союзное государство России и Беларусь – это «интеграционный проект России и Белоруссии, который реализуется с 2000 год» [1] в форме договорной федерации». В отличие от многих федеративных

моделей устройства государств, такой формат продиктован многолетними дружескими, хозяйственными и историческими связями России и Беларуси.

Утверждение о том, что в силу этого «экономические связи между Россией и Беларусью имеют долгую историю и остаются важным аспектом их отношений» [2] является не только констатацией факта, но и маркером сильных взаимосвязей между странами.

Союзное государство России и Беларуси возникло непосредственно в постсоветский период и является результатом нескольких лет переговоров и официальных соглашений между обеими странами. Переговоры по ним велись в основном между президентом России Б.Н. Ельциным и президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко с 1995 по 1999 год.

Правовая основа Союзного государства заключается в ряде международных договоров, которые сопровождаются множеством более конкретных двусторонних соглашений. Первый значительный шаг в процессе интеграции был сделан в 1995 году, вскоре после того как А.Г. Лукашенко стал президентом Белоруссии, Москва и Минск подписали «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» [3], который стремился к «углублению экономической интеграции» и формированию «единого экономического пространства», а также к координации военной деятельности между двумя странами. В 1996 году обе страны подписали Договор о создании Сообщества России и Беларуси [4], которая стремилась к дальнейшей интеграции в экономической и гуманистической сферах, а также к сотрудничеству в области внешней политики, безопасности, охраны границ и предупреждения преступности посредством формирования политического и экономического «сообщества».

В целом и далее, под интеграцией мы будем понимать «сближение и объединение компаний, отраслей, регионов, стран, углубление их взаимодействия на основе различных видов и форм разделения и комбинации труда, производства, ведения бизнеса, развития специализации и кооперации. Интеграция – одна из основных тенденций мирового трансформационного процесса в индустриальную и постиндустриальную эпохи»[5].

К 1999 году указанными странами был достигнут новый уровень сотрудничества, в сфере обороны и внешнеполитического курса, вопросов совместного гражданства, общего рынка товаров, работ и услуг, капитала и рабочей силы.

Достигнутые успехи и дальнейшие перспективы развития[9] завершились подписанием Договора о создании Союзного государства [6], подписанный 8 декабря 1999 года. Договор был успешно ратифицирован

Государственной Думой России и Белорусским Парламентом 22 декабря 1999 года и 26 января 2000 года, соответственно.

Хотя обе страны стремились представить ратификацию этих договоров как толчок интеграционным процессам вперед, многие правовые положения – особенно в политической и экономической сферах носили чисто декларативный и символический характер по своей природе. Множество экономических и политических планов либо так и не были реализованы (например, валютный союз, общий энергетический рынок, совместная конституция), либо были отменены вскоре после реализации (например, при создании Таможенного союза [7]).

При этом, стоит отметить, сохраняются группы рисков.

В числе таковых будет санкционное давление западных странна Россию и Республику Беларусь, разница экспортного потенциала стран и доступа к энергоресурсам, а также внешнеполитическая нестабильность заставляют корректировать даже самые позитивные сценарии ближайшего будущего.

Непросто складываются отношения с Восточноевропейскими странами, особенно с сопредельными с Республикой Беларусь, входящими в ЕС и блок НАТО. Несмотря на недавние усилия по диверсификации, белорусская торговля остается в значительной степени, концентрированной: 37% товаров и услуг экспортируется в Россию и 30% – в ЕС (до начала 2022 года) [9].

Большая часть успеха в диверсификации была достигнута за счет торговли услугами, есть интерес к выходу Беларуси на рынок другого стратегического партнера России – Китая, несмотря на колоссальное расстояние между странами.

На сегодня уже достигнуты весьма значимые результаты в интеграции. Промежуточные итоги характеризуются как весьма позитивные, с оглядкой на всю ретроспективу сотрудничества, характеризуются как «не-бывало высокие». «Впереди у России и Беларуси новые вызовы – страны активно работают над повышением уровня импортозамещения, а также профильными программами в различных сферах промышленности, включая наукоемкие сферы» [8].

Беларусь имеет многочисленные экономические связи с Россией, и она зависит от российского рынка как основного направления своего экспорта, от поставок российского газа для обеспечения энергетической безопасности, и от российского финансирования для обеспечения устойчивости государственного долга. Россия также остается приверженной экономической поддержке Беларуси в условиях продолжающегося политического кризиса, в то же время изучая возможности для получения своих экономических выгод.

Список литературы:

1. Союзное государство России и Белоруссии – цель и история создания URL: <https://www.rbc.ru/base/17/09/2024/66e9a9269a794757a75f9cc> (дата обращения: 20.11.2025)
2. Шведков И. А. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ // Вестник науки. 2024. №5 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-mezhdu-rossiyskoy-federatsiey-i-respublikoy-belarus> (дата обращения: 20.11.2025).
3. «Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» (Подписан в г. Минске 21.02.1995) // Собрание законодательства РФ. 18 марта 1996 г. N 12. Ст. 1040.
4. «Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии» (Подписан в г. Москве 02.04.1996) // Таможенные ведомости. 1996. N 7.
5. Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/integratsii-a-v-ekonomike-eb2esa> (дата обращения: 05.12.2025)
6. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 "О создании Союзного государства" // "Российская газета", N 21, 29.01.2000.
7. "Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь" (Заключено в г. Минске 06.01.1995) // "Собрание законодательства РФ", N 45, ст. 5057, 04.11.1996.
8. Союзное государство: уникальный пример экономической интеграции // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22663597> (дата обращения: 05.12.2025)
9. Bob Deen, Barbara Roggeveen, Wouter Zweers, Ramifications of further integration between Belarus and Russia, Clingendael Report, 2021

**ОТ ПРОЦЕДУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
К ГУМАНИТАРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: МPIA
КАК ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПРАВ МАЛЫХ
И РАЗВИВАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ В МИРОВОЙ
ТОРГОВЛЕ**

Чжасо Жуньфэн

магистрант

ФГБОУ ВО Российской академия

народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации,

РФ, г. Москва

**FROM PROCEDURAL EFFICIENCY TO HUMANITARIAN
JUSTICE: MPIA AS AN INSTITUTION
FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF SMALL
AND DEVELOPING STATES IN GLOBAL TRADE**

Zhao Runfeng

Master's Student

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу многостороннего временного апелляционного арбитражного соглашения (MPIA) как инструмента, предназначенного обеспечить не только процедурную эффективность, но и гуманистическую справедливость в мировой торговле. Цель исследования – выявить противоречие между операционной эффективностью MPIA и его плуритеральной «клубной» природой, ограничивающей доступ малых и развивающихся стран к механизмам формирования справедливых правил. На основе сравнительного анализа доказано, что институциональные ограничения MPIA провоцируют стратегический сдвиг в сторону регионализации механизмов разрешения споров.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Multilateral Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) as an instrument designed to ensure not only procedural efficiency but also humanitarian justice in world trade. The purpose of the study is to identify the contradiction between the MPIA's operational efficiency and its plurilateral "club" nature, which limits the access of small and developing countries to mechanisms for forming fair

rules. Based on a comparative analysis, it is proven that the institutional limitations of the MPIA provoke a strategic shift towards the regionalization of dispute settlement mechanisms.

Ключевые слова: MPIA; ВТО; Апелляционный орган; разрешение споров; развивающиеся страны; гуманитарная справедливость; плюрилатерализм; регионализация торгового права.

Keywords: MPIA; WTO; Appellate Body; dispute settlement; developing countries; humanitarian justice; plurilateralism; regionalization of trade law.

Паралич Апелляционного органа (АО) Всемирной торговой организации (ВТО) в 2019 году, ставший следствием блокировки США назначения новых арбитров [5, с. 51; 6, р. 37], ознаменовал не просто институциональный сбой, а глубочайший кризис многосторонней торговой системы. Этот кризис создал особенно серьезные риски для малых и развивающихся экономик, чья возможность отстаивать свои интересы традиционно зависела от доступа к обязательному и предсказуемому механизму разрешения споров. В качестве ответа группа государств-членов ВТО инициировала создание Многостороннего временного апелляционного арбитражного соглашения (MPIA), основанного на Статье 25 Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров (DSU) [5, с. 54]. Несмотря на то, что в научной литературе MPIA признается технически эффективным плюрилатеральным инструментом [4], одновременно звучит критика в адрес его «клубного» характера, ведущего к фрагментации правового поля ВТО [1, с. 23–24]. Однако дискуссия остается сосредоточенной преимущественно на процедурных аспектах, тогда как принципиальный вопрос о способности MPIA стать институтом, обеспечивающим не просто эффективность, но и гуманитарную справедливость для наиболее уязвимых участников мировой торговли, изучен недостаточно. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел, проведя комплексную оценку MPIA как потенциального инструмента защиты прав малых и развивающихся государств и выявив долгосрочные системные последствия его существования для глобального экономического правопорядка.

Методологическую основу работы составляет сравнительно-правовой анализ, позволяющий сопоставить ключевые характеристики MPIA и постоянного Апелляционного органа ВТО. Для изучения динамики кризиса применяется хронологический метод, а для оценки системного влияния соглашения – системный подход. Анализ практики MPIA (дел DS583, DS591) и формулирование выводов о будущих трендах опирается на аналитические и прогнозистические методы.

Источниковую базу формируют нормативные документы ВТО, материалы практики MPIA, а также научные публикации, посвященные кризису системы разрешения споров и регионализации торгового права.

Проведенный анализ подтверждает, что MPIA продемонстрировал высокую процедурную дисциплину, успешно внедрив строгие сроки рассмотрения, лимиты на объем документов и сжатые итоговые решения, что позволило укладываться в 90-дневный срок, как показали дела «Турция – Фармацевтическая продукция» (DS583) и «Колумбия – Замороженный картофель фри» (DS591) [5, с. 55; 4]. Теоретически такая эффективность сокращает издержки и может быть выгодна развивающимся странам. Однако эта техническая работоспособность служит интересам лишь узкого круга участников соглашения, маскируя более глубокие системные изъяны. Суть этих изъянов заключается в самой плюрилateralной природе MPIA, которая системно противоречит принципам гуманитарной справедливости. «Клубный» характер соглашения, объединяющего лишь 57 членов ВТО и исключающего таких ключевых игроков, как США, Индия, Россия и ЮАР, создает де-факто двухуровневую систему правосудия, где доступ к апелляционному пересмотру зависит от членства в добровольном объединении [1, с. 24–25]. Это рождает правовую асимметрию и является формой дискриминации, отрицающей принцип суверенного равенства всех членов ВТО [6, р. 33]. Более того, MPIA принципиально лишен правотворческой функции, которая составляла главную ценность АО. Решения MPIA, обязательные только для сторон конкретного спора и не создающие прецедентов [6, р. 39], блокируют механизм эволюции универсального торгового права, лишая малые страны возможности опираться на устоявшиеся толкования в защите своих интересов [2, с. 115–117].

Неспособность MPIA предложить универсальное и справедливое решение закономерно провоцирует стратегическую переориентацию исключенных или неудовлетворенных государств. Наблюдается четкий тренд на регионализацию механизмов разрешения споров. Страны, не входящие в MPIA, как, например, Россия, активизируют развитие соответствующих инструментов в рамках Евразийского экономического союза и БРИКС [1, с. 26]. Показательно, что даже участники MPIA параллельно активно используют процедуры своих региональных торговых соглашений [3, с. 109]. Таким образом, MPIA, будучи реакцией на кризис глобальных институтов, сам становится катализатором дальнейшей фрагментации, подталкивая страны к созданию «нишевых» правовых пространств, что, с одной стороны, может лучше учитывать их специфику, а с другой – ведет к усложнению и раздробленности глобального регулирования.

В заключение следует подчеркнуть, что научная новизна данного исследования заключается в рассмотрении МПА через призму концепции гуманитарной справедливости, что позволило выйти за рамки сузубо процедурной оценки. Теоретическое значение работы состоит в подтверждении гипотезы о том, что плюрилateralные механизмы, даже демонстрирующие операционную эффективность, не могут служить адекватной заменой универсальным институтам в обеспечении справедливости для всех участников системы. Основные выводы сводятся к следующему: во-первых, процедурные достоинства МПА обслуживают интересы ограниченной группы, углубляя раскол внутри ВТО; во-вторых, плюрилateralная и непрецедентная природа соглашения делает его институционально непригодным для защиты интересов малых и развивающихся экономик; в-третьих, эта неспособность ускоряет стратегический сдвиг в сторону регионализации как pragматичного ответа на дефицит легитимности глобальных институтов. Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе конкретных моделей региональных механизмов и их роли в формировании новой, по-лицензионной архитектуры международного торгового права.

Список литературы:

1. Бирюкова О.В., Тихоновский Г.А. «Клубные» договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2025. – № 1. – С. 13–26.
2. Лукина Л.С. Правовое регулирование национального режима в соглашениях, принятых в рамках ВТО, его толкование при рассмотрении торговых споров // Труды факультета международных отношений БГУ: науч. сб. Вып. 5 / редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2014. – С. 115–119.
3. Трунк-Федорова М.П. Разрешение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? // Международное правосудие. – 2019. – № 3 (31). – С. 102–113.
4. Чжэн Юньсинь, Ло Се. Краткий анализ альтернативы урегулирования споров в ВТО – соглашения о многостороннем временном апелляционном арбитраже // Современное право. 2024. URL: <https://web.wtocenter.org.tw/Page/13222/396233> (дата обращения: 10.11.2025) – Кит. яз.
5. Ян Гохуа. Кризисный процесс и перспективы развития Апелляционного органа ВТО // Журнал международной торговли и права. – 2023. – № 3. – С. 37–58. – Кит. яз.
6. Zwolankiewicz A. The WTO Appellate Body Crises: Can the Crisis Be Cured? // IUS Law Journal. – 2022. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 30–46.

3.6. СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Олифиренко Екатерина Павловна

канд. полит. наук, доц.,

Северо-Кавказская государственная академия,

РФ, г. Черкесск

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE OBJECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Oliferenko Ekaterina Pavlovna

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,

North Caucasus State Academy,

Russia, Cherkessk

Аннотация. В рамках настоящей статьи автором рассмотрена проблематика определения объектов надзора в сфере безопасности дорожного движения. В ходе исследования рассмотрены мнение ученых по заявленной проблеме. В заключении формулируется авторское понимание объектов прокурорского надзора в сфере безопасности дорожного движения.

Abstract. In this article, the author examines the problem of defining the objects of supervision in the field of road safety. The study examines the opinions of scientists on this issue. In conclusion, the author formulates his own understanding of the objects of prosecutorial supervision in the field of road safety.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, надзорная деятельность, организации, учреждения, поднадзорные объектов.

Keywords: prosecutor's office, prosecutorial supervision, supervisory activities, organizations, institutions, supervised objects,

Уровень травматизма, характеризующий состояние аварийности в системе транспортной безопасности, как правило сопровождается огромными потерями как морального, так и материального характера не только для отдельной личности, но и для всего общества в целом. В результате, мы имеем дело не только с устранением субъекта трудоспособного возраста из системы трудового взаимодействия, но и нарушение общего функционирования системы гражданско-правовых отношений. В этих условиях нельзя не отметить возрастающее значение прокурорской деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Анализируя статистическую информацию о количестве выявляемых прокурорами нарушений законодательства за 2024 год, можно отметить следующее: «в 2024 году выявлено более 232 тыс. нарушений в сфере безопасности дорожного движения, в целях их устраниния опротестовано 33 тыс. незаконных правовых актов, внесено почти 55 тыс. представлений, в суд направлено 35 тыс. исковых заявлений. После прокурорского вмешательства более 31 тыс. должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности, порядка 5 тыс. лиц – к административной. По материалам прокурорских проверок возбуждено более 330 уголовных дел. За прошлые годы количество выявленных нарушений в сфере безопасности дорожного движения возросло: за весь 2019 год прокуратура выявила более 177 тыс. нарушений в этой сфере, в первом полугодии 2021 года – около 126 тыс. нарушений» [5, с. 12].

Законодательной базой определен спектр организаций и учреждений, на которые распространяется надзорная деятельность органов прокуратуры. Так, согласно содержанию ст. 21 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации к ним относятся: «федеральные органы исполнительной власти, Следственный комитет Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральных территорий, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, их должностные лица, субъекты осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций» [6].

Стоит отметить, что теоретической наукой не выработано единого понимания объекта прокурорского надзора. Не разделяя позиции данной группы ученых, считаем возможным отметить, что отдельные научные склонны «отождествлять содержание таких понятий как «объект надзора» и «предмет надзора» [4, с. 91]. Поэтому считаем

целесообразным проанализировать содержание тех мнений, которые не противоречат общепризнанным нормам.

Так, ряд отечественных правоведов «государственные органы, учреждения, организации, органы местного самоуправления, а также деятельность, связанную с исполнением законов» [1, с. 17], либо «совокупность юридических и физических лиц, органов власти и хозяйствования, на которые распространяется компетенция прокуратуры» [3, с. 12] относят к поднадзорным объектам.

Самостоятельными объектами надзора, имеющими специфическое содержание в рамках исследуемой отрасли надзора, могут выступать:

- саморегулируемые организации, которые в области обеспечения безопасности дорожного движения могут быть представлены профессиональными объединениями страховщиков;
- государственные корпорации и государственные компании, осуществляющие детальность по строительству и реконструкции транспортной сети автомобильных дорог, например, таких как компания «Российские автомобильные дороги», получающие финансирование из федерального бюджета.

Таким образом, рассмотрев мнение ученых по данной проблеме, мы приходим к мнению, что под *объектами прокурорского надзора* в области обеспечения безопасности дорожного движения можно отнести: «совокупность органов государственного управления (федеральные органы исполнительной власти, законодательные и исполнительные органы субъектов РФ, органы местного самоуправления), организаций коммерческого и некоммерческого характера, их органов управления и руководителей, саморегулируемых организаций, государственных корпораций и компаний, участвующих в системе общественных отношений, возникающих и функционирующих в специально организованном пространстве для перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах транспортной сетке автомобильных дорог.

Б.Б. Ястребовым данное понятие транслируется как «законность действий и актов, указанных в законе органов, организаций и лиц, на которых распространяется надзорная деятельность органов прокуратуры» [7, с. 14].

Учебное направление, представленное пособием «Прокурорский надзор за исполнением законов в области безопасности дорожного движения» выделяет «соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение действующих на территории Российской Федерации законов, регламентирующих отношения в области обеспечения безопасности дорожного движения» [2, с. 55] в качестве предмета данного направления.

Д.И. Барабаш приходит к выводу, о том, что предметом надзора в рассматриваемой сфере является «соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение действующих на территории Российской Федерации законов, регламентирующих совокупность общественных отношений, возникающих в системе, специально организованной для перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств и без таковых в пределах дорог, включающей в себя социальные и технические элементы, направленные на создание положения максимальной степени защищенности их участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий» [1, с. 18].

Таким образом, в научной сфере превалирует точка зрения, согласно которой именно «соответствие закону правовых актов и точное исполнение законов» отождествляется с предметом прокурорского надзора.

Список литературы:

1. Барабаш Д.И. Организация прокурорского надзора за исполнением законов в сфере безопасности дорожного движения: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Барабаш Дмитрий Иванович; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. – Москва, 2016. С.17.
2. Крючкова Н.В, Паламарчук А.В., Русецкий А.Е. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения: пособие. Мир энциклопедий Аванта+, 2012. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации). С 54.
3. Лозинский О.И. Прокурорская деятельность в области обеспечения безопасности дорожного движения...автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Ростов – на Дону, 2019. С.12.
4. Маматов М. В. Проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав потребителей. Москва, 2019. С. 91.
5. Обзор международных и зарубежных документов стратегического планирования в области обеспечения безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: учебное пособие / К. С. Баканов, А. Д. Гордеева, М. М. Исаев; под общей редакцией Д. В. Митрошина. – Москва: ФКУ "НЦ БДД МВД России", 2025. С.12.
6. Федеральный закон от 17 января 1992 г. №2202-І (в ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366.
7. Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: учебник для академического бакалавриата юридических вузов и факультетов / В. Б. Ястребов, В. В. Ястребов. – Москва: ИКД «Зерцало – М», 2017. – С. 11–15.

ЭКСТРЕМИЗМ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И СУЩНОСТЬ

Рубцов Артем Антонович

магистрант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
филиал, Сибирский институт управления,
РФ, г. Новосибирск

EXTREMISM: APPROACHES TO UNDERSTANDING AND ESSENCE

Rubtsov Artem Antonovich

Master's student,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration, Branch,
Siberian Institute of Management,
Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье рассмотрены точки различные научные под-
ходы к пониманию такого явления как экстремизм. Сделан вывод, что сущ-
ностным признаком экстремизма является опора на идеи неравенства.

Abstract. The article examines various scientific approaches to under-
standing the phenomenon of extremism. It is concluded that the essential fea-
ture of extremism is its reliance on the ideas of inequality.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, ра-
дикализм, девиантное поведение.

Keywords: extremism, extremist activity, radicalism, deviant behavior.

Понятие «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) прочно вошло в лексикон социальных и политических наук, правоведения и публичного дискурса. Однако его содержательная наполненность остается предметом острых дискуссий, что обусловлено как политологической многозначностью, так и зависимостью интерпретаций от конкретного исторического, культурного и государственно-правового контекста. Экстремизм представляет собой не просто набор действий, но комплексную систему взглядов, установок и практик, бросающих вызов сложившимся правовым,

политическим и социальным нормам. Отсутствие универсального, всеми признанного определения создает значительные трудности как для теоретического анализа, так и для правоприменительной практики.

Современное обозначение термина содержится в многогранности исследований, которые в свою очередь проявляются во всевозможных научных публикациях и мнениях известных юристов и учёных.

По мнению П.Д. Фризена, «экстремизм – это деятельность, сопряженная с применением насилия и возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни, ненависти либо вражды, направленная против основ конституционного строя, общественной безопасности, а также против отдельных социальных групп и личностей» [5, с. 186].

Л.В. Савинова определяет экстремизм как «негативное социально-правовое явление, заключающееся в выражении социально патологических крайних взглядов, отражающих различные убеждения, направленные на коренные изменения противоправными, преимущественно насильтственными, мерами сложившихся и устоявшихся общественных отношений в политической, экономической, духовной или социальной сферах либо их отдельных составляющих» [3, с 224-225].

Интересной является точка зрения Можеговой А.А., которая определяет экстремизм как «многоаспектное социально-правовое явление, содержащее в себе не только определенную антисоциальную деятельность, но и одобряющую подобную деятельность идеологию, направленную на формирование в обществе состояния нетерпимости к представителям определенных социальных групп, выделенных на основе установленных законодателем либо определяемых правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела критерiev» [2, с. 105].

Исходя из вышеуказанного, на данный момент в научных кругах не сформировалось однозначного понимания термина «экстремизм»; в научных трудах его трактуют по-разному, и универсальное, всеобъемлющее определение этого понятия отсутствует. Для некоторых исследователей экстремизм представляет собой совокупность норм, оценок и взглядов, в то время как другие видят в нём прежде всего стремление к разрушению существующих социальных систем.

Однако следует отметить, что в Шанхайской конвенции “О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом” от 15 июня 2001 г. содержится первое международное понятие экстремизма: ««Экстремизм» – какое-либо действие, направленное на насильтственный захват власти или насильтственное удержание власти, а также на насильтственное изменение конституционного строя государства, а равно насильтственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них,

и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [4].

Экстремизм как явление возникает не просто так: как почву для развития он может использовать различные условия, такие как социально-экономическое неравенство, где экономические трудности, такие как бедность, безработица и неравенство, могут создавать чувство несправедливости и исключенности среди определенных слоев населения. Таким образом у людей, испытывающих какие-либо экономические трудности, может возникать ощущение, например, что они не нужны государству, что они им игнорируются, ущемляются их права, что в результате делает их более восприимчивыми к радикальным идеям, обещающим богатства и изменения. Экстремистские организации нередко привлекают людей с тяжелой экономической ситуацией, предлагая простые решения сложных экономических вопросов.

Отсутствие доверия к политической власти и чувство беспомощности влияют на усиление радикальных настроений не меньше, чем экономические трудности. Когда люди ощущают, что текущие политики не отражают их интересы, что текущая политическая обстановка их не устраивает или, когда они видят коррупцию и несправедливость в действиях государства, это может способствовать усилению экстремистских идеалов. В таких условиях политический экстремизм может видеться как способ изменить систему "изнутри" или насилиственным путем.

Стремление насаждения определенной идеологии или веры может также привести к развитию радикальных идей у отдельных людей или целых социальных групп. Некоторые экстремистские группы используют религиозные, националистические или другие идеологические идеи для оправдания насилия и натравливания одних социальных групп на другие. Это приводит к разжиганию национальной и даже международной ненависти, порождая конфликты и даже вооруженные столкновения.

Не следует оставлять без внимания индивидуальные психологические особенности, такие как чувство собственной ненужности, страх, неуверенность в себе, желание принадлежать к какой-то группе. Эти личностные черты могут быть сыграть ключевую роль в том, что человек становится уязвим для принятия экстремистских взглядов. Желание быть услышанным или чувство важности в рамках группы также могут способствовать приверженности экстремизму.

В современном обществе есть множество способов распространять экстремистские идеи, но одним из самых проблемных в наше время можно считать технологическое развитие. Современные технологии усиливают способность экстремистских групп распространять свои идеи среди больших масс людей. Социальные сети, онлайн-форумы и

прочие платформы могут использоваться для вербовки, разжигания ненависти и координации действий.

«В этих условиях идеология экстремизма, которая и так становится все более востребованным инструментом разных субъектов экстремизма, находит благоприятную почву для развития, поскольку содержит и решительное «осуждение» настоящих или мнимых виновников возникновения социальных противоречий и одновременно предлагает простые и надежные, а по сути, жестокие пути восстановления справедливости» [1, с. 54].

Экстремизм может проявляться в различных формах в зависимости от поставленных целей и методов, которыми эти цели достигаются. Так, по сферам жизни можно выделить политический, национальный, религиозный, социальный, экологический, спортивный, культурный и другие виды экстремизма. Все они характеризуются тем, что направлены на противопоставление своих интересов интересам других людей или социальных групп, не гнушаясь использования различных акций, в том числе насильтственных.

Таким образом можно сделать вывод, что в научной среде существует множество подходов к пониманию экстремизма и что идеологические основания для формирования в обществе формы насилия между людьми, личностью и государством, а также между государствами, основаны на идее неравенства и достижения «своей» справедливости и правоты, несмотря на истинную причину возникновения экстремистских настроений.

Список литературы:

1. Гаужаева В. А. Понятие идеологии экстремизма. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал – 2016. № 2. С. 53-55.
2. Кузнецов Р. Д. К вопросу о понятии экстремизма в современной юридической науке и законодательстве Российской Федерации. Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ – 2020. № 17. С. 103-111.
3. Лебедев Н. Ю. Социально-политическая и правовая природа экстремизма. Государственная служба и кадры – 2022. № 1. С. 224-226.
4. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: конвенция Содружество стран независимых государств (принята в г. Шанхай 15 июня 2021 г.); ратифицирована Федеральным законом РФ от 10 января 2003 года N 3-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. № 41. Ст. 3947.
5. Фризен, П. Д. К вопросу о понятии и соотношении экстремизма и терроризма в России. Вестник Барнаульского юридического института МВД России – 2020. № 1 (38). С. 186-187.

3.7. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Тюрина Марта Викторовна

юрисконсульт службы сопровождения замещающих
семей ГКУ СО МО СЦ «Преображение»,
структурное подразделение – г.о. Коломна,
РФ, г. Егорьевск

Аннотация. Статья посвящена реализации и защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях Семейного центра помочи семье и детям на территории Московской области. Проведен анализ обращений детей, оставшихся без попечения родителей, к Уполномоченному по защите прав детей за 2022 год.

Ключевые слова: Семейный центр, цели работы Семейного центра, взаимодействие, Уполномоченный по защите прав детей, обращения граждан, инициатива, социальная защита.

Семейный центр «Преображение» стал частью одной из передовых программ Подмосковья. В РФ Подмосковье лидирует в процессах социальной поддержки детей, строительстве жилья и цифровизации государственных услуг. В регионе успешно реализована программа семейных центров. Каждый ребенок в Московской области живет в любящей семье. Для этого все детские дома заменили на семейные центры. Это специальные учреждения, где дети и подростки живут по семейному принципу, а сотрудники центров помогают им научиться жить в семье. Система усыновления в Подмосковье работает эффективно, что большинство детей не находятся в семейном центре больше двух месяцев, а передаются сразу на воспитание родственникам или в приемную семью. Ежегодно в регионе почти 2 тысячи сирот находят родителей. По итогам 2022 года 98% всех детей, оставшихся без попечения родителей, обрели семьи. [4]

В своей деятельности Семейный центр помочи семье и детям руководствуется законодательством Российской Федерации,

законодательством Московской области, Положением о Семейных центрах и Уставом Центра.

Основными целями деятельности Семейного центра являются:

- 1) профилактика социального и вторичного сиротства, безнадзорности и беспризорности, неблагополучия семей с детьми;
- 2) сохранение детей в биологических семьях;
- 3) устройство детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в замещающие семьи;
- 4) обеспечение защиты прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей;

5) адаптация к самостоятельной жизни лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

6) социальное, психологическое и иное сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, их родителей, детей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, замещающих семей, лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя, граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах, а также граждан, принявших на воспитание детей в свои семьи (усыновление, опека, попечительство, приемная семья, детские дома семейного типа), патронатных воспитателей. [3]

Основными задачами Семейного центра являются:

- 1) выявление детей, оставшихся без попечения родителей, содействие их устройству в семью;
- 2) выявление семей, несовершеннолетние члены которых нуждаются в социальных услугах, осуществление их социальной реабилитации, оказание необходимой помощи, исходя из индивидуальных программ социальной реабилитации;
- 3) реализация мер, направленных на восстановление родителей в родительских правах;
- 4) организация работы по сопровождению семей с детьми по участковому принципу с учетом территориальной (в том числе транспортной) доступности социальной помощи и установлением зоны обслуживания и закрепления семей за определенным специалистом участковой социальной службы;
- 5) организация работы по установлению социального патроната и оказанию необходимой помощи детям, признанным в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Московской области нуждающимися в государственной поддержке;

6) оказание социальной поддержки и осуществление мер по адаптации и социализации детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей, до достижения ими возраста 23 лет. [2]

Семейный центр осуществляет свою деятельность во взаимодействии с центральными исполнительными органами государственной власти Московской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области, территориальными структурными подразделениями Министерства социального развития Московской области, осуществляющими деятельность в сферах социальной защиты населения (далее – ТСП), опеки и попечительства (далее – ТООП, реорганизованные в ОУСР), органами, осуществляющими деятельность в сфере образования, государственными и муниципальными образовательными организациями, медицинскими организациями, органами внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также общественными и иными организациями. Защитой прав детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Московской области на уровне Министерства социального развития занимается Уполномоченный по защите прав детей на данный момент Мышонова Ксения Владимировна. Деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов детей, реализации и соблюдения прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Рассмотрение обращений граждан о нарушении прав и законных интересов детей, жалобы на решения или действия (бездействие) органов государственной власти области, органов местного самоуправления и должностных лиц является значимой частью работы Уполномоченного по правам ребенка.

Анализ обращений устных и письменных – часто ложится в основу рекомендаций и предложений по усовершенствованию действующего законодательства и работы госорганов, становится поводом для проведения мониторингов, социальных исследований и разработки специальных проектов и инициатив Уполномоченного. [1]

В 2022 году увеличилось общее количество обращений детей-сирот по поводу нарушения прав и законных интересов, а также выросло количество правовых консультаций граждан по телефону и через социальные сети. Согласно отчету Уполномоченного по защите прав детей в Московской области всего за 2022 год рассмотрено 3 154 обращения. Из них 1 849 – письменных обращений. В два раза выросло число телефонных консультаций: с 599 до 1 131 (увеличение на 53%). Большинство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стали обращаться по телефону, в итоге по их обращениям инициированы проверки.

Социальная защита – это, прежде всего, поддержка и забота о тех, кто больше всего в этом нуждается. Зона особого внимания – дети-сироты, семьи с детьми, особенно многодетные или в которых растут детишки с ограниченными возможностями здоровья. В Подмосковье предусмотрено около 50 мер социальной поддержки для семей с детьми – как региональных, так и федеральных.[1]

В 2022 году Уполномоченному поступило 103 обращения по вопросу оформления и получения социальных пособий, связанных преимущественно с отказом в предоставлении мер социальной защиты от территориальных отделений министерства. Анализ обращений показывает, что основанием для отказа органами социальной защиты населения в предоставлении мер социальной поддержки может служить несколько факторов. Например, отсутствие у заявителей или членов их семьи регистрации по месту жительства в Московской области, совместной регистрации по одному и тому же месту жительства матери и ребенка, или невозможность подтвердить доходы каждого члена семьи, или отсутствие сведений о постоянном проживании на территории Российской Федерации. [1]

Таким образом, Семейный центры, которые существуют в РФ, в том числе и на территории Московской области, это как связующее звено, которое помогает детям – сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, не только реализовать право жить и воспитываться в семье, гарантированное Конституцией РФ, но и всегда иметь возможность защитить себя в случае необходимости (как внутри замещающей семьи, так и по реализации иных интересов, например, в части защиты имущественных прав).

Список литературы:

1. Доклад Уполномоченного по защите прав детей в Московской области за 2022 год. <https://detimo.mosreg.ru/deyatelnost/doklady-upolnomochennogo/ezhegodnye-doklady/28-09-2023-13-50-02-doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-detej>
2. Сиротство в России: проблемы и пути их решения; Москва 2011г.с.35 [www.philanthropy.ru 2013/03\(дата обращения 27.11.23г\)](http://www.philanthropy.ru/2013/03)
3. Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей . Статистика. <http://www.usynovite.ru/statistics/2012/2/>
4. Управление развитием региональной системы социализации детей-сирот тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 13.00.01, доктор педагогических наук Кошман, Сергей Николаевич <https://www.disscat.com/content/upravlenie-razvitiem-regionalnoi-sistemy-sotsializatsii-detei-sirot>

3.8. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВЫЯВЛЕНИЕ, СБОР И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Нгуен Чыонг Занг

полковник полиции,
канд. юрид. наук, ст. преп. Кафедры
юриспруденции Народной полицейской
академии Вьетнама,
Вьетнам, г. Ханой

Аннотация. статья посвящена анализу современного состояния выявления, сбора и использования электронных доказательств по делам о кибермошенничестве. Рассматриваются особенности формирования доказательственной базы в условиях цифровизации преступной деятельности, проблемы процессуального закрепления электронных доказательств и их допустимости в суде.

Ключевые слова: электронные доказательства; кибермошенничество; сбор данных; процессуальное право; цифровые технологии.

Введение

Бурное развитие информационных технологий и цифровая трансформация привели к усложнению ситуации с кибермошенничеством во Вьетнаме. Преступные схемы постоянно совершенствуются – от поддельных сайтов и взлома аккаунтов до использования криптовалют и электронных кошельков для отмывания денег. По данным Министерства общественной безопасности, в 2024 году число жертв составило десятки тысяч, а ущерб – тысячи миллиардов донгов, что подчёркивает высокую общественную опасность этого вида преступлений [12, с. 2].

Электронные доказательства становятся ключевым элементом расследований и судебных процессов по делам о кибермошенничестве. Однако их нематериальный характер, изменяемость и распределённость по различным цифровым средам создают серьёзные трудности для

правоохранительных органов. Несмотря на наличие правовой базы – Уголовно-процессуального кодекса 2015 года [8], Закона об электронных транзакциях 2023 года [1] и Закона о кибербезопасности 2018 года [2], – сохраняются проблемы: несогласованность нормативных актов, технические ограничения, зависимость от зарубежных сервисов и сложность международного сотрудничества. Всё это снижает эффективность расследований и приводит к непризнанию электронных доказательств в суде.

1. Понятие и признаки мошенничества в киберпространстве

Мошенничество в киберпространстве представляет собой общественно опасное деяние, совершающееся с использованием обманых приёмов и цифровых технологий – компьютерных сетей, телекоммуникационных систем, Интернета и иных электронных средств – с целью незаконного завладения имуществом физических или юридических лиц.

Согласно Уголовному кодексу Вьетнама 2015 года (с изменениями и дополнениями 2025 года), такие деяния квалифицируются, с одной стороны, по статье 174 – *мошенничество с целью присвоения имущества*, а с другой – по статье 290, предусматривающей ответственность за *использование компьютерных и телекоммуникационных сетей для присвоения имущества* [2, с. 35]. Таким образом, кибермошенничество сочетает в себе традиционные формы обмана с современными технологиями, обеспечивающими преступникам анонимность и широкий охват.

Преступления данного вида обладают рядом характерных признаков:

Во-первых, им свойственна нематериальная форма и высокая степень анонимности. Преступники используют виртуальные аккаунты, подставные SIM-карты, поддельные IP-адреса, VPN-сервисы и программы шифрования для скрытия личности, что существенно осложняет их выявление и идентификацию [10, с. 58–59].

Во-вторых, способы совершения кибермошенничества отличаются разнообразием и технологической сложностью: фишинг, взлом аккаунтов в социальных сетях, подделка сайтов банков и государственных органов, схемы «виртуальных инвестиций», использование криптовалют и электронных кошельков для легализации преступных доходов [5, с. 102–103].

В-третьих, данные преступления часто носят транснациональный характер. Для их совершения достаточно устройства с доступом в Интернет, что позволяет преступникам действовать за пределами юрисдикции Вьетнама, а жертвами могут становиться лица в других странах. Это делает сбор и использование электронных доказательств во многом зависимыми от международного сотрудничества [9, с. 48].

В-четвёртых, основные следы преступлений существуют в форме электронных данных – сообщений, электронных писем, журналов

соединений, банковских записей и информации об электронных кошельках. Эти данные являются ключевыми доказательствами, однако они легко могут быть изменены или уничтожены, если не обеспечить их своевременное обнаружение и надёжное хранение [6, с. 3].

В-пятых, последствия кибермошенничества особенно тяжкие: они причиняют значительный имущественный ущерб гражданам и организациям, подрывают доверие общества к цифровой среде, тормозят процесс цифровой трансформации и создают условия для развития сопутствующих преступлений – отмывания денег и финансирования терроризма.

2. Роль электронных доказательств в делах о кибермошенничестве

Электронные доказательства играют ключевую роль в делах о кибермошенничестве, поскольку все преступные действия совершаются и фиксируются в цифровой среде. Они позволяют установить способ совершения преступления, личность и местонахождение злоумышленника, а также движение похищенных средств.

Цифровые данные – переписка, журналы входа, банковские транзакции, блокчейн-записи – помогают проследить причинно-следственные связи между действиями преступника и ущербом потерпевшего. При надлежащем хранении электронные доказательства обладают высокой объективностью и достоверностью, что усиливает убедительность выводов следствия и суда.

Вместе с тем их доказательственная сила зависит от соблюдения процессуальных требований к сбору, хранению и проверке подлинности. Нарушение этих условий может привести к признанию доказательств недопустимыми. Поэтому эффективная работа с электронными доказательствами требует от правоохранительных органов наличия квалифицированных специалистов, современного технического оснащения и чёткой правовой регламентации.

3. Текущее состояние выявления, сбора и использования электронных доказательств в делах о кибермошенничестве во Вьетнаме

Процесс выявления электронных доказательств по таким делам сталкивается с серьёзными трудностями. Преступники активно применяют технологии сокрытия – подставные SIM-карты, виртуальные аккаунты, VPN, средства сквозного шифрования, что делает затруднительным отслеживание действий и идентификацию лиц. Во многих случаях данные быстро удаляются, изменяются или рассредоточены по разным платформам, что создаёт риск их утраты и фальсификации.

Сбор электронных доказательств также осложнён рядом факторов. Хотя Уголовно-процессуальный кодекс 2015 года и Закон об электронных транзакциях 2023 года признают электронные данные самостоятельным источником доказательств, процессуальные механизмы их получения и проверки остаются недостаточно урегулированными. На практике в большинстве территориальных подразделений отсутствуют современные цифровые лаборатории и технические средства восстановления данных, что затрудняет эффективную работу следствия. Значительные объёмы информации, достигающие терабайт, невозможно обработать вручную, а получение данных от иностранных поставщиков связано с длительными процедурами международной правовой помощи.

Даже после включения в материалы дела электронные доказательства не всегда признаются судом допустимыми. Согласно отчётам Верховного народного суда, до 15 % представленных электронных доказательств по делам о кибермошенничестве отклоняются из-за сомнений в их подлинности или нарушений при их получении. Отсутствие единых технических стандартов и механизмов судебного контроля за обращением с персональными данными снижает доказательственную силу и вызывает обеспокоенность возможными нарушениями права на неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, несмотря на возрастание роли электронных доказательств в расследовании кибермошенничества, процесс их выявления, сбора и использования во Вьетнаме по-прежнему сталкивается с многочисленными проблемами – правовыми, техническими и организационными. Решение задач подобного рода требует комплексного подхода, совершенствования законодательства, укрепления международного сотрудничества и повышения технической оснащённости правоохранительных органов.

4. Решения для повышения эффективности выявления, сбора и использования электронных доказательств в делах о кибермошенничестве

Повышение эффективности работы с электронными доказательствами требует комплексных мер в правовой, технической, кадровой и международной сферах.

Во-первых, следует продолжить совершенствование нормативной базы. Несмотря на признание доказательственной силы электронных данных в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года и Законе об электронных транзакциях 2023 года, в них отсутствует детальная регламентация порядка сбора, восстановления и хранения таких данных. Необходимы подзаконные акты, устанавливающие процедуры цифровой криминалистики, технические стандарты обеспечения целостности

доказательств и обязанности поставщиков телекоммуникационных и облачных услуг по содействию правоохранительным органам.

Во-вторых, необходимо укрепить технический потенциал органов расследования. Во многих регионах отсутствуют современные цифровые лаборатории и инструменты восстановления данных. Следует инвестировать в создание единой системы оценки и хранения электронных доказательств, использовать технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных и блокчейна для автоматизации поиска, сохранения и аутентификации информации.

В-третьих, важно развивать кадровый потенциал в области цифровой криминалистики. Следователи, прокуроры и судьи должны обладать знаниями о методах сбора и проверки электронных данных. Для этого следует внедрить специализированные курсы по кибербезопасности и электронным доказательствам в программы подготовки и повышения квалификации правоохранительных кадров.

В-четвёртых, требуется активизация международного сотрудничества. Трансграничный характер кибермошенничества предполагает необходимость быстрого доступа к данным, хранящимся у зарубежных провайдеров. Вьетнаму следует присоединиться к Будапештской конвенции 2001 года о киберпреступности [4], использовать механизм экстренного сохранения данных и укреплять сотрудничество в рамках Ханойской инициативы о кибербезопасности [3], а также заключать двусторонние соглашения с США и ЕС для ускоренного обмена цифровыми доказательствами.

В-пятых, необходимо развивать государственно-частное партнёрство между органами власти, телекоммуникационными компаниями, банками и технологическими корпорациями. Эти организации владеют данными, имеющими доказательственное значение, и должны активно сотрудничать с государством в вопросах их сохранения и предоставления.

Заключение

Электронные доказательства имеют решающее значение для расследования и судебного рассмотрения дел о кибермошенничестве. Однако их использование осложняется пробелами в правовом регулировании, нехваткой технических средств, квалифицированных кадров и медлительными процедурами международного взаимодействия.

Для повышения эффективности необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, внедрение современных технологий, подготовку специалистов и расширение международного сотрудничества. Реализация этих мер позволит обеспечить

надёжное использование электронных доказательств и повысить результативность борьбы с преступлениями в киберпространстве.

Список литературы:

1. Закон об электронных транзакциях 2023 года.
2. Закона о кибербезопасности 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apolatlegal.com/wp-content/uploads/2024/01/The-Law-on-Cyber-Security-2018.pdf> (дата обращения: 04.12.2025)
3. Конвенции ООН против киберпреступности 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/ru/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html>(дата обращения: 02.12.2025)
4. Конвенцию о компьютерных преступлениях от 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 03.12.2025)
5. Ле Тан Куан. Законодательство об электронных доказательствах во Вьетнаме : дисс. – Университет экономики Хошимина. – 2022.
6. Народная полицейская академия. Практический отчёт по восстановлению данных и использованию электронных доказательств в уголовно-следственной деятельности. Ханой. – 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
7. Национальное собрание (2015, ред. 2017). Уголовный кодекс. – Ханой: Национальное политическое издательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://anlawvietnam.com/en/the-penal-2015/?srsltid=AfmBOop9SHnVqu8G3U4i-KAiCPHDODGcZaFzqEK_1wpZs4p-aiZ1dCdn (дата обращения: 01.12.2025)
8. Национальное собрание. Уголовно-процессуальный кодекс. – Ханой: Национальное политическое издательство, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477> (дата обращения: 01.12.2025)
9. Нгуен Дык Хань, Ле Тхи Туй Нга. Практическое применение правил сбора электронных доказательств по уголовным делам и возникающие проблемы // Труды Судебной академии и конференции IRZ. – Ханой. – 2024.
10. Нгуен Минь Дык. Международное сотрудничество в расследовании преступлений в сфере высоких технологий. – Ханой: Изд-во Народной полиции, 2023. – С. 58–59.
11. Нгуен Тхань Минь Чань. Законодательство об электронных доказательствах во Вьетнаме: науч.-исследовательская работа. – Юридический факультет Промышленного университета Хошимина, 2021. – С. 12.
12. Отчет о состоянии сетевой безопасности во Вьетнаме в 2023 году. Министерство информации и коммуникаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-reports-13900-cyberattacks-in-2023-post274773.vnp> (дата обращения: 01.12.2025)

3.9. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ИХ АДАПТАЦИЯ К ЭМИССИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Гончаренко Андрей Сергеевич

*бакалавр,
Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS AND THEIR ADAPTATION TO THE ISSUANCE OF THE DIGITAL RUBLE

Andrey Sergeevich Goncharenko

*Bachelor,
Siberian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. Разработка механизма адаптации международных стандартов к эмиссии цифрового рубля обусловлена необходимостью научного обеспечения правовой интеграции цифрового рубля в глобальную финансовую архитектуру.

Abstract. The development of a mechanism for adapting international standards to the issuance of the digital ruble is driven by the need to provide scientific support for the legal integration of the digital ruble into the global financial architecture.

Ключевые слова: международные правовые стандарты, адаптация, эмиссия, цифровой рубль.

Keywords: international legal standards, adaptation, emission, digital ruble.

Историческое развитие международных норм эмиссии валют началось с эпохи золотого стандарта, который установил фиксированный обменный курс на основе золотого содержания денежных единиц. Данная система обеспечивала стабильность международных расчетов, но имела ограниченную гибкость. Переход к Бреттон-Вудской системе в 1944 году закрепил роль доллара США как мировой резервной валюты, привязанной к золоту. Как отмечается, «В гл. 3 рассматриваются эволюция структурных принципов четырех мировых валютных систем (с 1867 г.), причины их кризисов и возможные направления реформы современной Ямайской валютной системы [3]». Эта система также столкнулась с кризисом из-за несоответствия между ростом международной ликвидности и золотыми резервами.

Современные принципы эмиссионной политики сформировались в условиях перехода к нестабильным валютным курсам после краха Бреттон-Вудской системы. Глобализация финансовых рынков потребовала разработки новых подходов к регулированию денежного обращения. Центральные банки получили большую свободу в проведении monetарной политики, но столкнулись с вызовами волатильности капитала. Международные организации, такие как МВФ и Банк международных расчетов, разработали стандарты, направленные на обеспечение стабильности и прозрачности эмиссионной деятельности.

Международный валютный фонд (МВФ) играет ключевую роль в поддержании глобальной валютной стабильности через механизм Специальных прав заимствования (СДР). СДР являются международным резервным активом, созданным МВФ для дополнения существующих резервов стран-членов. Этот инструмент регулируется Статьями Соглашения МВФ, которые устанавливают правовые основы для его функционирования. Использование СДР способствует укреплению международной ликвидности и поддержанию стабильности валютных систем.

Банк международных расчетов (BIS) разрабатывает Базельские принципы, которые служат регуляторной основой для управления денежной массой и валютными резервами центральных банков. Эти стандарты направлены на обеспечение финансовой стабильности и минимизацию рисков в банковской системе. Реализация Базельских принципов способствует унификации подходов к надзору и регулированию деятельности центральных банков на глобальном уровне.

Цифровой рубль определяется цифровая валюта Банка России, выпускаемое в электронной форме. Его эмиссия основывается на положениях Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Данная форма национальной валюты представляет собой вид безналичных денежных средств. «Цифровой рубль – вид безналичных

денежных средств, которыми можно будет рассчитываться только путем перевода через специальную платформу Центрального банка РФ (ЦБ РФ), которая представляет собой гибридную архитектуру, сочетающую технологию «блокчейн» (от англ. blockchain – «цепочка блоков») и специальные централизованные компоненты для процессинга операций, осуществляемых на ее сервере» [1].

Цифровой рубль обладает ключевыми правовыми характеристиками средств платежа и меры стоимости. Он признается объектом гражданских прав в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Данный актив функционирует как дополнительная форма российской национальной валюты. «Цифровой рубль планируется сделать дополнительной формой российской национальной валюты наравне с наличными и безналичными деньгами. Она будет эмитироваться Банком России» [2]. Правовая природа цифрового рубля предполагает его использование для расчетов как физических, так и юридических лиц. Он подчиняется общим правилам оборота объектов гражданских прав с учетом специфики цифровой формы. Регулирование его обращения осуществляется в рамках действующего законодательства о национальной валюте и платежных системах.

Обращение цифрового рубля осуществляется через платформу цифровых финансовых активов (ЦФА) и инфраструктурные решения Банка России. Данная платформа обеспечивает учет операций и переводы между пользователями. Особенностью является применение гибридной архитектуры, сочетающей распределенные реестры и централизованные элементы. Регулирование данного процесса устанавливается нормативными актами Банка России в соответствии с его компетенцией.

Процедуры эмиссии традиционных наличных и безналичных рублей существенно отличаются от механизмов выпуска цифрового рубля. Эмиссия наличных средств предполагает производство физических носителей и их распределение через банковскую систему, тогда как безналичная эмиссия осуществляется коммерческими банками в процессе кредитования. В отличие от этого, цифровой рубль выпускается исключительно Банком России. Данный подход исключает децентрализованное создание денежной массы, характерное для традиционных безналичных операций, и обеспечивает прямой контроль центрального банка над денежным предложением.

Правовая природа традиционного рубля основана на материальных носителях для наличной формы и записях на банковских счетах для безналичной. Цифровой рубль представляет собой криптографическую запись в распределенном реестре, управляемом Банком России. Это различие влечет изменение юридического статуса: цифровая валюта не имеет физического воплощения и существует исключительно в электронной среде.

Соответственно, правовой режим цифрового рубля требует специальных норм, регулирующих статус криптографических записей как законного средства платежа.

Обращение цифрового рубля характеризуется отсутствием анонимности, что существенно отличает его от наличных расчетов. Все операции с цифровой валютой подлежат обязательной идентификации участников и фиксации в информационной системе Банка России. Данная особенность обеспечивает повышенный уровень прозрачности и контроля за денежными потоками. Наличные же расчеты сохраняют определенную степень анонимности, что создает риски легализации доходов и финансирования терроризма.

Разграничение ответственности в системе цифрового рубля предполагает новые роли операторов платформы. В информационной системе эмитент и инвестор взаимодействуют напрямую, а функции НРД, НКЦ и биржи совмещены в одном юридическом лице – ОИС [4]. Это контрастирует с традиционной финансовой системой, где функции эмиссии, клиринга и расчетов распределены между центральным банком, кредитными организациями и инфраструктурными институтами. Такая централизация требует четкого определения правового статуса и ответственности оператора платформы ЦФА.

Международные стандарты, такие как разрабатываемые FATF и Базельским комитетом, демонстрируют значительные несоответствия при применении к эмиссии цифровых валют центральных банков (CBDC). Эти регуляторные рамки изначально создавались для традиционных финансовых институтов и операций, что приводит к проблемам их адаптации к инновационным цифровым активам. Ключевой проблемой является отсутствие четких определений и классификаций CBDC в существующих документах, что создает правовую неопределенность. Это затрудняет формирование единого подхода к регулированию цифрового рубля на международном уровне.

Проблемы в регулировании трансграничных расчетов и противодействии отмыванию средств при использовании цифрового рубля требуют особого внимания. Существующие международные стандарты недостаточно учитывают специфику CBDC-транзакций, особенно в части отслеживания операций и идентификации участников. Это создает риски для финансовой системы и требует разработки новых механизмов контроля. Важно обеспечить соответствие требованиям международных организаций при сохранении функциональности цифровой валюты.

Установка четкого правового статуса цифрового рубля в российском законодательстве является первоочередной задачей. Для этого требуется внесение изменений в Федеральный закон «О Центральном

банке Российской Федерации (Банке России)». Данная мера позволит определить цифровой рубль как новую форму национальной валюты. Такой подход соответствует международным стандартам, подчеркивающим необходимость законодательного закрепления эмиссионных функций центральных банков.

Разработка специальных норм в законодательстве о платежных системах необходима для регулирования выпуска и обращения цифрового рубля. Эти нормы должны устанавливать требования к инфраструктуре, участникам системы и процедурам проведения операций. Создание отдельного правового режима обеспечит соответствие международным рекомендациям по управлению рисками в платежных системах. Реализация данного предложения создаст основу для безопасного функционирования цифрового рубля.

Внедрение стандартов идентификации контрагентов является ключевым требованием для обеспечения соответствия трансграничных операций с цифровым рублем международным нормам. Рекомендация 16 FATF устанавливает обязательства по верификации участников сделок и контролю за транзакциями. Соблюдение этих правил минимизирует риски отмывания денег и финансирования терроризма. «Согласно им цифровые площадки по обмену цифровых валют должны начать соблюдать строгие KYC нормы, а также обмениваться друг с другом и регулятором данными пользователями, совершивших транзакции.» [5] Адаптация российского законодательства к требованиям FATF предполагает разработку четких процедур идентификации пользователей цифрового рубля. Необходимо обеспечить взаимодействие платформ с регуляторными органами для оперативного обмена информацией. Это позволит создать единое информационное пространство для контроля трансграничных платежей. Реализация данных мер повысит прозрачность операций и укрепит доверие к цифровому рублю на международном уровне.

Создание эффективной системы мониторинга кросс-границевых операций требует интеграции технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта. Такая система должна обеспечивать автоматическое выявление подозрительных транзакций с цифровым рублем, включая попытки обхода валютного регулирования. Регулярная отчетность перед надзорными органами и применение санкций за нарушения станут важными элементами контроля. Это позволит предотвращать незаконные валютные операции и поддерживать стабильность финансовой системы.

Разработка механизмов разрешения коллизий юрисдикций предполагает установление четких правил применимого права для

трансграничных платежей. Следует определить критерии подсудности споров и процедуры взаимодействия судебных органов разных стран. Участие в международных соглашениях о взаимном признании решений будет способствовать снижению правовых рисков. Эти меры обеспечат правовую определенность и эффективность расчетов цифровым рублем в глобальном масштабе.

Список литературы:

1. Гольцов В.Б., Голованов Н.М. Цифровой рубль и проблемы его правовой регламентации // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – №3. – С. 7–13.
2. Дьяконов Р.В. Перспективы введения цифровой валюты центрального банка в мире и в России // Вопросы управления. – 2023. – №1. – С. 5–18.
3. Красавина Л.Н. Международные валютно-кредитные отношения. – Москва: Юрайт, 2014. – 543 с.
4. Кубасова Т.И. Альтернативное финансирование предпринимательства в условиях цифровизации российской экономики (на примере цифровых прав) // Baikal Research Journal. – 2024. – №4. – С. 1515–1529.
5. Цупиков А.Н. Правовые подходы к регулированию цифровых финансовых активов в зарубежных странах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022. – №9. – С. 182–186.

ARTICLES IN ENGLISH

SECTION 1.

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

1.1. HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

STRATEGIC IMPORTANCE OF TÜRKİYE IN THE EXPORT ROUTES OF AZERBAIJANI ENERGY RESOURCES TO GLOBAL MARKET

Azer Ismayilzada

*PhD student at the Institute of History
named after A.A. Bakikhanov of the
National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Azerbaijan, Baku*

Abstract. In this article have been considered the role of Türkiye in bringing Azerbaijan's energy resources to the world market. Of the 203.2-257.7 billion barrels of oil reserves in the Caspian Basin, Azerbaijan accounts 39-72 billion barrels. The volume of proven gas reserves in the Caspian region is 232 trillion cubic meters, of which Azerbaijan accounts for 30 trillion cubic meters.

The volume of gas in the Shah Deniz field only is estimated at 1.4 trillion cubic meters. The territory of Türkiye is of exceptional importance for placing these hydrocarbon reserves on the world market.

Thus, in the north-south direction, the Balkans and the Caucasus, two important land transition regions connecting the central part of Eurasia with the warm seas and the African mainland, and the straits, which are also a maritime transition region, cross in Turkey and connect these regions with the Middle East and the Caspian region, which are geo-economic centers of

natural resources. In the east-west direction, the Anatolian Peninsula forming the most important link in the strategic peninsular region surrounding the Eurasian mainland. Türkiye is situated in a favorable geographical position between regions rich in energy resources and economically developed regions. In terms of its geographical and geostrategic position, Türkiye plays the role of an energy corridor between countries rich in hydrocarbon resources and developed countries that are in demand for these resources.

This position is also important for the brotherly Turkic states, especially Azerbaijan. Türkiye is currently implementing important transport projects to ensure the transportation of Azerbaijani energy resources to world markets and at the same time to meet its own energy needs.

Keywords: Azerbaijan, hydrocarbon reserves, Türkiye, geostrategic position, energy policy, energy demand.

Introduction

In geopolitical terms, Türkiye is located in the central part of the transition points and battlefields of land and maritime centers of power in the east-west and north-south directions. In the north-south direction, the Balkans and the Caucasus, which are two important land transitional regions connecting the central part of Eurasia to the warm seas and the African mainland, and the straits, which are also a maritime transitional region, are crossed in Türkiye and connect these regions to the Middle East and the Caspian region, which are centers of geo-economic natural resources. In the east-west direction, the Anatolian Peninsula stands for the most important ring of the strategic peninsular region surrounding the Eurasian mainland.

These geopolitical features have always functioned as a determining factor in the historical destiny of the region. For this reason, the Anatolian Peninsula has historically been of significant importance as a center of political power and continues to maintain this position. This region is one of the most important geopolitical and geo-economic regions of the world.

Thus, this region is located on either side of the transport network connecting the most developed regions of Eurasia, particularly those rich in natural resources, primarily hydrocarbons, and the most developed regions of the West with the furthest points of the East in the most direct line and therefore must inevitably emerge.

The energy strategy of the Turkish Republic has been formed considering factors such as economic development and economic growth, security of energy supply, preservation of sustainable ecological balance and international relations. The main objective of Türkiye's energy policy has been

defined as the realization of a sustainable, high quality, stable, secure and affordable energy supply.

Türkiye's energy policy is aimed at ensuring that the country's energy needs are met in a sustainable, reliable and secure manner. Since the country's hydrocarbon reserves are scarce, they cover only a small part of Türkiye's total needs. Türkiye's annual demand for oil is about 45 million tons and for gas almost 60 billion cubic meters. The internal production can only meet 15-20 per cent of this volume. Other part is met by neighboring and regional states (Azerbaijan, Russia, Iran, Iraq, etc.) that are rich in these resources. Of these states, only Azerbaijan provides reliable and sustainable supplies, and their volume is constantly growing. Supplies from Iraq, Iran and Russia cannot be reliable, sustainable, and secure due to regional wars (war and threat of terrorism in Iraq, Russian Ukrainian war, etc.), various embargoes and supply problems (embargoes against Russia and Iran and various disagreements with both states, etc.) at various times.

These reasons increase the significance of the energy co-operation policy with Azerbaijan and other Caspian Turkic states. The fact that Azerbaijan has won the war with Armenia, returned the occupied territories, further expanded relations with European states in the energy sector and is pursuing a policy of diversification also guarantees the successful completion of Türkiye's policy in this direction.

1. The geostrategic position and interests of Türkiye

In geopolitical terms, Türkiye is located in the central part of the transition points and on the battlefield of land and maritime centers of power in the east-west and north-south directions.

In the north-south direction, the Balkans and the Caucasus, which are two important land transition regions connecting the central part of Eurasia to the warm seas and the African mainland, and the straits, which are also a maritime transition region, are crossed in Türkiye and connect these regions to the Middle East and the Caspian region, which are geo-economic natural resource centers. In the east-west direction, the Anatolian Peninsula represents the most important part of the strategic peninsular region surrounding the Eurasian mainland.

These geopolitical features have always played a determining factor in the historical destiny of the region. Due to this reason, the Anatolian Peninsula has historically been of significant importance as a center of political power and continues to maintain this position. The region where Türkiye is situated lies next to, as well as being a part of, the region called the 'Eurasian Balkans' by Z. Brzezinski. According to him [5, p.187], in Europe the word

‘Balkans’ causes associations with ethnic conflicts and regional struggle of powerful superpowers.

Eurasia has its own ‘Balkans’ as well, but the ‘Eurasian Balkans’ are much larger in area, more densely populated and ethnically diverse. They include Southeast Europe, parts of Central Asia and South Asia, the Persian Gulf region, and the Middle East. This region is seen to be one of the most significant geopolitical and geo-economic regions of the world. Indeed, this region lies on both sides of a transport network rich in natural resources, especially hydrocarbons, and linking the most developed regions of Eurasia by the most direct route to the furthest points of the East, and therefore it is inevitable that it should emerge.

Abdullah Güл, who was the Foreign Minister of the Justice and Development Party of Türkiye from 2003 to 2007, re-emphasized the importance of Türkiye in the region where it is located in his speech to the Istanbul Assembly of the Industrial Organization on 28 July 2004:

“In the more than a year and a half since our government came to power, significant changes both internationally and in our immediate environment have resulted to a tense and dynamic foreign policy agenda for our country.

Our country, located at a strategic crossroads where different geographies and regions intersect, with considerable political experience, human capacity, military power and economic potential, is not a spectator of events in the face of the changes in our environment, but pursues an active and guiding policy.... These changes have given a concrete and effective vision of the added value that Türkiye brings as a bridge to strategic cooperation between Eastern and Western cultures due to its geographical location and the multi-lateral active foreign policy pursued by our country, which defines its interests within the broad framework of regional and even international cooperation, going beyond slogans in the international arena” [10, pp. 90-91].

The collapse of the Soviet empire called the USSR in the 1990s completed the formation of the bipolar world that emerged after World War II and the Cold War period. This situation also created a large gap in the geopolitical and geo-economic position of the world. The increasing significance of geopolitics in the post-Cold War period and its revitalization are directly related to these ruptures.

This geopolitical rupture has closely interested Türkiye, found on the Anatolian Peninsula and one of the most important links in the region, and has inevitably affected its major international and regional strategic decisions. The conventional tactical struggles and geopolitical balances brought to the forefront by this struggle are once again coming to the fore with new elements in the dynamic conditions of the post-Cold War period founded on the balance of power. This causes geopolitics, which was thought to have lost its importance with the advent

of nuclear technology, to have a stronger influence once again on international relations and balances. The importance of geopolitics is increasing in parallel with the deepening interdependence between international balances and the regional spheres of impact [6, pp. 114-115].

A new system of international relations was formed in the world with the cancellation of the bipolar world and the end of the Cold War.

Thus, at the end of the 1990s, the system of international relations entered a new stage both in its composition and character.

This system, called the “new world order, is characterized by competition and a “war for influence” between the great powers for control over strategically important regions of the world with rich hydrocarbon resources. At the same time, the opinion of the regions for which the struggle is being waged is not even considered. In such a situation, the power and sovereignty of national states are decreasing, and the place of national states in the system of international relations is gradually weakening [2, p. 23].

What are the consequences of this situation for Türkiye's geopolitical position and its place in the system of international relations? First of all, we should note that Türkiye is a member of the UN, OSCE and many other international organizations. It is also one of the states with the best chances to become a member of the EU. At the same time, it is an associate member of the Western European Union. On the other hand, Türkiye, along with Pakistan, Iran, and Central Asian republics, occupies a key place in various regional organizations and associations, including the Economic Cooperation Organization and the Black Sea Economic Cooperation Organization. Türkiye plays a leading role in the Euro-Mediterranean Organization and participates in all related activities. On the third hand, it is an undeniable fact that Türkiye plays a significant role in preventing a significant increase in instability in the “Eurasian Balkans” and potentially bringing the situation closer to an explosive point. Currently, the settlement of millions of refugees and immigrants from the Near and Middle East in the country and the solution of their social problems are vital issues for Europe.

Additionally, Türkiye has been a member of NATO since 1952. Relations with the EU also began in the 1960s. Thus, Türkiye has been cooperating with the EU since 1963 and has been pursuing policies aimed at integration into Europe for decades. To have Türkiye accepted into the EU after some time, the U.S. should use its influence in Europe and treat Türkiye like any other European country. Overall, regular consultations with the country on the future of Asia could lead to a further strengthening of the strategic partnership with the US. “By continuing to regard herself as an outcast in the Europe she seeks to join, Turkey will become more Islamized, will vote against NATO expansion, to everyone's upset, and is unlikely to cooperate

with the West in stabilizing Soviet Central Asia and incorporating it into the global community.” [5, 309].

The geopolitical position of Türkiye is of significant importance in this process. In particular, the country has a leading role in security issues. Thus, Türkiye is a country that is the center of stability at the Black Sea-Mediterranean junction, a balancer of Russian policy in the Caucasus, a protective shield against religious fundamentalism and the southern wing of NATO [16, p. 292]. Z. Brzezinski, speaking about the importance of Türkiye for the U.S. in the future, states: “To ensure stability in the countries located in the South Caucasus and Central Asia and to strengthen their independence, the United States must be careful not to encourage Türkiye to distance itself, and must explore opportunities to improve U.S.-Iranian relations” [5, 309]. [5, 309]. The United States could also use Türkiye's influence in the region to normalize relations with Iran. Overall, it is not in the American interest to maintain hostility in U.S.-Iranian relations forever.

Any future rapprochement, stabilization of Iran's regional sphere is undoubtedly in the strategic interests not just for both parties, but also for the entire region. Türkiye's role in this issue is undeniable. The U.S. abandoning its objections to Türkiye's closer economic cooperation with Iran, especially in the construction of new oil pipelines, and the development of other relations between Iran, Azerbaijan and Turkmenistan would better serve America's long-term interests in Eurasia [5, 310].

Historically, Türkiye has played a regulatory role outside the region, being a military, political, and socioeconomic power in a wide geography from the Balkans to China and from Morocco to Iran. Moreover, Türkiye has been effectively positioned to ensure lasting peace, balance, and prosperity in Eurasia and abroad by establishing bilateral and multilateral relations with the Balkan countries, the Middle East, the Caucasus, Central Asia and the countries of the Mediterranean basin.

Türkiye's geopolitics should also be subjected to a new analysis in the modern system of international relations called the New World Order, where the Cold War and its parameters have been abolished. Türkiye's former foreign minister and prime minister A. Davutoglu made this proposal also notes that “this role should be evaluated by overcoming the strategy of defending the status quo of the past. In an era where international and regional balances are dynamically shifting, using geopolitics to defend the status quo is gradually rendering geopolitical advantages unusable. Geopolitical position is not a value that can be left alone. A geopolitical position becomes valuable when it becomes a means of influencing the foreign policy strategy that is put forward in accordance with that position. In this sense, we must reanalyze the

place of Türkiye's geopolitics within the framework of foreign policy strategy and give it a new meaning in the international environment" [6, c.116].

Although the Turkish Republic lacks rich hydrocarbon deposits, it is strategically located in an advantageous position surrounded by regions rich in these resources (Russia, Azerbaijan and the Caspian Basin, Iran, Iraq and other countries in the Near and Middle East, etc.). Thus, Türkiye is located in a region where 71.8 % of the world's proven gas reserves and 72.7 % of oil reserves are concentrated. Due to this reason, Türkiye is playing the corridor role, being a natural bridge between the countries rich in natural resources and the markets where their sale is organized and having a say in determining the sources and the corridor, it comes to the fore as an important country in ensuring energy security [21. p.2]. Her position as a "golden bridge" connecting important geographical points such as Europe and Asia, the Black Sea and the Mediterranean Sea, and from there to the world's oceans, enhances her geostrategic role.

2. The energy policy of Türkiye

As with all countries in the world, energy resources, and especially hydrocarbon resources, are of strategic importance in Türkiye. Not accidentally, this issue was also reflected in the election manifesto put forward by the Justice and Development Party, which is currently in power in Türkiye, in the 2002 elections, even before it came to power. In the part of the manifesto entitled "Cheap and Reliable Energy", energy policy was seen as "one of the most important means of creating sustainable development and an internationally competitive economy" [1, p.57]. [1, c.57]. In the manifesto, it criticized the energy policies of previous governments and stated that "as a result of their recent policies, the energy sector has become an urgent and intractable problem for Türkiye".

It also stated that contracts and agreements incompatible with the country's strategic growth prospects are placing an increasing financial burden on Türkiye. This financial burden is also being transferred to consumers through high product prices and taxes. All of this, by diverting consumers away from energy consumption, leads to lower growth rates, reduces the competitiveness of domestic industry and hinders the inflow of foreign investment. The declaration emphasizes that the basis of the energy policy of the Justice and Development Party is to provide cheap and reliable energy, to form a competitive energy market, to reduce the burden on the budgets of citizens, to protect the environment and human health, and to realize these goals the following tasks are set: [1, p.58].

- Special attention will be given to renewable and alternative energy sources,

- Clean energy sources and conversion technologies will be utilized for environmental protection,
- Productivity in production, transportation, supply and services will be improved,
- The opportunities for our country to become a terminal for the delivery of oil and natural gas from our neighbors to world markets will be assessed, and we will become a regional energy powerhouse.

The position of Türkiye between regions rich in energy resources and economically developed regions with high energy needs is one of the indicators of its important geostrategic and geopolitical position. This position has not left the issue of defining the strategic goals of the Turkish Republic unattended. It should be noted that even at the time of coming to power, the Justice and Development Party also provided certain policies to achieve these goals. Initially, the energy demand, which was 126.9 billion kilowatt hours in 2001, was to reach 270 billion kilowatt hours in 2010.

The energy strategy of the Turkish Republic has been formulated considering the factors such as economic development and economic growth, security of energy supply, preservation of ecological balance and international relations. The realization of sustainable, high-quality, stable, secure and affordable energy supply has been defined as the main goal of the energy policy of Türkiye [15, p.112]. The achievement of this goal is directly related to the overall economic development of Türkiye. Despite the many negative events that have occurred recently (pandemic, earthquake, etc.), Türkiye has made considerable progress in the main economic indicators. If we focus only on the gross internal product, Türkiye showed the highest growth rate among the G-20 countries in 2021, increasing by 11%. Overall, Türkiye's average annual growth rate between 2002 and 2020 was 5.2%. National income, which was \$238 billion in 2002, has tripled during this period, reaching \$803 billion in 2021. Exports, which amounted to 36 billion dollars in 2002, reached a record level of 225 billion dollars in 2021 [11, p. 7]. In general, the main objective of the economic policy provided for in the medium-term financial planning for 2021-2023 is to maintain and develop the achievements obtained under the New Economic Programs, to restore the internal and external balance, to implement economic changes and transformations based on production, export and financial stability by taking advantage of economic opportunities determined by the new norms emerging in the world economy, with the implementation of strategic reforms that should be on the basis of the New Economic Programs and the New Economic Agenda.

Within the framework of the realization of the above-mentioned goals, the issue of hydrocarbon resources development was also included in the state capital investment policy. According to this policy, it was proposed to

accelerate the work on oil and natural gas exploration, as well as to put into operation as soon as possible and start economically profitable use of the Sakaarya natural gas field discovered in the Black Sea [11, p. 8].

Overall, the main objectives of Türkiye's energy strategy are to achieve the following indicators at a prominent level:

1. Energy diversification (diversification)
2. Security of energy supply
3. Import and trade of energy resources, regional and international co-operation in this field
4. Renewable energy sources
5. Efficiency of energy consumption

The work towards achieving the above-mentioned goals is also included in Türkiye's Eleventh Development Plan 2019-2023 (Goals and Policies 491, 492 and 493). According to these goals [15, p.113]:

- Energy production from renewable energy sources will be increased, necessary planning and investments will be made to ensure the safe integration of renewable energy production into the grid (through appropriate models, the increased use of renewable sources in electricity production, will be ensured the integration of renewable energy production facilities into the grid and will be implemented appropriate technical assistance projects, etc.).
- More efficient and self-generating buildings will be widespread (will be supported an energy efficiency of existing buildings, will be established a national certification system for green buildings, will be implemented a project to improve the energy efficiency of public buildings, etc.).
- Electricity networks and systems will be strengthened and made more flexible (technical and non-technical electricity losses will be reduced, with outreach, incentives and sanctions to reduce non-technical losses, increased use of smart meters and remote reading systems, and increased inspections).

3. The Energy Corridor Issue in Türkiye's Foreign Policy

Regardless of how hard Türkiye has tried to ensure its energy security through internal energy sources, it has faced a number of problems and ensuring it in the full sense of the word has not been possible. The major reason for this, as mentioned in the previous paragraphs, is the lack of sufficient oil and gas deposits. The steps taken in this direction have not yet led to the discovery of sources in sufficient quantities to fully cover the country's energy supply. At the same time, Türkiye's geographical location plays a significant role in eliminating this disadvantage. Thus, the territory of the Turkish Republic has the opportunity to expand relations with Russia, the Caucasus and through it the Caspian Sea basin, as well as Iran, Iraq, Syria, the

Mediterranean Sea and the World Ocean. Moreover, it should be noted that most of the countries that surround Türkiye are rich in oil and natural gas reserves. Therefore, Türkiye should regulate its relations with these countries to ensure a sustainable and secure energy supply and consider this issue in any measures.

The collapse of the Soviet Empire in the early 1990s and the establishment of independent states from it by new republics, including Turkic nations, also had an impact on re-forming Türkiye's foreign policy in this direction. In the early 1990s, Türkiye began to pursue an active policy with the countries of the Caucasus and Central Asia. However, starting from the second half of the 1990s, this policy became balanced.

Since the beginning of the 2000s, the rapidly growing Turkish economy has led to an increasing demand for energy, and the availability of cheap and secure energy sources has become one of the most important foreign policy issues. As a result of these two events, both internally and regionally, energy policy became the most important foreign policy issue of Türkiye in the 2000s. To supplement these two issues, the emergence of the Caspian Sea basin, particularly in the field of natural gas, as an alternative energy source after the end of the Cold War turned Russia and the Caucasus into one of the most key areas of interest for Turkish foreign policy. In other words, the Justice and Development Party government, aiming to turn Türkiye into an energy terminal of the region and provide cheap and secure energy to its developing economy, signed several energy agreements with its neighbors and regional countries during this period.

Table 1.

Türkiye's natural gas purchase contracts (1986-2013)

Country	Date of sign	Volume ((billion cubic meters/year))	Start year	End year	Duration (Y)
USSR	14.02.1986	6	1987	2012	25
Algeria (MQG)	14.04.1988	4	1994	2021	27
Nigeria (MQG)	9.11.1995	1.2	1999	2021	22
Iran	8.08.1996	10	2001	2026	25
Russia (Blue Stream)	15.12.1997	16	2003	2028	25

Country	Date of sign	Volume (billion cubic meters/year)	Start year	End year	Duration (Y)
Russia (Balkan route)	18.02.1998	8	1998	2021	23
Russia (Balkan route)	1998	4	1998	2021	23
Turkmenistan	21.05.1999	16	Not started	Not started	30
Azerbaijan	12.03.2001	6.6	2007	2022	15
Russia (Balkan route)	2013	1	2013	2036	23
Russia (Balkan route)	2013	5	2013	2043	30

Source: [17]

Consequently, Türkiye's active energy policy has brought Azerbaijan, Russia, Turkmenistan, and Iran to the top of its foreign policy programme. During this period, three important projects were realized in the context of energy policy. The Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline became operational in 2006 and the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline in 2001 as a result of the process initiated by the 'AGREEMENT OF THE AGE' signed in 1994. The Blue Stream project, agreed in 1998 to bring Russian natural gas to Türkiye, was completed in 2005. These three energy lines have created strong relations between Türkiye and Azerbaijan, Russia and Georgia, and have largely met Türkiye's growing energy demands. The result of all this was that the total volume of natural gas supplied to Türkiye increased from 17 billion cubic meters in 2002 to 38 billion cubic meters in 2008, in 2018 it increased up to 50 billion cubic meters and in 2022 it increased up to 55 billion cubic meters [19, p.12].

Turkmenistan is one of the main countries targeted by Türkiye for energy supplies. This Turkic-speaking country, located in the Caspian Sea basin, is also characterized by a wealth of energy resources. The first relations with Turkmenistan in this field were intensified after its independence in 1991. From the first years of independence, it was planned the transportation of Turkmen natural gas to Türkiye. Therefore, all possible pipeline routes

from Turkmenistan to Türkiye were considered. Three options for a pipeline route from Turkmenistan to Türkiye (or to the West) were considered. The first route runs from the Russian border to Türkiye in the north; the second route involves transportation across the Caspian Sea and Azerbaijan; the third route is a pipeline from the Iranian border to the south.

The idea of transportation of Turkmen gas to Türkiye via Iran was first suggested by Iran. In January 1995, it was planned to build a pipeline through Iran to transport and sell Turkmen gas to Türkiye and Europe. Iran and Türkiye supported this project. In February 1995, the Interstate Oil and Natural Gas Export Council established an international joint stock company, the ‘Turkmen Transcontinental Pipeline’ (TTP).

TTP will undertake the planning, financing, construction and operation of the new pipeline. The Interstate Council, the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the World Bank and the Japan Overseas Investment Association had indicated their readiness to provide financial resources for the construction of the 1,400-kilometer pipeline. However, when it was clear that the project would not receive international financial support due to US sanctions against Iran, the Turkmen government was compelled to withdraw from the project in 1996 [13, pp. 11-12]. Nevertheless, the National Iranian Oil Company reached an agreement with the Turkmen government on the construction of the Kerbja-Gurdguyu short gas pipeline. The construction of this 200 km long, 8 billion cubic meters of gas per year pipeline was completed in 1997 and it was connected to Iran's national gas network. Part of the natural gas imported to Türkiye from Iran is also supplied from Turkmenistan through this pipeline [8, p. 39]. Even though the idea of transporting Turkmen gas to Türkiye via Georgia had been discussed since 1993, the first step was taken in March 1996, during Turkmenistan's President Saparmurat Niyazov's visit to Georgia. During the meetings in Georgia, it was announced that Turkmenistan had reached an agreement with Türkiye to purchase 15 billion cubic meters of natural gas per year. It was agreed that the gas pipeline between Georgia and Türkiye would be built by a consortium established by the two countries. After the meetings, the Georgian side stated that it would be sufficient to build a 25-kilometre gas line to the existing gas pipelines. Subsequently, in June of the same year, BOTASH representatives stated that the pipeline to the city of Rustavi in Georgia was sufficient, but that a new pipeline would need to be built to the Turkish border. Finally, Turkmenistan announced that an agreement had been signed in Ankara for the transportation of Turkmen gas to Türkiye via Georgia. According to this agreement, due to the short construction period of the pipeline, 300,000 cubic meters of natural gas per day could be imported to Türkiye via Georgia after one year, in the winter of 1997. Maintenance work on the existing pipeline was to begin

within two weeks of the signing of the agreement. The project included the repair of a 250 kilometers pipeline and the construction of a new 25 kilometers pipeline. The total cost of the project was estimated at \$150 million. Although this agreement seemed very favorable for all three countries, the parties failed to consider a particularly crucial factor. Since Turkmen gas had to pass through Russian territory to reach Georgia, it had to be included Russia in the agreement. Moreover, the pipelines along which it was to flow were under the control of Gazprom. According to the new project, Turkmen gas will be transported through the Middle Asia-Central Asia pipeline and sent to Türkiye rather than to Georgia and from there to Ukraine. Gazprom, which controlled the main gas pipeline, decided to refuse co-operation with the project prepared by Turkmenistan, Türkiye and Georgia. Instead of this, Russia proposed to build a pipeline to Türkiye via Georgia and Armenia [12, p. 17]. Türkiye did also not accept the latter proposal. As a result, this project was not realized. However, the Turkish energy market attracted Russia's attention, and as a result, the Blue Stream project was signed in December 1997.

As a result of these occurrences, Turkmenistan realized that it was unable to use Gazprom's lines to supply gas to Türkiye and other European countries and considered the idea of building a new pipeline across the Caspian Sea as an alternative to Russia for natural gas exports. In fact, initial agreement on the Trans-Caspian Pipeline project, which would connect Turkmenistan and Azerbaijan across the Caspian Sea, was reached in April 1998, during a visit of Turkmenistan's President S. Niyazov to the United States. Niyazov's visit to the United States. The project was also attractive for the Azerbaijani side. Thus, in 1996 Azerbaijan signed an agreement to develop the rich Shah Deniz gas field. According to the new project, Turkmen gas was to be transported to Azerbaijan through a pipeline running along the Caspian Sea bottom, and from there, bypassing the territory of Georgia, to Türkiye [12, p. 23].

This project was characterized by its shorter length. In 1998, Russia and Turkmenistan proposed two route options for natural gas sales to Türkiye: one via the Black Sea and the other via the Caspian Sea. On 21 May 1999, the Turkmen government and BOTASH signed an agreement on the sale and purchase of 16 billion cubic meters of natural gas per year for a 30-year period. Furthermore, the parties also prepared projects for the construction of a gas pipeline with a total capacity of 30 billion cubic meters, which will provide 14 billion cubic meters of natural gas per year to be sold to Europe via the Caspian Sea. In June 1999, the cost of the project was estimated by a group of countries supporting the Trans-Caspian Gas Pipeline project at \$2-2.5 billion, and it was estimated that the pipeline could be completed by 2002. The same year in November, high-level officials from Türkiye,

Turkmenistan, Azerbaijan, Georgia, and the United States met in Ankara to sign an intergovernmental agreement on the Trans-Caspian Gas Pipeline [12, p. 23]. The presidents of Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan signed agreements on oil and gas pipeline projects connecting the Caspian Sea to Türkiye at the OSCE summit in Istanbul in November 1999. However, Russia quickly reacted negatively to these developments. At the same time, Turkmenistan's position also hindered progress on this issue. Thus, at the initial stage of negotiations on the status of the Caspian Sea, Turkmenistan demonstrated an ambiguous position. On the one hand, it declared the importance of dividing the Caspian Sea into national sectors, and on the other hand, it supported the idea of adopting the principle of "joint use of the sea" (condominium) as a basis. Turkmenistan's claims to Azerbaijan for some fields in the Caspian Sea are also one of the main sources of tension in determining the status of the Caspian Sea. It should be noted that as early as the summer of 1997 at the summit of the Organization of the Islamic Conference held in Ashgabat, the leadership of Turkmenistan presented to the Azerbaijani side a map of "delimitation of maritime borders", allegedly left over from the Soviet times, trying to prove that the Azeri and Chirag fields are in the sector of Turkmenistan, not Azerbaijan, and declared its readiness to give up its claims to these fields for certain compensations. The major claim was related to the "Kapaz" field, which the Turkmen call "Sardar". It is worth noting that, according to rough estimates, the reserves of oil in this field amount more than 80 million tons. The signing of the agreement on the exploitation of "Kapaz" between the State Oil Company of Azerbaijan and the Russian companies "Lukoil" and "Rosneft" in the summer of 1997 caused a sharp reaction from the then official Ashgabat [9, p. 8-13]. Even though the leadership of both countries took a series of steps to resolve the problem between Turkmenistan and Azerbaijan, the negotiations have not yielded any results yet.

In December 1997, at the meeting of the presidents of the two countries in Tehran, a decision was made to establish a bilateral commission to determine the borders. A special expert group for negotiations with Turkmenistan was established by a decree of President Heydar Aliyev on January 16, 1998, and a similar decree was signed by Turkmen President Saparmurat Niyazov on January 18. The first meeting of the expert group was held in Ashgabat on February 5, 1998. However, neither the Ashgabat meeting nor the negotiations held in Baku on March 30 produced serious results. Negotiations between the two countries in subsequent years also failed to clarify the fate of "Kapaz". While meetings and negotiations between Azerbaijan's President Ilham Aliyev and Turkmenistan's President Gurbanguly Berdimuhamedov in 2007-2009 brought some constructive developments to relations, there are still no points of contact between the two countries on the Caspian Sea (9).

The fact that Russia and Kazakhstan also function as unofficial allies of Azerbaijan in this dispute restricts Ashgabat's room for maneuver. In general, the access of Turkmenistan's gas reserves to the world market in the current situation does not look extremely attractive for Azerbaijan.

Hence, Azerbaijan is more interested in transportation of its natural resources to the world market and ensuring security of energy supply to Europe.

The latest agreements even provide for an increase of this volume. In this sense, Turkmen gas is also competitive for Azerbaijan. Therefore, the benefit of the Azerbaijani side from the transportation of Turkmen gas is limited only to receiving certain transit payments from it.

Regarding the status of the Caspian Sea, the bilateral agreements signed on this issue with Russia and Kazakhstan have had a positive impact on this process, and therefore, if Turkmenistan and Iran want to make any progress, they must give up their unrealistic claims in accordance with the requirements of international law. Turkmenistan is currently reassessing relations with Azerbaijan, and practical steps are being taken to form a new level of relations on a mutually beneficial basis.

Precisely as a result of these steps, Turkmenistan has started to evaluate the possibilities of transporting its rich hydrocarbon resources to European markets via Azerbaijan. More transportation of natural resources in the future is underway and both sides have expressed their interest in this issue at the level of heads of state.

Thus, as shown above, the Turkish Republic uses various diplomatic steps, reciprocal multilateral, and bilateral relations, as well as projects culminating in the signing of agreements, to realize its goal of securing sustainable and secure energy supplies from various countries.

Agreements signed with neighboring and regional states such as Azerbaijan, Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran, etc., that are wealthy in energy resources, have gained significant importance in this regard. The agreements signed with these states will enable Türkiye to play the role of an energy corridor that allows it not only to secure its own supply, but also to export energy products to Europe in the near future.

Conclusion

In general, from the foregoing, a conclusion can be made that Türkiye occupies a favorable geographical position between regions rich in energy resources and economically developed regions.

This position has significantly increased its geopolitical and geo-economic importance. At the same time, the Turkish economy has also significantly developed recently, a development that naturally leads to an increase in energy demand. For these reasons, Türkiye's geo-economic and

geopolitical position is significant, both in terms of delivering these resources to developed and high-demand European countries and in meeting the growing needs of its own developing industry in a sustainable, integrated, and secure manner. Türkiye's energy policy has been defined towards meeting the country's energy needs in a sustainable, reliable, and secure manner. As the country's hydrocarbon reserves are scarce, they provide only a small part of Türkiye's total needs.

Türkiye's annual demand for oil is about 45 million tons and for gas about 60 billion cubic meters. Internal production can meet only 15-20 percent of this volume. Other resources are supplied by neighboring and regional states (Azerbaijan, Russia, Iran, Iraq, etc.) that are wealthy in these resources.

Of these states, only Azerbaijan provides reliable and stable supplies, and their volume is constantly increasing.

Thus, Türkiye's energy policy, which started in the 1990s, aims at making progress in this field and ensuring continuous and secure supplies from various countries with energy sources. To achieve this goal are utilized various diplomatic steps, reciprocal multilateral and bilateral relations, and projects culminating in the signing of agreements. Among these countries, agreements signed with neighboring and regional states such as Azerbaijan, Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran, etc., that are plentiful in these energy sources, have gained importance.

The agreements signed with these states will allow Türkiye not only to secure its own supplies, but also to play the role of an energy corridor creating conditions for exporting energy products to Europe in the near future.

References:

1. AK Party election manifesto-2002 <https://www.akparti.org.tr/media/318780/3-kasim-2002-genelsecimleri-secim-beyannamesi-sayfalar.pdf> (Used date – December 2023).
2. Arif (Shikhaliyev) E. The New World Order and its essence. Nakhchivan, 2020.
3. Balci A. Türkiye's foreign policy. 4. pressure. Istanbul, 2021.
4. BP Statistical Review 2022.
5. Brzezinski Z. The big chessboard. Baku: 2020.
6. Davutoglu A. Strategic depth. Türkiye's international position. Istanbul, Kure publications, 2001.
7. Energy Efficiency Strategic Document 2012-2023. / Official Gazette, February 25, 2012.
8. Erdal Tanas Karagol, Seyithan Ahmet Atesh, Türkiye's Quest to Become a Central Energy Country, SETA, 2016.

9. Hasanov A. The Legal Status of the Caspian Sea and the Geoeconomic Interests of Azerbaijan // 525th Newspaper – November 14, 2010, pp. 8-13.
10. <http://www.anl.az/down/meqale/525/2010/noyabr/141345.htm> (accessed January 2024).
11. Güл A. Horizons of Turkish Foreign Policy in the New Century, Ankara, Publication of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, 2007
12. Gunesh N.A. Is the Second Spring Permanent in Turkish Russian Relations? // Turkey in 2017.
13. Liana Jervalidze, Georgia: Russian Foreign Energy Policy and Implications for Georgia's Energy Security, London, 2006.
14. Martha Brill Olcott, International Gas Trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan, Rice University the James A. Baker III Institute for Public Policy, 2004.
15. Mesut Altın, "Turkish Stream Signed", Sabah, October 11, 2016.
16. Eleventh Development Plan 2019-2023, TBMM, 2019.
17. Ozer A. Turkish Public Administration on the Way to the European Union. The Story of a Change in the Axis of Globalization and Localization. Ankara, 2006
18. PETFORM// <https://www.petform.org.tr/dogal-gaz-piyasasi/turkiye-dogal-gaz-piyasasi/> (accessed – January 2024).
19. Presidency of the Republic of Türkiye Strategy and Budget Presidency 2021 General Activity Report. 2022.
20. Republic of Türkiye Energy Market Regulatory Authority, Natural Gas Market 2022 Sector Report. Ankara, 2023.
21. Republic of Türkiye Energy Market Regulatory Authority, LPG Market 2022 Sector Report. Ankara, 2023.
22. Türkiye's Energy Strategy 2008.pdf, 8 p.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

*Сборник статей по материалам CVII международной
научно-практической конференции*

№ 12 (107)
Декабрь 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 08.12.25. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 12,75. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru